

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Лидия Орлова

Вместо обычной школьной экскурсии на контактную ферму наш класс попал в странное место, окружённое густым туманом. Из окон нашего автобуса ничего, кроме этого тумана, не видно. И каждый, кто выходит из автобуса, назад уже не возвращается. Что скрывается за туманом: наша гибель или новая жизнь? И смогу ли я, ученица одиннадцатого класса, выбрать правильный путь и выстоять в неожиданных испытаниях?

1. Утро субботы

Я ненавижу экскурсии.

И предки это знают, но все равно заставили меня подняться сегодня в семь часов утра, что бы у меня не было шанса опоздать на школьную экскурсию.

Вообще, не вижу смысла в поездке в какое-нибудь малоинтересное мне место. Терять время и деньги на дорогу и пребывание там. Ведь через интернет можно узнать намного больше, и это не будет стоить ни целого потраченного дня, ни денег.

А еще в сеть можно попасть, не снимая пижамы. Можно смотреть на произведения искусства или слушать нудного гида на онлайн-экскурсии наслаждаясь шаурмой с газировкой. И обитатели фермы намного симпатичнее смотрелись бы через монитор ноутбука, ведь можно просто любоваться красивой картинкой, не морщась от специфических ароматов.

Но мама, как всегда твердит:

— Контактная ферма, она поэтому и «контактная», что там можно познакомиться с животными. Погладить кроликов... — Хорошо, что мама не добавила, что я смогу даже подоить корову.

Если бы любила ругаться, я бы сказала маме:

— Зачем бип, мне сдалась эта бип контактная ферма, когда мне, бип, и дома бипово?

Но я, в силу своего воспитания и личных приоритетов, высказалась иначе:

— Мам, дай, пожалуйста, дома остаться. Я посуду помою, и, может, еще и гречку к ужину сварю. — Это была более чем щедрая взятка с моей стороны.

Только мама, как всегда немногословно, отрицательно покачала головой. И более красноречиво начала сверлить меня недовольным взглядом.

— Пап, скажи ей, — перевела я жалобный взгляд на отца.

Но, скорее всего, мой взгляд не нес весомой смысловой нагрузки, потому что отец отпил из кружки огненного чая, и пробасил:

— Не спорь с матерью. Ее даже я слушаюсь.

Последняя моя надежда провести целый день в теплой кроватке разлетелась на множество капелек, как мыльный пузырь.

Пришлось закинуть на спину рюкзак и, громче топая по полу, направиться в прихожую.

— Не шуми, брата разбудишь, и соседи станут возмущаться, — крикнула мать.

— А почему кто-то должен спать, когда мне такая роскошь недоступна? — Себе под нос пробормотала я. И, надев ботинки, пару раз подпрыгнула в прихожей.

— Дочь! — Крикнул отец. Я, пригнувшись, ожидала ругани. Но он продолжил. — Возьми из кармана моей куртки пару бумажек на сладости.

Радостно и громко я просила:

— Красненьких? С пятеркой и тремя нулями?

Папа отреагировал громогласным хохотом, даже странно, что брат и соседи не попадали со своих постелек:

— Если найдешь, Кира, забирай и красные.

Мама снова шикнула, чтобы мы не шумели. А я полезла в папины карманы. Он никогда не носил бумажника, поэтому я нагло, как позволено только папиной дочке, обыскала все карманы. И помимо двух купюр по тысяче рублей нашла с десяток шоколадных батончиков с арахисом, несколько упаковок мятных жевательных резинок, два пакетика с семечками и шоколадные ириски с мятной же начинкой. Значит, папа, как обычно, решил пополнить мамины запасы? Успокоить ее сладостями всегда было проще, чем искать дома пятый угол или бежать по важным и неотложным делам. А мой отец умнейший из мужчин! За это я и люблю его больше всех людей на свете. Я вернула в карман его куртки пару ирисок и один шоколадный батончик с арахисом. Потом на носочках своих ботинок тихо добралась до кухни и сказала в шутку:

— Продолжайте завтрак. Меня провожать не надо.

— Никто и не собирался. — Вставила мама.

— Если не вернусь, знайте, вы лучшие родители в этом мире. — Добавила это специально, чтобы мама почувствовала себя виноватой.

Но она, нетерпеливо отмахнувшись, продолжила завтрак. А у папы, я поймала его взгляд, как-то странно блеснули глаза. Как будто он услышал что-то жуткое. Но я не стала испытывать и дальше мамино терпение и отправилась в школу. Но послать папе воздушный поцелуй не поленилась.

Испытывать мамино терпение было чревато, и себе такую роскошь не позволяли ни ее коллеги в торакальном отделении городской поликлиники, ни даже ее пациенты. И я решила быстрее скрыться с ее глаз, а то все деньги придется на сладость маме тратить.

С четвертого этажа спустилась по лестнице, и, оказавшись на улице, накинула на голову капюшон своей куртки. Моросило. В такую погоду ехать на контактную ферму, вообще, верх жестокости.

— Я тоже так думаю. — Раздался рядом знакомый хриловатый голос.

— Согласен. — Ответил другой мой одноклассник.

Запрокинув голову, я посмотрела на своих одноклассников — Коляна и Алекса — двух балаболов, с которыми меня жизнь связана намертво учебой в одном классе.

— Вы думаете? — Ехидно спросила я у обоих.

— Так же, как и ты, — кивая, подтвердил Колян.

— Хотите сказать, что вы думать умеете? — С прежней ехидцей спросила я.

— А то! — Гордо сказал Алекс. — Вот увидишь, как я в конце года ЕГЭ сдам. Еще автограф у меня попросишь.

— И у меня! — Колян также был высоко мнения о своих знаниях.

Было необходимо срочно спускаться на брентную землю:

— ЕГЭ по поеданию чипсов не сдают! — Припечатала обоих и гордо пошла по тротуару в сторону школы. Пешком, если идти по дворам, можно было дойти за двадцать минут.

Пацаны меня догнали:

— Эй! Пойдем в обход, через супермаркет, — предложил Алекс. А когда я вопросительно на него уставилась, пояснил. — Может, опоздаем. — Поделится он мечтой. — И хорошо бы чипсы купить на дорожку.

— И спайт. — Добавил Колян.

Идти по морозящему октябрьскому дождю было сомнительным удовольствием, но я тоже надеялась опоздать. А заглянуть в супермаркет была очень хорошая идея. Сладостей у меня с собой, конечно, не мало. Но хорошо бы еще чего-нибудь прикупить. Объемся в дороге, и никто не заставит меня на ферме парное молоко пить и сыр с ароматом навоза пробовать.

— Я тоже так думаю. — Сказал Колян.

— Как? — Остановившись, посмотрела на него. Не мог же он мои мысли читать?

— На ферме сыр обязательно будет пахнуть навозом. — Сказал он.

— Ты что, мысли мои читаешь? — Прищурившись, спросила у него. За все годы нашего знакомства такого таланта за ним не замечала.

Колян усмехнулся:

— Ты вслух думаешь, Малая.

Вообще-то, у нас с ним разница в возрасте была только пара дней. И я на эти несколько дней была его старше. У нас в классе есть традиция, в конце каждого месяца проводить один общий праздник и чествовать всех, кому посчастливилось родиться именно в этот месяц. А мы с Коляном родились в ноябре. Поэтому я точно знала, что старше его. И умнее. А Малой меня стали называть только с класса восьмого, когда все одноклассницы резко подросли, а я осталась низенькой. И одноклассники стали лучше ко мне относиться, ведь я была единственной девочкой в классе, которая не была их выше. А потом и они все вымахали выше нашего физрука. А я еле доросла до метра с половиной.

Мама удивлялась в кого я такая мелкая и хилая. А папа, на кого я была похожа зелеными глазами и темно-русыми волосами, сказал, что маленьких женщин всегда носят на руках. Меня он порадовал, а маму успокоил. В общем, я ждала того, кто примет своё великое предназначение — носить меня на руках. Среди одноклассников такого счастливица не нашлось.

— Очень громко думаешь, мелочь лохматая. — Подобрал, наконец, слова для ответа и Алекс. До него всегда все туго доходило.

— А во сне ты не говоришь? — Наклонился ко мне Колян.

— Не надейся, — фыркнула я, — код от сейфа я никому не выболтаю.

— Малая, у тебя и сейф имеется? — Серьезно спросил Колян. — Выходи за меня замуж!

Я фыркнула от возмущения:

— Ни за что. Я только в сорок замуж пойду. — Не видела смысла обзаводиться семьей раньше сорока лет. Мужчина моей мечты у меня уже был — это папа. Спиногрыз в семье имелся — брат. И мама моя была по страшнее любой свекрови.

— Кому ты в сорок лет нужна-то будешь? — Скривившись, произнес Колян. — Ладно, женюсь на тебе и в сорок лет. А так нагуляться успею...

Мы более чем за десять лет учебы в одном классе чувствовали себя вместе полнее комфортно. Хотя друг к другу особой симпатии никогда не питали, а в пятом и шестом классах даже нередко дрались, почти как настоящие братья и сестры.

Минут за тридцать мы добрались до супермаркета. И там долго бродили с тележками. Мы бегали мимо длинных рядов наперегонки, благо клиентов в такую пасмурную сырую рань было немного. В какой-то момент мы даже забыли и о школе, и об нелепой поездке на ферму.

— Чтоб молнией ударило того, кто придумал эти штуки. — Со злостью пихая телефон в свой необъятный накладной карман на штанах, бормотал Алекс.

— Что там? — Без интереса спросил Колян друга.

В это время сообщение пришло и на его смартфон, а через пару секунд зазвенело и в моем рюкзаке.

— Понятно, — читая свое сообщение, сказал Колян. И уже к нам обратился. — Обложили нас со всех сторон. Ведьма ждет. Пора спешить в школу.

Я тоже причитала сообщение от классного руководителя, Ксения Олеговна напоминала, что автобус уже подъехал и через десять минут мы должны выехать.

И мы, забыв, что являемся уже взрослые людьми, обитающими в цивилизованной стране, с задорными индейскими криками, толкая впереди себя почти пустые тележки, поскакали к кассе.

— Я победила, лузеры! — Воскликнула я.

— Мы тебя просто пропустили. — Занял очередь за мной Алекс.

— Проявили, как ее..., эту? Галантность! Как к будущей жене. — Заявил Колян.

Ответила им книксетом. И мы стали расплачиваться каждый за свою тележку. А так как денег дома нам всем выделили, мы не жадничали и взяли пакеты.

Мыслями находясь во многих местах одновременно, кроме кассы, я выложила на ленту выбранные мною сладости, чипсы, сухарики и разнообразную газировку с соками.

— Две тысячи пятьсот тридцать четыре рубля, — произнесла кассир вполне приветливым голосом. Поэтому я не стала возмущаться, почему получилась такая высокая сумма к оплате. Просто протянула ей три тысячи и, взяв сдачи и чек, отошла в сторону.

— Откуда у меня скотч? Я его не брал! — Вскричал Алекс и забросил рулон липкой ленты обратно в тележку. — Черт! Что тут делает крем для ног? Ромашковый! — Он еще немало вещей скидывал с ленты в тележку, громко при этом возмущаясь.

А я поймала взгляд покрасневшего от смеха Коляна и настороженно развернула свой чек. Помимо выбранных мной для борьбы с голодом вкусностей, там оказалась зажигалка для кухонной плиты, скотч, целый рулон мешков для мусора, туалетная бумага, антибактериальные салфетки и набор детских игрушек в виде овощей и фруктов в желтой сеточке:

— Четыреста рублей? — Вскричала я. Подошла к своему недоразвитому однокласснику и ударила его этим набором по голове. — Ты больной. Это фигня почти четыреста рублей стоит.

Он, с хохотом отбиваясь от моих метких ударов, напомнил, что мы у кассы, и чек у меня на руках.

— Верни все, что тебе не нужно. — Примирительно сказал он. — Это же, вообще, не проблема. И, вообще-то, ты же сама вещи из тележки выгружала, надо было смотреть, что на ленту кладешь.

С одной стороны он был, наверно, прав. Но, с другой, я из-за него разорилась. И он был достоин казни.

Я еще раз ударила его этим пластмассовым набором игрушек по голове.

— Отвали, — уже без улыбки огрызнулся он. — Нечего было зевать! И верни все, что тебе не нужно.

Я постаралась успокоиться.

— Зевала, потому что рядом фашистов не было. Я такого подлого поступка даже от врагов не ожидала. — Не смогла я удержаться от пафосных ноток.

А потом кое-что вспомнила и вернула набор игрушек в свой пакет и чек туда же

закинула.

Мы быстрым шагом шли к школе, и Колян пытался узнать, что я задумала. А я молчала, как партизан.

— Мелкая, только устрой мне пакость, и месть моя будет страшна, — наконец, перешел он к угрозам.

— Но вначале ты отведаешь моей страшной мести. — Зло прищурилась на него. — И потом, если выживешь, конечно, можешь попробовать отомстить мне на мою месть.

— Я не буду мстить на твою месть, потому что, опасаясь моей мести, ты не посмеешь мстить мне. — Застрочил на ходу Колян. Я даже споткнулась. И Алекс остановился:

— Вы на каком языке говорите? — Переводя с взгляд с меня на друга, спросил он.

— На великом и могучем. — Ответил, давя меня взглядом, Колян.

— Баран. — Сказала я и крепче обхватила пакет, чтобы нанести удар первой. У меня там газировка была, так что удар был бы ощутимым.

— Овца. Больная. — Выплюнул в ответ Колян. Мы бы точно подрались, только Алекс отвлек нас.

— Давно женаты? Мои родаки также спорят. — После подобного замечания биться на смерть расхотелось, но и уступить мы с Коляном друг другу не могли

Я в гляделки никому и никогда не проигрывала. И никто разумный меня взглядом в пыль растереть даже пытаться не стал бы. Колян тоже сдался быстро. Сплюнув в сторону, он, размахивая своим пакетом, потопал вперед.

Я, к сожалению, своим пакетом размахивать не могла, слишком он для меня был длинным, но топать у меня получилось не менее агрессивно. Только Алекс не знал, чью сторону занять и тихо плелся в нашей колонне третьим.

— Ух, ведьма нас высматривает, — пробормотал он.

— Малая, станешь, как наша ведьма, если характер свой не подправишь, — через плечо бросил мне Колян и, ссутулившись еще больше, ускорил шаг.

Ведьмой мы за глаза называли Ксению Олеговну, нашу классную руководительницу. Странно, но на этом единодушно сошлись во мнении все учащиеся нашего далеко не самого дружного класса.

Поздоровавшись, мы прошли в автобус. И, наверняка, наши недовольные лица были достаточно красноречивыми, чтобы ни наша классная руководительница, ни организатор школы, ни даже одноклассники не стали к нам цепляться. Как только мы запрыгнули в уже готовый к отъезду автобус, он сразу тронулся в путь.

2. В дороге

— Кира, гребн сюда! — Как всегда жизнерадостно, позвала меня Жанна. — Я тебе место у окна заняла. — И только после этого важного сообщения, добавила. — Привет!

— Привет! — Ответив на ходу, я дошла до нее и, присмотревшись, спросила. — Жанна, ты накраситься успела? Кого радовать собралась?

— Себя. — Отвела она. — Девушка всегда должна быть прекрасной.

Спорить было глупо, тем более, мы все отвлеклись на приветствия пацанов. На это действие можно было смотреть, как на реалити-шоу. Весь автобус заполнили звуки их приглушенных хлопков друг другу по плечам и спинам, рукопожатиям и громким: «Бро!», «Братуха!», «Где пропадал?», «Почему не на связи?», «Мы уж думали, что кто-то слинять вздумал».

— Можно подумать, они год не виделись, — сказала я Жанне.

— У них память короткая. И мозги не всегда работают. — Я с подружкой была согласна только частично. Но спорить и не думала, я же видела ее влюбленный взгляд на Коляна. Жанна, вообще, была влюбчивой.

— Кира, ты переселиться на ферму готовилась? — Дернула она мой пакет. — И где Алекса с Коляном подцепили? Не из-под своей же кровати ты их вытянула? — Она всегда грубо отзывалась о парнях, особенно когда они ее точно слышали. И даже влюбленность ее не меняла.

Колян и Алекс и несколько других одноклассников недовольно посмотрели на Жанну, но промолчали. Хотя обычно никто из них за словом в карман не лез. Но Ксения Олеговна сидела лицом в сторону салона автобуса, а ее лучше было не заводить.

Мы все, хоть и стыдно в этом признаться, до дрожи ее боялись. До десятого класса нас было целых два класса. Сдав экзамены в девятом классе многие наши одноклассники поступили в колледжи и училища. И в десятом классе «А» и «Б» классы объединили в один. Тогда я и пожалела, что не последовала маминому совету и тоже не поступила в колледж.

Как можно было собрать в одном классе таких разных людей, как мы? Наш класс — «бэшники» — всегда был дисциплинированным, мы не курили в школе и с уроков не сбегали. Большая часть класса хорошо училась, мы даже на предметных олимпиадах и спортивных состязаниях занимали призовые места. А от нашего класса остались только я, Жанна, Алекс, Колян и Рома, он всю жизнь был старостой класса и сейчас сохранил за собой эту почетную должность всезнайки.

А бывших «ашников» в нашем одиннадцатом классе было подавляющее большинство, четырнадцать человек. И среди них ни одного успевающего хотя бы на твердую четверку. Спрашивается, зачем они, вообще, в десятый класс перешли и как собираются с выпускными экзаменами справляться?

Но самым большим разочарованием в начале прошлого учебного года было то, что нам сменили классную руководительницу. Сперва директор нам пообещал, что десятый класс доверят только Маргарите Константиновне, потому что она была лучшей. Ее мы все любили, она бы даже бывших «ашников» воспитать смогла. Но Маргарита Константиновна неожиданно попала под машину и погибла, и класс доверили Ксении Олеговне. А она у нас никогда раньше даже не преподавала. Перешла к нам с какой-то гимназии, и все стали плясать под ее дудку.

И, вроде бы, приличная тетка, ухоженная, одевается стильно, для своих пятидесяти лет выгладит хорошо и свой предмет знает отлично. Можно сказать, историк она гениальный. Даже родители наши на нее чуть ли не молятся. Но моя душа ее не принимает. Ни разу я не смогла обратиться к ней за помощью. А она всегда прет, как танк, напролом. Придумала эту поездку совсем не ко времени. И при этом раз сто обзвонила всех родителей, чтобы ни одного ее ученика не оставляли дома.

Вначале думала, что только я отношусь к ней так предвзято, ведь я искренне любила Маргариту Константиновну. Но и Жанна, и пацаны, и даже все ашники Ксению Олеговну также не переносят.

Пока мы ехали, в автобусе установилась тишина, почти все досыпали субботний сон.

— Ребята, ребята, — вначале пыталась привлечь наше внимание Ксения Олеговна. — Посмотрите, какой храм. — Дальше я ее уже не слушала. История и архитектура храма — последнее, о чем мне хотелось знать субботним утром. — Ребята, а этот мост построили ещё... — Эту бессмысленную информацию я также прослушала.

Потихоньку энтузиазм и классного руководителя иссяк, и дальше она завязала тихий разговор с организатором школы, Людмилой Борисовной. Наверняка, ее снарядил сопровождать нас директор. Я включила свой любимый плейлист на телефоне и, надев наушники, исчезла из реальности.

У меня было много шикарных музыкальных треков, но сейчас любимые композиции не отвлекали меня от бесконечной езды.

Нам говорили, что дорога до фермы длится около часа. Мы ехали уже не меньше часа, но знака с названием нужной нам фермы не проезжали. По-моему. Хотя вполне возможно, что из-за усилившегося дождя мы ехали слишком медленно и просто не доехали до него.

А в какой-то момент мне показалось, что вместо унылого осеннего пейзажа из опавших деревьев я за окном увидела яркие сочные, освещенные летним обжигающим солнцем, деревья.

Проморгавшись, я смогла избавиться от странной иллюзии. И наш автобус все также ехал по мокрой асфальтированной дороге, на которой изредка встречались ямы. Хотя странное ощущение не покидало меня. В тот момент, когда я видела лето за окном, меня будто опалило жаром. И мне до сих пор было жарко.

Я отключила музыку, аккуратно сложила наушники в футлярчик и растолкала Жанну, которая спала на моем плече.

— Уже приехали? — Зевая и потягиваясь, спросила она.

— Вроде бы нет.

— Ну, тогда дай доспать.

Будить всех одноклассников и поднимать панику было глупо. Раз даже водитель спокойно продолжал путь, значит, это я поймала галлюцинацию.

Чтобы больше мне ничего странного не привиделось, и сразу подавить растущее беспокойство, я достала из своего пакета пачку чипсов со вкусом краба и смачно захрустела ими. Ко мне со всех сторон потянулись руки, как конечности мучеников из преисподнии. Отбиться от них было очень сложно. Пришлось делиться, пока чья-то особо наглая рука не утащила всю пачку с оставшимися хрустящими ароматными тончайшими картофельными дисками.

— Малая, — окрикнул меня один из одноклассников. — А что у тебя найдется хлебнуть?

— Колян купил энергетики, — крикнула я в ответ на весь автобус.

А дальше в замкнутом пространстве автобуса начался хаос. Все парни требовали у Коляна только по одной баночке энергетика, он отвечал, что только одну и купил. Врать он никогда не умел. Зато сразу сдал Алекса, который купил две банки бодрящей газировки. Кто-то требовал делиться, время от времени слух резали довольно эмоциональные словечки ненормативной лексики. И никто из старших не пытался привести наш класс к порядку. Чем может быть увлечен учитель, чтобы не призвать к тишине разбушевавшихся старшеклассников?

— Что ж так жарко-то? — После этой фразы Жанны, я поняла, что и мне очень жарко. Мы с Жанной оглянулись друг на друга и синхронно вытерли испарину со лба. А потом одновременно выглянули в окно автобуса, но сейчас за ним ничего невозможно было рассмотреть из-за непроглядного тумана, буквально облепившего наши окна.

— Водить в слепую едет? — Спросила Жанна.

— Наверняка, он противотуманки включил, — сказал кто-то из парней за нашими

спинами.

— Армен профессионал, он и с закрытыми глазами автобус поведет. — Добавил другой уверенный голос.

— Я бы с таким профи ехать не согласилась. — Заметила я.

— А кто тебя спрашивать-то будет. Ведьма скажет — надо, и ты поедешь хоть с шимпанзе вместо водителя. — Недовольно вставил Колян, у которого все-таки умыкнули напитки.

— А, ладно. — Не стала я спорить. И начала стягивать с себя куртку.

Все кругом уже давно были без верхней одежды.

— Армен, что с отоплением? Тут душно! — Повторил вопрос наш староста, который в более вежливой форме уже задавала Людмила Борисовна.

И водитель уже отвечал что-то невразумительное.

А среди пацанов начался спор.

— В автобусах нет отопления.

— Везде есть отопление.

— В автобусе — печь.

— Какая разница, как это греющая штука называется? Главное, отключить ее.

— Отопление и печь ни одно и то же.

— Да какая разница!

Ксения Олеговна, которая всегда требовала идеальную тишину на уроках, и чуть ли не армейскую дисциплину в поездках сейчас никого к порядку не призывала. Очень нетипичное для нее поведение. Если у нее самой не было желания ехать на ферму, могла бы просто отменить эту поездку.

— Арменчик, — повысив голос, почти завизжали одна из девчонок, — здесь как в духовке жарко!

— Ребята, — наконец отвлеклась от телефона Ксения Олеговна. — Сядьте, пожалуйста. Сели все на свои места! Потерпите немного, не растаете.

— Но тут душно. — Продолжили возмущаться девочки уже тише.

Ксения Олеговна обвела салон автобуса недовольным взглядом:

— Наш навигатор сбился, а мы давно должны были доехать до фермы. И самое неприятное, пропала связь, мы не можем до директора дозвониться, — сообщила она.

— Мы же не могли до Америки доехать? А в России в октябре так жарко не бывает. — Оставшись в футболке, сказал Колян.

— И Африка далеко. Кажется. — Добавил с широкой улыбкой Алекс. Он тоже скинул куртку, а, снимая водолазку, растрепал свои короткие волосы, и теперь они торчали во все стороны, как после удара током.

Наш староста выглядел, в отличие от них обоих, сильно встревоженным:

— Смотрите, какой здесь туман. Даже дороги не видно. Как мы, вообще, едем с такой-то видимостью?

В этот момент автобус резко дёрнуло, и он с пронзительным визгом затормозил. Если бы мы не ехали очень медленно, нас бы могло и занести в кювет. Или автобус завалился бы на бок. Можно было радоваться и отсутствию встречных машин на дороге.

Армен экспрессивно и громко заметил, что дорога неровная. И помянул добрым словом дорожников и их почтенных матушек. Людмила Борисовна смутилась и извинилась за него перед нами. А мы сидели загадочно улыбаясь, как будто ничего из услышанного не

разобрали и не запомнили для удачного воспроизведения в подходящей компании. Но, в общем-то, мы водителя понимали, сами тихо, но единодушно помянули женщин, которых в Америке называют "жертвами обстоятельств".

Перепугались все, сидевшие в автобусе. Только одноклассники потом начали подшучивать над нами и утверждать, что они-то ничего не боятся. А водитель, крикнув в салон, что быстро разберётся с преградой на дороге, вышел из автобуса.

— А что там за преграда? Не видно?

— Из-за тумана ничего не видно.

— Может, мы в яму попали?

— Из ямы Армен быстро бы выехал. Для него яма не проблема.

— Может, люк на дороге открыт?

Все начали переговариваться, при этом расстегивая пуговицы теплых рубашек или стягивая свитера. А Колян даже ботинки свои снял и аккуратно, под пристальным взглядом всего автобуса, поставил их под одно из сидений. Алекс сразу последовал его примеру.

— Что? — Ответил он на устремленные уже на него взгляды. — У меня ноги вспотели.

Жара, действительно, оказалась не осенняя. А автобус давно стоял, значит, и печка в нём не работала. Армен всё не возвращался, а всем хотелось пить и выбраться из этого раскаляющегося автобуса. У меня были бутылки с газировкой и пачки с соком, но на всех бы их, все равно, не хватило, поэтому я не спешила делиться. И сама пить не могла.

— Ребята, ребята, не знаете как дверь открыть? — Спросила у мальчиков Ксения Олеговна. Она тоже давно скинула пальто и жакет.

— Там наверху сбоку от двери есть аварийная кнопка, — сказал Алекс.

— Не трогайте эту кнопку! — Вскричал Рома. — Тут же бесконечный звон поднимется. Я вот так дверь открою.

И он, самый примерный ученик нашего класса, кандидат на золотую медаль, дотянулся через передние сиденья к панели управления автобуса и нажал там какую-то кнопку. Передняя дверь распахнулась мгновенно. А мальчики ещё и люки подняли и форточки открыли. Сквозняк сделал жару не такой нестерпимой. Но оставаться в автобусе уже никто не хотел. И больше всех на свежий воздух рвалась наша классная. Она сказала, чтобы мы оставили все лишние вещи на своих сиденьях и вышли из душного автобуса. Я, которая сама только что хотела наружу, резко расхотела покидать его.

И Людмила Борисовна попросила нас оставаться в автобусе:

— Мы не знаем, что это за место. Давайте, я пойду и попробую там осмотреться. — Предложила она Ксении Олеговна.

— Нам лучше всем вместе выйти наружу. Правильнее будет нам не расходиться, и всем держаться вместе. — Некоторый из старшеклассников поддержали и классную.

Но организатор школы оказалась убедительнее. Под конец, она настойчиво попросила Ксению Олеговну, остаться пока с классом, и нам повторила, чтобы мы автобус не покидали, пока она сама не проверит, куда делся водитель. Когда же она совсем не решительно направилась к выходу, к ней присоединились две наши одноклассницы:

— Мы с вами, Людмила Борисовна, — сказали они, — если что поможем и Армена за баранку вернуть.

Проводили мы их троих, улыбаясь от этих последних слов.

3. В автобусе

Людмила Борисовна с девчонками скрылись в тумане, и обратно они не вернулись.

Вначале нам казалось, что они появятся через пару минут. Мы спокойно ждали их и следующие полчаса. Никто в автобусе не смел показывать, что он испытывает. Я, например, очень переживала за всех не вернувшихся в автобус людей, но при этом спокойно сидела и продолжала делать вид, что увлечена игрой в телефоне, для которой не нужен интернет. Обычно я без особых проблем составляла новые слова из букв одного длинного слова, но сейчас у меня не получалось сложить буквы даже для самых коротких слов.

— Да что ж это такое? — Не выдержала первой Жанна. — Когда они вернутся?

— Они не вернутся. — Крикнул Алекс на весь автобус, напугав многих. А потом с нервным смехом закончил. — Наверно, они море нашли за туманом и сейчас купаются.

Мы все поддержали его шутку немного истеричным смехом.

— Здесь не может быть моря. — Серьезным тоном произнесла Ксения Олеговна

— Раз моря нет, может быть озеро или речка. — Не сдался Алекс.

— Или ручеек. — Поддержал его Колян.

— Или лужа. Все лучше, чем сидение в этом автобусе, — добавила девчонка с конца автобуса.

— Пусть тогда найдется кружка кваса, — поднял палец вверх Алекс.

— Лучше уж бочка пива. — Заявил Колян, и почти все в автобусе стали кивать, соглашаясь, что о лучшей находке и мечтать не стоит. И все плавно перешли на шутки и анекдоты о пиве, пьянстве и пьяных людях.

Всегда знала, что мои одноклассники эмоционально незрелые существа. Но веселиться, когда мы оказались в таких странных обстоятельствах, было уже явной глупостью. Но, с другой стороны, всем необходима была эмоциональная разрядка.

В общем, шутить и отвлечься пытались все, но, как в прежние наши поездки, никто не разбежался в разных направлениях. Все вели себя более-менее собранно, а самое главное, никто не пытался покинуть автобус.

— Как думаешь, что там за туманом? — Шепотом спросила у меня Жанна.

Ответил ей Колян:

— Сто пудово там какие-нибудь монстры. Помните фильм «Мгла»?

— Балбес. — Пнула она его легонько.

— Не, там нет монстров. Никто же из жертв не кричал, о помощи не просил. — Серьезно проговорил Роман.

— Каких жертв? — С дрожью в голосе и еле сдерживаемыми слезами спросила одна из наших одноклассниц.

Роман приподнял ладони в успокаивающем жесте:

— Никаких жертв. — Уверенно сказал он. — Я же говорю, криков не было, о помощи никто не просил. Значит, все живы и здоровы, просто отошли далеко от автобуса и не могут вернуться.

— Если они потерялись в тумане, то правильнее было бы звать нас на помощь. — Подумала вслух я. Все посмотрели на меня. И, кивая, многие со мной согласились. И я предложила нам покричать и позвать их обратно в автобус.

— Хорошая идея. — Поддержала меня Ксения Олеговна. И добавила. — Только вам нужно выйти из автобуса, чтобы вас лучше было слышно.

Роман снова доказал, что он умнейший в нашем классе. Он перешел через передние сидения на место водителя и начал нажимать на центр руля, нас накрыло не слишком громким звуком предупреждающего сигнала. Роман прогудел таким образом раз десять. Но

никто в автобус не вернулся. Староста вернулся на свое место и, пожав плечами, предположил, что наши спутники успели отойти слишком далеко.

— Будем повторять гудки каждые десять минут. — Предложил Колян.

И мы все с ним согласились. Только Роман сказал, что так можно разрядить аккумулятор, поэтому время от времени будем заводить автобус. Я смысла этого действия не поняла, но все парни наши, что идея хорошая. Поэтому и я кивнула.

Мы сидели в тишине недолго. Своими умственными вывертами решила нас порадовать главная красавица класса, Милана.

— А, по-моему, туман скрывает обрыв. — Растягивая гласные, проговорила она. — И все, кто вышел из автобуса, сразу упал в бездну.

— Вот. — Поддержала ее лучшая подруга. — Мы же могли заехать на горы.

— Какие горы? — Приводняя бровь, спросила Ксения Олеговна. — Уральские? Кавказские?

Девчонки, смутившись, затихли.

— Криков-то не было. — Захотела я разрядить непростую обстановку. — По-моему, никто не стал бы молча падать в бездну.

— А давайте проверим! — Оживился Алекс, он схватил пустые банки из-под энергетика и газировок. Одну он бросил почти возле двери. Раздался шум упавшей жестянки и в наступившей тишине было даже слышно, как она закатилась под автобус. Или я себе этот звук надумала?

— Может, обрыв находится чуть дальше от автобуса? — Храбро вытянулась вперед Милана.

Мальчишки решили проверить и эту версию. Вторую баночку отбросили чуть дальше. А третью ещё дальше. Звон жестянки об камни раздавался в обоих случаях.

— Леди и джентльмены, опытным путем проверено, что обрыва рядом нет! — Объявил на весь автобус Колян.

— Радостные аплодисменты, переходящие в бурные овации. — Захлопал первым в ладоши Алекс. И многие его поддержали.

И все расслабились и продолжили гадать, почему же не возвращаются те, кто покинул автобус.

— Там кто-то есть! — Резко подпрыгнув со своего места, вскричала Милана.

Мы все прижались к стеклам автобуса с ее стороны и начали всматриваться в туман. А Роман, уже привычно перевесился к водительскому сидению, чтобы закрыть двери автобуса.

— У страха глаза, — тихо начал Алекс и криком закончил, — велики!

— Просто огромного размера. — Поддержал его и Роман, глаза которого и вправду стали казаться намного больше.

— Ромка, Коля, ну там и вправду кто-то ходил. — Жалобно проговорила Милана. И она не скрывала страха. — Почти у самого автобуса. Какой-то дядька с черной бородой. Он ещё коснулся одним пальцем стекла и отшатнулся. — Как всегда, нудно растягивая гласные, пыталась она всех убедить в своих словах.

Но никто ей не верил, хотя и лгуньей ее никто открыто называть не стал. Потом все начали шутить, почему ей именно бородатый мужик привиделся, посыпались догадки, не оговорилась ли она по Фрейду.

— У Армена была борода, — вспомнила я. Мне надоели глупые шутки великовозрастных детей. И, по-моему, в серьезной ситуации не стоит смехом ослаблять

бдительность.

— То, что у Армена на лице, называется щетина, а не борота, — исправила меня Жанна.

— Лёгкая небрежная небритость, — исправила уже ее Милана.

— Колючая щётка. — Не уступила Жанна.

И дала этим повод мальчишкам подшутить над собой:

— А откуда ты знаешь, что колючая? Трогать приходилось?

— От верблюда, — пробурчав себе под нос ещё что-то, Жанна отвернулась к окну.

А у всех остальных снова завязался спор. Сейчас все обсуждали, Армен ли ходит кругами вокруг автобуса или кто-то чужой.

— Точно, это Чужой! — Радостно воскликнул Алекс. Он был фанатом этой инопланетной сущности. И, кажется, не задумывался, что окажись здесь настоящий Чужой, никто бы из нас уже не смог выжить. — Водитель бы круги наворачивать вокруг своего же автобуса не стал.

— А Чужой, конечно, стал бы! — Вставила я, вызвал одобрительный свист класса. — Это так типично для инопланетного монстра: ходить вокруг автобуса набитого едой и не только и даже не попробовать пробраться внутрь.

— Дверь закрыта! — Сказал Алекс в защиту своей версии.

— Форточки открыты! — Заявила я. — И люки тоже.

— Чужой бы мог все стекла вдребезги разнести. — Колян, отстаивая физические возможности и агрессию Чужого, невольно встал на мою сторону.

— Вот! — И я добавила последний аргумент. — Тем более у Чужого нет бороды.

— Бороды ему для полного счастья и не хватало. — Все так обиженно пробурчала Жанна, вызвав у нас не совсем здоровый смех.

Но смех смехом, а напряжение в автобусе росло. И жара ощущалась сильнее.

— Что нам делать? — Спросила у Ксении Олеговны Милана. Наша красавица старалась казаться спокойной, но ее растерянность и страх ощущались даже на другом конце автобуса.

Пока самый взрослый и опытный человек в автобусе молчал, наш староста ответил:

— Мне кажется, мы должны дождаться, пока вернутся Армен, Людмила Борисовна и девчонки.

— Очень сложно ждать, когда хочется... по малой нужде, — от слов Миланы Рома смутился и замолчал. А о нужде, малой и большой, кажется, забеспокоились все. Мне и самой не помешало бы посетить уборную.

— Тогда, может лучше пойти и поискать туалет? — Внесла предложение Милана. — Пусть парни сходят, если что вы и от Чужого отобьетесь. Или, в крайнем случае, сбежите, вы же не на каблуках.

Милана, определенно, была очень высокого мнения о физических возможностях одноклассников. Но Жанна встала и громко сказала ей:

— Сама иди и ищи все, что тебе нужно. И шпильки свои можешь снять, если на каблуках ходить разучилась.

Пока девочки переругивались, два наших одноклассника из бывших ашников вместе направились к выходу из автобуса. Под пристальными взглядами всего автобуса, они открыли дверь и решительно шагнули на землю.

А Мишка, прежде чем сделать последний шаг на землю, сказал:

— Если что, с помощью не тяните. — И они пропали в тумане. От напряжения мне казалось, что грохот моего сердца мешает мне прислушиваться к звукам с улицы.

— Они же вернутся? — Прошептала Милана виновато. — Это я виновата.

— Никто не виноват, подождем немного. И будет правильно, если мы все вместе пойдем их искать. Выстроимся цепью, поймаем друг друга за руки, чтобы не растерять друг друга из виду. — Ксения Олеговна озвучила мысли, которые, скорее всего, многим пришли на ум. И большинство старшеклассников закивали, соглашаясь, что это хорошая идея, всем вместе отправиться на поиски.

Наверно, я была единственной, кто никуда идти не хотел.

— Ребята! — Донесся крик Мишки из тумана. Рома быстро вскочил и добравшись до водительского места начал жать кнопку предупреждающего сигнала. Шумел он достаточно долго, чтобы наши одноклассники могли вернуться на звук. Но никто не вернулся.

Когда установилась тишина, снова донесся голос невидимого Мишки.

— Ребята! Ксения Олеговна! Идите сюда. Здесь...

Я не услышала, о чем сообщил Мишка. Но Ксения Олеговна громко и решительно объявила, чтобы мы все вместе, желательно держась друг за друга, вышли из автобуса. Все приняли ее слова со сдержанной радостью. Все, кроме меня.

— Ребята, ребята, не берите с собой ничего лишнего. Быстрее выходим. Скоро время обеда, мы должны найти кафе или столовую, что бы поесть. Может все там и ждет, пока подойдем и мы.

После этих слов классной, все учащиеся начали, опережая друг друга, выходить из автобуса прямо в туман.

Ксения Олеговна ждала в автобусе, пока мы все выйдем, но я даже не встала со своего сиденья.

4. Бунт

Автобус покинули тринадцать наших одноклассников и одноклассниц — все, кроме меня, Алекса, Коляна и Жанны. Рома, оглянувшись на нас и задержавшись на классном руководителе взглядом, вышел самым последним из них. Он не хотел выходить, но Ксения Олеговна напомнила, что он, как староста класса, должен помогать ей контролировать класс. А Рома всегда был ответственным.

Но сама Ксения Олеговна все еще стояла у распахнутой двери и в нетерпеливом ожидании смотрела на нас. Не дождавшись от нас четверых нужной реакции, она несколько раз повторила, чтобы мы тоже покинули автобус. Я никуда не собиралась, поэтому посмотрела на классную и спросила, зачем она берет с собой сумку, когда сама сказала всем оставлять лишние вещи в автобусе. А у нее на плече была не обычная сумка, а спортивная, большая, в ней можно было половину моего гардероба перенести.

— Тут самые необходимые вещи, Кира, — ставя сумку на пол, сказала она. — Аптечка, вода, салфетки. Кто знает, что в дороге понадобится?

А потом выглянула из автобуса и с не свойственным ей оптимизмом сказала:

— Ребята, ребята, представьте, здесь настоящая зеленая трава. Как летом. Вам она понравится. Выходите быстрее!

Если она думала, что я, как блеющее травоядное отправлюсь смотреть траву, а заодно и спасти пропавших одноклассников, она очень сильно ошибалась. Я, чтобы наглядно показать свое желание оставаться на месте, достала свой телефон, убедилась, что связь все ещё не появилась и подключила наушники, чтобы слушать музыку. Но до этого я попробовала, в который уже раз позвонить по номеру «сто двенадцать». А настроение было такое, что хотелось звонить и в "девять-один-один", и людям в черном и личному ангелу-

хранителю. Знать бы все нужные номера...

— Оставьте ее здесь, если она так хочет. — Услышала я сквозь тихо звучащую в наушниках песню обращение Ксении Олеговны к Алексу и Колян. Они стояли возле моего сидения. — Потом сама поспешит за нами.

И она сказала им и Жанне, что сообщит о нашем неподобающем поведении родителям, если они не выйдут из автобуса. Я не собиралась поднимать бунт против классного руководителя, просто хотела остаться в автобусе. Туман, со всем, что он скрывает, меня не привлекал. Но при этом я и не требовала, чтобы кто-то еще оставался со мной. Но мне было приятно, что без моих уговоров трое человек, как и я, решили не покидать автобус.

И поэтому, когда услышав угрозы классной, Колян направился к выходу, я почувствовала себя преданной. Даже не думала, что его можно запугать, пригрозив пожаловаться его родителям. Колян всегда хвастался тем, что родители у него мировые, всегда его понимают и не ругают по пустякам.

Колян, а вслед за ним и Алекс, направились к нашей классной, но не прошли мимо нее к двери. Колян схватил педагога за плечи, резко развернул ее к выходу и довольно-таки грубо вытолкнул ее из автобуса. Мы с Жанной в шоке наблюдали, как, тихо вскрикнув, Ксения Олеговна вывалилась наружу. Но не упала, устояв на своих удобных туфлях с прямой подошвой.

— Повезло, что не на шпильках была, — заметила Жанна.

А я, убрав телефон с наушниками в карман, посмотрела на Коляна, на которого также удивленно смотрели Алекс и Жанна.

— Николай, вам это с рук не сойдет! Я на вас заявление в полицию напишу. И такую характеристику напишу, что тебя ни в один вуз не примут. — Возмущалась Ксения Олеговна за пределами автобуса. Неужели боялась войти?

— Плевать, — еще и сплюнув, сказал Колян. —

— Отдайте мою сумку. — Сказала уже спокойнее Ксения Олеговна, когда поняла, что ругань и угрозы на ее ученика больше не действуют.

— Сама зайди и забери. — С этими словами Колян отошел от двери и, приблизившись к нам, сел на переднее сидение.

— Гадина! Бесит! — Зло, даже не разжима губ, прошипел Колян.

— Бли-ин, — протянула Жанна, — а тебя в тюрьму не посадят?

— За что? — Воскликнул Алекс. — Колян ее не покалечил, просто помог спуститься со ступеней.

— Колян ее вообще не трогал! — Заявила я. — Ксения Олеговна сама хотела выйти из автобуса, сама же и вышла. Колян ее даже не коснулся. Может, у нее нога подкосилась?

— Точно, — радостно подтвердил Алекс, — мы будем твоим алиби, Колян.

— Свидетелями, — исправила я.

— Это разве не одно и то же? — Спросила Жанна.

Я пожалала плечами. Не хотелось объяснять очевидную разницу между алиби и свидетелями. Но против Коляна я точно свидетельствовать не буду.

— Вообще-то, — понизив голос, сказал Алекс, — я столько раз мечтал эту ведьму в окно выбросить.

— А я хотела, чтоб у нее инсульт случился, — поделилась Жанна.

Я ничего плохого Ксения Олеговна не желала, но она мне всегда не нравилась.

— Тварь. Я из-за нее пожалел, что после девятого класса со школы не ушел, — сказал

Колян. — Как на каторгу в школу хожу.

— Ничего, ты ей зза все отомстил, — после этих слов Жанны мы все рассмеялись. А потом заметили, что свою сумку Ксения Олеговна так и не забрала. Значит, решили мы, не так уж она ей и была нужна. Не могла же она испугаться Коляна?

Я достала свой пакет с покупками из супермаркета, и мы вчетвером поделили между собой мои чипсы, сухарики и шоколадные батончики из папиного кармана.

— Ммм, — с наслаждением сказал Алекс, — это лучший момент нашей поездки.

— Надо было дома остаться, и там чипсы жрать, — добавил Колян. Он уже перешел на газировку и стал пить темный напиток из стеклянной бутылки, запрокинув голову. Колян как будто позировал для рекламы. И Алекс последовал его примеру и опрокинул в себя целую бутылку газировки.

А у меня наслаждаться магазинной едой не получалось, потому что призрак уборной маячит все настойчивее. Я уже чувствовала, как с каждой секундой давление на стенки моего мочевого пузыря становится все ощутимее.

— Что нам дальше делать? — Спросила я у Коляна.

— Может, попробуем развернуть автобус и поехать в обратную сторону? — Перевел он взгляд с меня на Алекса.

— Жаль мы отпустили Рому, он бы вмиг с управлением этого корыта разобрался.

— Чтобы разобраться с машиной золотая медаль не нужна, — сказал Колян и отправился вперед автобуса и, перебравшись на водительское сиденье, уже через пару минут завел автобус. Только проехать вперед не получилось. Мы долго буксовали на месте. А потом Колян попробовал дать задний ход.

Мы с Жанной дружно завизжали, когда автобус медленно поехал назад. Но радовались мы недолго. Дернувшись, автобус остановился. И как бы Колян не нажимал педали, продолжить движение у нас не получалось.

— Колян, дай, я попробую. — Потрепал друга за плечо Алекс. Они поменялись местами. И под наши дружные подбадривающие крики Алекс нажимал педали, дергал какие-то рычаги, нажимал кнопки, но все его старания ни к чему, кроме шума и дыма, не привели.

— Черт. — Сказал Колян. — Мне кажется, что под колесами, что-то лежит: камни или бревна.

— Думаешь, нас специально здесь задерживают? — Спросил Алекс.

Колян кивнул. Мы с Жанной переглянулись. А потом все четверо сели на сиденья и задумались о сложившейся ситуации.

Мне, почему-то, даже музыку слушать не хотелось. По-моему, сейчас у меня не получалось бы, как обычно, раствориться в любимых треках. Беспокойство снова стало расти. Все очевиднее становилось: происходящее не является нормальным. Автобус стоял уже не меньше пяти часов, водитель и все ушедшие вслед за ним люди не возвращались. Это можно было списать на розыгрыш или социальный эксперимент, если бы не резко повысившаяся температура воздуха и не туман, который все также оставался непроглядным.

— Дурдом, — откинувшись на спинку сиденья, сказал Колян.

— "Дуравтобус", — поправил друга Алекс.

— Дурацкая экскурсия! — В сердцах воскликнула Жанна.

— А я в младших классах мечтал о таком приключении, — ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил Алекс. — Чтобы никаких взрослых рядом, много шоколадных

батончиков, чипсов и газировки.

— Да. И еще под боком красивые девчонки ... — Посмотрев на меня, мечтательно добавил Колян.

— Это ты про нас? — Спросила Жанна. — Спасибо. Я и не знала, что ты не комплементы способен.

Колян отвернулся к окну, и в автобусе снова установилась напряженная тишина.

— Если бы здесь хотя бы писсуар был, — ровно сел Алекс.

— Где? На сиденье? — Спросил Колян.

— Пусть бы хоть в центре автобуса унитаз стоял, сейчас уже не до застенчивости, — без обиняков вставила Жанна. Я и парни были с ней согласны.

Проблема с уборной становилась все острее.

5. Четверо в автобусе

— Вот. — Колян достал откуда-то из-под водительского сидения пластиковый пустой пятилитровый бочок.

Мы все смотрели и на этот бочок и на его добытчика с немymi вопросами. Колян перешел снова в салон автобуса и посмотрел на Алекса:

— Нож у тебя есть?

— Какой нож? — Алекс даже отступил на пару шагов от друга.

— Обычный. Карманный. Можно даже кнопочный.

— Откуда? Кто осмелится холодное оружие перед Ксенией Олеговной в автобус пронести.

— Вот и я струхнул, свой ножик не взял, — вздохнул Колян. А потом посмотрел на Жанну и меня. — Девчонки, вы же всегда носите с собой разные наборы. Ножиков или ножниц у вас нет?

— Есть пилочка для ногтей и щипчики для кутикулы. — Жанна была готова делиться содержимым своей косметички.

А я не была готова отдавать Коляну свои маникюрные ножницы. У меня кроме них вообще для ногтей ничего не было. Не любитель я с ногтями возиться. Главное обрезать их регулярно, чтобы соблазна грызть не возникало.

— Малая. — Колян выдержал драматическую паузу. — У тебя что-то есть. Я прав? Давай сюда. — И нагло протянул ко мне свою лапу.

— Я с вами чипсами и сухариками делилась, — напомнила я.

— Мне надо обрезать верхушку этого бочка. — Сказал Колян. — И будет у нас вполне современное «автобусное судно».

Мы с Жанной возмущенно переглянулись. Справлять нужду в обрезанный пластиковый бочок? Я уже не говорю, что это может быть опасно, вряд ли криворукий Колян аккуратно бочок порежет. Но в автобусе даже спрятаться места нет. Парни же, когда мы вернемся домой, нас попрекать будут. Свои проделки они быстро забудут, а меня и Жанну опозорят на всю жизнь.

— Малая, косметичку сюда, — сказал Колян, делая хватательный жест рукой.

— Кира, — сказала и Жанна, — сейчас не время жадничать.

А я жадничаю! Мои ножницы немецкого производства. Какого-то очень крутого бренда. Они очень острые и удобные, я могу с ними ровненько подстричь даже ногти на правой руке. И они мне не просто нравятся, они мне дороги, потому что я их совсем недавно конфисковала из маминой сумочки. И она их потом очень долго искала.

Только против трех пар глаз выстоять я не смогла. Скрепя сердцем, я вытащила свои ножницы в фирменном чехле из бокового кармашка рюкзака. И дрожащей рукой передала Колян.

А он вместо того, чтобы пообещать аккуратно с ними обращаться сказал, что я смогу первой сходить в его импровизированный туалет.

— Вот спасибо тебе, друг бесценный! — Не удержав сарказма, я обиженно вернулась на свое сиденье и села у окна. Музыка слушать не хотелось, хотелось домой, сварить гречку, и пропылесосить свою комнату. И папе пожаловаться на классную и неудачную экскурсию. Больше я никуда с классом не поеду! Даже на выпускной бал не пойду, если он будет не в спортзале школы.

— Готово! — Возвращая мне ножнички и смятый чехол, сказал Колян. А в другой руке он протянул мне бочонок с криво обрезанным верхом. — Соизвольте сходить первой... — И он, хохотнув, зачесал свой затылок.

Было дико стыдно от предстоящей мне процедуры, и даже мелькнула мысль выбежать из автобуса и найти какие-нибудь кусты в тумане.

— Кира, если ты не хочешь, уступи очередь другому. Я запасные брюки с собой не взяла, — нетерпеливо сказала Жанна.

Правда была не очень приятной, но Жанна умела уловить и передать суть ситуации.

— Мы же в другой конец автобуса отойдем, и подглядывать не будем, — добавил и Алекс.

— Вообще, мы все люди. И всё, что естественно — не безобразно, — подтолкнул меня к правильному решению и Колян.

В общем, надо было быстрее решаться: позор или позор и мокрые штаны в придачу.

Я, уже смирившись со своей позорной судьбой, встала, чтобы схватить пластиковый бочонок, когда мы вчетвером вздрогнули от голоса Миланы, нашей красавицы.

— Эй, — звала она нас, стоя у самого входа в автобус, — пошли, нам уже столы накрыли.

Колян, Жанна, Алекс и я поспешили к выходу. У автобуса и вправду стояла настоящая Милана, единственная, кто смог вернуться из тумана. Только стояла она покачиваясь, как пьяна, а в правой руке держала запеченное куриное окорочка. Аромат свежеприготовленного мяса со специями заполнил, кажется, весь автобус. Я сглотнула вмиг наполнившую рот слюну.

— Милана, откуда у тебя это? — Алекс пальцем указал на то, что держала в согнутой руке наша одноклассница.

— А? — Милана перевела чуть шальной взгляд на свою руку и, увидев в ней окорочка, смачно его надкусила. И нагло зачавкала, вызывая дружное урчание в наших животах.

А потом с набитым ртом Милана сказала:

— Там же столы накрыли.

— Кто накрыл? — Спросила у нее.

Милана пожала плечами:

— Не знаю, по-моему, они греки или арабы. В белой одежде ходят. По-нашему не понимают. Но такие красивые... — Умиленно прикрыла она глаза. — Накаченные и высокие. Еду нам дали, и попить...

— А пили вы вино? — Спросил Алекс.

Мне тоже Милана казалась не совсем трезвой. Хотя было странно, что Ксения Олеговна

позволила кому-то из своего класса пить. Она и сама не пила, насколько я знаю, а за пьянство учеников во время экскурсии спрашивать директор и наши родители с нее будут строго.

— Что там наша ведьма делает? — Вспомнил о Ксении Олеговне и Алекс. Милана снова надкусила от куриную ножку и, махнув ею себе за спину, ответила:

— Она там всех отчитывает, как всегда. Вот мне сказала вас позвать. Пойдем, ребят. — Растягивая слова, сказала она. — Там круто. Город такой необычный, и тумана нет.

Пока мы вчетвером обдумывали слова Миланы, она отбросила косточку из руки в сторону и начала облизывать свои пальцы. Наблюдая за ней, громко и в унисон сглотнули и парни, и мы с Жанной.

— Выходим. Все там нормально. — Толкнув Коляна в плечо, сказал Алекс. — Что мы как придурки здесь сидим? Еще бочонок использовать собрались... Там, наверняка, кроме еды и выпивки, и сортиры приличны есть.

— Я за! — Подняла руку Жанна.

— Малая, что думаешь? — Обратился ко мне Колян. За такое внимательное отношение ко мне я сразу простила ему мои испорченные маникюрные ножницы.

Однако мне все происходящее казалось очень подозрительным. Куда они все пропадали? Чего ждали до сих пор? Почему Ксения Олеговна прислала Милану, а не Рому? Милане, вообще, ничего никогда не доверяли.

— Милана, — сказала я ей, — заходи в автобус. Посидим, поговорим, а потом вместе пойдем пировать с иностранцами.

— О! Отличная идея! Я уже устала здесь стоять. — Радостно улыбнувшись и как бы удивляясь тому, что сама не догадалась войти в автобус, проговорила Милана.

Она сделала маленький шаг вперед, оперлась рукой на автобус, но резко с визгом отдернула ее.

— Тут железки раскалились, — обиженно выговорила, наконец, Милана и беспрерывно дую на свою обожженную ладонь, приподняла ногу, чтобы ступить на ступеньку автобуса. По-моему, не мог автобус нагреться настолько сильно, чтобы Милана обожгла руку. Она или играла, или была пьянее, чем казалась на первый взгляд. Только подняться в автобус Милана не успела, из тумана выскочил какой-то бородатый мужик и, обхватив ее за талию, отдернул от нашего автобуса.

— Эй! — Возмущенно воскликнула Милана, но, обернувшись, увидела, кто все еще держит ее за талию и, уже улыбаясь, что-то тихо сказала ему. Они начали ворковать, иначе такую беседу и не назовешь. Но что они говорили, разобрать было невозможно. А долетевшие до нас слова бородача и вправду были сказаны не на нашем родном языке. Наконец, Милана обернулась к нам и снисходительно сказала:

— Это Ои-нои-ноун. Короче, сложное имя. — У Миланы от имени своего спутника язык заплетаться стал сильнее. — В общем, он должен быть очень богатым греком. И, Жанна, там таких много. Пойдем скорее, пока всех не разобрала. Кира, а ты оставайся со своими дрыщами. С твоим-то ростом ничего приличнее тебе не светит.

Милана со своим греком пропали в тумане. А мы в шоке начали оглядываться друг на друга.

— Она пьяная была или обкурилась? — первым нарушил молчание Колян.

— Я не дрыщ. — Сказал Алекс.

— Похоже, там ничего опасного нет, может, наконец, выйдем из этого отвратного

автобуса? — Спросила меня Жанна.

— Точно, Кира, там же всех накаченных греков разберут. Иди! — Зло сказал Алекс. Похоже, он близко к сердцу воспринял замечание Миланы.

Колян вступился за меня, у них с Алексом произошел обычный обмен колкостями. Потом они стали спорить, что же нам делать, оставаться и дальше в автобусе или идти к остальным одноклассникам. То, что нас не пытаются силой выволочь из автобуса, успокаивало. Было очевидно, что никто ничего плохого нам не желает. Выйти наружу, скорее всего, было правильно.

Но меня беспокоили слова Миланы о греках, которых все могут разобрать. Если я сейчас поспешу выйти из автобуса, то мои одноклассники подумают, что я это сделала из-за этих бородатых греков. Да за мной сразу прикрепится какое-нибудь «греческое» прозвище. Что-то вроде — Афродиты, Афины или Елены Прекрасной, и конечно эти имена будут произноситься и многозначительными ухмылками.

Может, я зря занимаюсь самоедством, и мама была права, когда говорила, что не нужно во всем искать тройное дно. Только я уверенно прошла к своему сидению и села, демонстрируя, что никуда идти не собираюсь, ни к накрытым столам, ни к одноклассникам, ни тем более к грекам.

Жанна и Алекс уже стояли у выхода и смотрели в ожидании на меня. А Колян подошел ко мне сел рядом а потом, толкнув меня плечом, сказал:

— Малая, боишься расстаться с автобусом?

— Не то, чтобы боюсь, но лучше я здесь посижу. Тем более мне не хочется к грекам... — Стараясь не бросить взгляд на Жанну, ответила Коляну.

— Кира, ты что же здесь одна останешься? — Спросила Жанна. Она уже рвалась на свободу и не могла скрыть своего нетерпения.

Но меня ее вопрос обидел. По-моему, подружки о таком не спрашивают. С лучшей подругой надо остаться, если за нее переживаешь. А если Жанна считает, что я совершаю ошибку, надо бы уговорить меня пойти с собой. Хотя каждый человек имеет право на свои желания.

— Ладно, — сказал Колян. — Останемся вместе.

От него я такой поддержки никогда не ожидала. Он обратился к Алексу, который только о свежеприготовленном мясе и думал:

— Алекс, вы идите, а я с Мелкой посижу, чтоб не потерялась. Мы позже к вам присоединимся.

— Ты хочешь, чтоб я без тебя ушел? — Серьезно спросил уже Алекс. — Это не по-братски как-то. Но если вы вдвоем тут решили наедине остаться, я мешать не буду.

Я перевела взгляд с закатывающего глаза Алекса на внезапно покрасневшего Коляна.

— Какое «наедине»? — Не смотря в мою сторону, возмутился Колян. — Это же Малая. Почти сестра... — Последнее он добавил не очень уверенно.

— Ладно, раз уж я не помешаю свиданию века, я останусь. — И Алекс развалился на переднем сиденье.

— Ну, тогда и мне никуда идти не хочется, — решила не покидать автобуса и Жанна.

Стало немного грустно, ведь осталась она не из-за меня, а ради Коляна, который ей давно нравился. Но обиды в себе лелеять я никогда не любила. Поэтому, отбросив все глупые мысли, достала свой телефон, снова набрала экстренный номер. Не дозвонилась. Потом послала несколько сообщений папе, которые до него не дошли и, наконец, включила музыку,

поделилась одним наушником с Коляном и попробовала, закрыв глаза, расслабиться.

6. За мясом!

Мы с Коляном слушали композиции из моего специального плейлиста, который я примерно для такого случая и подбирала. Там были современные иностранные хиты разных направлений. Все, что было признано лучшим в мире музыки в наше время. Все, кроме корейской поп-музыки. Для нее у меня был отдельный плейлист. И с ним я не планировала никогда ни с кем делиться.

— Мы так и будем сидеть? — Спросил Коляна Алекс, отмахнувшись от очередной фразы Жанны.

— А что ещё делать? — Спросил в ответ Колян, продолжая так же отбивать ногой ритм звучащей в наушнике песни.

— Что-то нужно решать. Достало все.

— Ну, ты реши. А я за тобой. — И Колян, подмигнув мне, прикрыл глаза.

Я перехватила недовольный взгляд Жанны на нас обоих, а Алекс встал и начал ходить по автобусу вперед и назад. Потом он достал из кармана свой телефон и, ругнувшись, вернул его на место.

— У меня тоже заряд закончился, — поддержал Колян друга. И разворачиваясь в сторону друга, он одновременно вернул мне мой наушник.

— Там кто-то ходит, — сказал Алекс, кивнув в сторону дальнего окна. Он стоял и, наверно, увидел что-то, чего мы, сидя, видеть не могли.

Я встала, чтобы выглянуть в окно, в сторону которого указывал Алекс.

— Что ты там сквозь туман мог увидеть? — Спросила у него.

Как бы отвечая на мой вопрос, к открытой двери подошли незнакомые нам подростки. Смуглые, коротковолосые, в лёгкой светлой одежде. Вообще-то, Алекс повернулся в их сторону ещё до того, как они приблизились к входу в автобус. Просто оба парня держали в руках огромные куски мяса и в наглую продолжали его есть.

— Они барана жрут? — Спросил у Коляна Алекс.

— Они едят бараний окорок, — сказала Жанна тоном знатока.

— Они жрут! Целый окорок! — Возразил Алекс, а потом шагнул к выходу, спустился на одну ступень и спросил у подростков, что они здесь забыли.

Те заговорили на непонятном нам языке.

— Вы по-русски понимаете? — Потерял терпение Алекс. — А по английскому?

Один из подростков с улыбкой протянул не единожды надкусанный окорок Алексу. И мой одноклассник, всегда демонстрировавший свою брезгливость в школьной столовой, потянулся к кем-то уже покусанному куску мяса. А парень, который, казалось бы, сам хотел угостить Алекса, отдернул свою руку с окороком и, громко рыгнув, рассмеялся. Лицо Алекса мгновенно налилось краснотой, и он дернулся в сторону дерзкого гостя. Только тот, рыгнув ещё раз, вместе со своим спутником убежал в туман.

— Тварь! — Алекс выскочил из автобуса и, продолжая громко ругаться, побежал вслед за обидчиком. Страшно было представить, что он сделает, когда его догонит. Хоть крепким Алекс и не выглядел, но когда ему от злости сносило голову, под горячую руку ему никто попадаться не осмеливался.

Мы также подошли ближе к выходу и слышали возню и глухие звуки ударов из тумана.

— Оставайтесь здесь. — И больше ничего не объясняя, Колян, перешагнув через среднюю, ступень вылетел из автобуса и также скрылся в тумане.

— Я за ним. — Жанна сбежала со ступеней и побежала в сторону, откуда доносились звуки борьбы. А потом она неожиданно вернулась и оказалась у самого автобуса, где туман по щиколотки скрывал ее ноги. Она, прищурившись, посмотрела на меня:

— Кира, ты хочешь здесь одна остаться? Может не стоит отделяться? Вдруг там твоя помощь понадобится? — Она махнула рукой в сторону, где скрылись парни. Кстати, шум с той стороны уже перестал доноситься.

— Я никуда идти не хочу: все равно не смогу помочь парням отнять мясо у аборигенов. — Сказала ей.

— Ладно. Не скучай, а я побежала. — И Жанна, громко выкрикивая имена наших парней, также скрылась в тумане.

А я стояла одна в автобусе, с трудом осознавая, что только что меня все бросили. Или это я из непонятного мне самой упрямства отпустила всех друзей?

— Если я кому-то понадоблюсь, все знают, где меня искать. — Громко проговорила я. Потом, нажав кнопку на приборной панели водителя, закрыла дверь.

Оставшись одна, я смогла, не стыдясь свидетелей, воспользоваться пластиковым бочком.

Облегчив мочевой пузырь, почувствовала себя немного лучше, и начала вести себя более уверенно. Спокойно обошла автобус, выглядывая в каждое окно. Хотелось закрыть все форточки и люки, чтобы создать для себя хотя бы иллюзию безопасности, но сейчас все еще было слишком жарко. Я села на сиденье, которое уже начала считала родным. Выходить из автобуса и бежать за одноклассниками мне по-прежнему не хотелось.

Что бы ни ожидало меня в тумане, я к нему выходить не собиралась. Но странное дело, если бы Ксения Олеговна строго запретила лично мне покидать автобус, я, скорее всего, именно в туман и рвалась. Только никому я не нужна, и никто не сделал мало-мальски серьезную попытку вытащить меня из моего убежища.

7. Что это?

Наверно, я задремала. А проснулась, услышав, как кто-то зовет меня по имени.

— Кира! Кира! — Крики доносились из всё еще густого тумана. И хоть этот голос был мне определенно знаком, но я не могла понять, кто именно меня зовет. Единственное, в чем я не сомневалась, моя помощь нужна кому-то из девчонок.

Я выхватила из своего рюкзака мое единственное оружие — маникюрные ножницы и стала вглядываться в окна, но через туман ничего невозможно было рассмотреть. При этом голос зовущий меня звучал все громче. Значит, та, кто нуждалась в моей помощи, приближалась к автобусу? Бежала в мою сторону?

Я бросилась к водительскому месту и нажала заветную кнопку, открывая кому-то путь к спасению. При этом я стала оглядывать вещи разбросанные на сиденьях, чтобы найти что-нибудь твердое и надежное для самообороны.

— Кира! Спаси! Мне не видно автобуса! — Я, наконец, узнала голос кричавшей. И это была не моя одноклассница, а Ксения Олеговна. Но тем не менее я хотела оказать помощь и ей. Поэтому снова пробралась на водительское сидение и со всей дури застучала по центру руля. Классная руководительница не могла не слышать раздающегося сигнала. Я продолжала поддерживать шум, чтобы она не заблудилась и при этом высматривала ее в ближайшее к водительскому месту боковому окну.

Наконец, я смогла даже сквозь туман рассмотреть силуэт Ксении Олеговны. Она, и это показалось мне странным, не бежала к автобусу, а спокойно шла, при этом ее крики о

помощи звучали не тише автобусного сигнала. Мне показалось, что она, как и Милана, немного выпила, поэтому и не может быстро идти. Вернувшись в салон автобуса, я приблизилась к двери и позвала ее, что она быстрее поднялась в автобус.

— Кира, — остановившись на месте, сказала Ксения Олеговна, — я больше не могу идти. Помоги мне.

И она протянула ко мне руку. Сама при этом стояла не больше чем в шаге от автобуса. Мне, чтобы спуститься к ней на землю, нужно было сделать три шага. И ей нужно было сделать столько же, чтобы оказаться в безопасном автобусе.

Если бы меня звал кто-нибудь из парней или Жанна я бы без сомнений пошла к ним на помощь. Но Ксения Олеговна мне никогда помощь не предлагала. И сейчас она окровавленной, избитой или просто беспомощной не выглядела. Наоборот, по сравнению со мной, голодной и вспотевшей, она выглядела свежее и вполне довольной жизнью. Только кричала очень громко.

— Соломина, — строго обратилась ко мне классная, — спускайся немедленно и помоги мне подняться в автобус.

— Ну уж нет. — Сказала я тихо и отошла вглубь салона. Даже не стала громко напоминать преподавателю истории народную поговорку: «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Видя мое упрямое нежелание помогать ей, классная махнула головой и сделала маленький, почти незаметный, шаг вперед, при этом так неуклюже, что завалившись на бок, упала и перевернулась на спину.

Впервые в жизни увидев учителя под своими ногами, я рассмеялась, как это сделали бы Колян с Алексом. Но раньше я себе ни за что не позволила бы так демонстрировать неуважение к старшим. Только сейчас ситуация была очень комичной.

Наблюдая за размахивающей ногами и руками Ксенией Олеговной и продолжая некультурно смеяться, я села на пол автобуса.

— Соломина, о твоём поведении я доложу директору и твоим родителям!

От такой угрозы классной руководительницы я невольно вскочила на ноги и даже спустилась на ступеньку вниз. Но там, опомнившись, остановилась.

— А я расскажу, что вы бросили меня в автобусе, а сами с бородатыми греками напились вина. А потом пьяной валялись на траве и требовали, чтобы я волокла вас на своей спине. — Дерзко сказала я классной руководительнице, а она, услышав меня, резко села. И аккуратно, отряхиваясь от травинок, встала.

Выглядела она не как только что вывалявшаяся в траве тетка. Во взгляде Ксении Олеговны на меня было столько превосходства и презрения, что я поперхнулась воздухом. А потом быстро поднялась на ступень выше. Я пыталась рассчитать, как бы мне так извернуться, чтобы быстро закрыть дверь автобуса. Что-то я уже стала бояться классную, вряд ли она просто пожурит меня за мои слова.

Но она не стала врываться в автобус, а уверенным и надменным тоном проговорила:

— Соломина, ты даже не представляешь, на какое наказание себя обрекаешь. Тебе никто не простит этой задержки. И, поверь мне, наказывать они умеют.

— Кто они? — Стараясь держаться так же уверенно, спросила я. — Греки?

Но даже смотря в прямом смысле сверху вниз на преподавателя, я себя не чувствовала ни уверенной, ни защищенной стенами автобуса.

Ксения Олеговна на мой вопрос только ухмыльнулась, а потом, оглянувшись назад,

недовольно сказала мне.

— Ладно. Хочешь сидеть здесь — сиди. Только знай, каждая секунда, проведенная тобой в этой груди железа, позже тебе обойдется в годы мучений. А сейчас подай мне мою сумку.

То, что она не собирается врываться в автобус и силой волоочь меня к спасению, меня очень обнадежило. И я попыталась резво передать классной ее сумку. Только поднять ее не смогла. Она была неподъемно тяжелой.

— Ксения Олеговна, у вас кирпичи в сумке? — Пыхтя, спросила я. Я доволокла спортивную черную сумку до ступенек и хотела ее скинуть вниз.

— Не смей! — Крикнула хозяйка сумки. — Там духи и много важных вещей.

— Вы же говорили, что в ней аптечка и бутылки с водой. — Напомнила ей ее слова.

— В моей сумке чего только нет. — Загадочно сказала Ксения Олеговна. Потом добавила. — Раскрой ее и подавай мне оттуда вещи по отдельности, потом, когда сумка станет легче, подашь уже ее.

Я пожалала плечами и раскрыла молнию на спортивной сумке. То что ее содержимое не было большим секретом, немного примирило меня со странностями классной. И первое, что я увидела в сумке, была именно аптечка. Металлическая белая большая и, скорее всего, полная. Ее я и протянула первой хозяйке. Только Ксения Олеговна вместо того, чтобы взять протянутую ей аптечку, схватила меня за запястье и резким рывком попыталась вытащить из автобуса.

Мне просто повезло, что я удобно сидела на второй ступени и смогла свободной рукой упереться в стенку автобуса. Доли секунды позволили мне правильно распределить вес своего тела и дернуть свою руку обратно в автобус. Спасибо тренировкам с папой. Отпустить мое запястье Ксения Олеговна и не пыталась, поэтому она сама, вслед за моей рукой, оказалась в автобусе. Она буквально навалилась на нижнюю ступень.

Я посчитала в первое мгновение, что из-за игры света или моего испуга мне начали мерещиться страшные вещи. Но вопль Ксении Олеговны убедил меня, что у меня нет галлюцинаций. И она действительно начала тлеть. Выпустив мою руку, она оттолкнулась от ступени автобуса и, выпав из автобуса, растянулась на земле.

Ксения Олеговна после секундного перерыва снова стала кричать. Но сейчас это были крики боли и проклятия в мой адрес. А я в была шоке. Мои ноги подкосились, и я опустилась на пол, при этом все еще держала в одной руке чужую аптечку.

Та часть Ксении Олеговны, которая побывала внутри автобуса — руки, плечи, голова, шея — выглядели так, будто ее на пару минут сунули в печь. Вид обугленной кожи был ужасающим, запах горелого мяса и сожженных волос, казалось, забивал не только мой нос, но даже все поры моего тела. А от истошных воплей Ксении Олеговны у меня появился сильный шум в ушах.

Я, передвигаясь на четвереньках, отошла дальше от двери, перешла на водительское сидение и закрыла дверь.

Вряд ли Ксении Олеговне сейчас примет от меня помощь. Наверняка, я в тот момент была очень близка к помешательству. Прийти в себя я смогла только когда увидела, как четверо бородатых мужиков, высоких и хорошо сложенных, подошли к автобусу, аккуратно переложили обожженную женщину на принесенную с собой простыню и очень бережно унесли ее в туман.

А я взяла свой телефон, на котором оставалось только шестнадцать процентов заряда, и

отправила не меньше сотни сообщений папе с одним только текстом: «Папа, забери меня из автобуса».

8. Выходи!

Никогда раньше не спала в автобусе. А за прошедший день столько всего произошло, что я свернулась на своем сиденье, накрылась курткой Коляна и уснула. Даже не закрыла форточки и люки.

И проснулась я в такой же позе от жажды. Я нормально не ела и пила за прошедший день, но несмотря на это уснула. Наверняка, сказался пережитый за день стресс.

За окнами автобуса было ещё темно. И, конечно, темно было и внутри автобуса, его окон не касался даже свет звёзд и луны.

Я хотела включить фонарик в телефоне, но заряд моего гаджета уже был на нуле. Включить его у меня так и не получилось. От слез и отчаянья меня спасло воспоминание о покупках в супермаркете. Я достала свой пакет из-под сиденья и вынула оттуда кухонную зажигалку. Щёлкнула кнопкой и мой мир осветило лёгкое пламя огня. Хоть и маленькое, но оно освещало и дарило уверенность, что это безумие скоро закончится. Сразу вспомнился и Колян, который ради шутки закинул в мою тележку эту зажигалку. А воспоминания о Коляне напомнили мне, откуда он достал пластиковый бочок.

— А может под водительским сидением и вода есть? — Спросила я вслух.

И, уже привычно перемахнув на водительское сиденье, стала рыться под сиденьем. Пространства для хранения чего-либо там вообще не было. Только сбоку было немного места. Удивляясь, как здесь мог находиться пятилитровый бочок, я начала вытаскивать все, что лежало с обоих боков кресла.

И на сиденье я сложила аптечку, гаечный ключ, грязную, пропавшую машинным маслом, тряпку и бутылку с водой! Двухлитровая бутылка из-под газировки полная воды. Прижимая ее к груди с нежностью, как не каждая мать прижмёт к сердцу младенца, я вернулась в салон автобуса. Тут я смело под огоньком зажигалки рассмотрела свою находку. Вода, скорее всего не была фильтрованной. Даже с виду она не казалась чистой, но мучиться жаждой и дальше я больше не могла. Приложив немало усилий, чтобы открутить крышечку, я отпила первый глоток.

— Боже! Кто же думал, что обычная вода такая вкусная? — Простонал я и отпила ещё пару глотков.

За окнами уже стало светлеть. И я решила провести время с пользой. Мародерствую.

Сперва собрала все куртки с автобуса в одну кучу и начала нагло рыться в карманах. Мне не нужны были чужие ценности, я искала только съестное и телефоны с действующей батареейкой.

Телефонов я, вообще, не нашла, значит, их забрали хозяева, но нашла несколько пакетиков сухариков с пряностями, жевательные фруктовые конфеты, конфеты без сахара, маленький пакет маршмэллоу и много жевательной резинки. В принципе, у меня и самой были пакеты с семечками и ириски. Настроение мое не резко и не сильно, но, все же, улучшилось.

Я уже планировала заняться ревизией чужих сумок, когда меня позвали из-за тумана. Но открывать дверь я не спешила, я выжидала, пока кто-то подойдет к автобусу ближе, чтобы я могла его увидеть. Через пару минут у автобуса стояла Жанна. Конечно, я быстро открыла дверь.

— Кира, привет! — Помахав мне рукой, сказала она.

— Привет, Жанна.

— Как ты тут? Одна всю ночь была?

— Ну, — хотелось упрекнуть ее, потому что она вчера сбежала, бросив меня. Только я отшутилась. — Я всегда остаюсь в компании хорошего человека.

— Какого человека? — У подруги моей даже лицо вытянулось от удивления.

— Я и есть хороший человек, — со смехом сказала ей, — и я себя никогда не брошу.

Жанна тоже рассмеялась. Но как-то фальшиво, натянуто.

— Кира, — потоптавшись на месте, сказала Жанна, — одна ты здесь не насидишься. Пойдем. Там весь наш класс. Только тебя ждем.

— Не надо меня ждать. — И я села на верхнюю ступень автобуса, чтобы было видно, что я никуда не собираюсь. — Веселитесь...

— Кира, ну пойдем, — и Жанна протянула ко мне руку, зовя за собой.

А она никогда не была особо нежной подругой. За ручки мы с ней во время прогулок не держались никогда.

Да мы и подругами стали не так давно. Если уж быть точной, мы с Жанной стали лучшими подругами только в последние несколько месяцев. Не то что бы с годами прониклись друг другу искренним уважением и симпатией, но у нас было много общих интересов. Наши семьи давно дружили, и ещё нас объединяло строгих запрет наших отцов на связи с парнями. Только Жанну этот запрет бесил и вынуждал ее искать удобные моменты для свиданий.

А для меня папино слово было законом, потому что я знала: он меня любит и плохого не посоветует. И никого, хоть немного похожего на папу, я не встречала. А я, имея перед глазами пример жизни и взаимоотношений моих родителей, ни на кого слабого, пустого и глупого на роль своего спутника принять была не готова. Но такие умные рассуждения у меня появились сравнительно недавно.

А раньше я не сбежала на свидание по другой причине. Просто не хотела, чтобы какой-нибудь душнила говорил обо мне друзьям, что он меня "распечатал", "откупорил", "открыл путь последователям" или что-то в этом роде. А слышать такое от гордых «первопроходцев» на переменах приходилось.

И ещё мама у меня хоть и была строгая и немногословная, но на некоторые темы говорить со мной не ленилась и не стеснялась. И я от квалифицированного медика знала, к чему ведут ранние половые связи, чем опасны половые инфекции и что к беременности нужно быть готовой не только физиологически.

— Кира! Ты уснула? Выходи из автобуса! — Потеряла терпение Жанна.

— А ты войти не можешь. — Сказала подруге. — Ты знаешь это? Ксения Олеговна тут вчера сгорела.

Сразу перед глазами встала картина с обуглившейся кожей, и даже одно воспоминание о запахе горелой плоти и волос вернул легкую тошноту.

— Она не сгорела, — сказала Жанна. — Слегка обожглась, ее почти вылечили. А что в автобусе можно сгореть мне сказали, поэтому я и не захожу. И ты быстрее выходи. Если сгоришь ты, тебя никто лечить не станет.

Жанна, вроде бы, не врала, но она и правду говорить не могла. То, что вчера видела я, не может лечиться. По крайней мере, не так быстро. Минимум несколько месяцев в ожоговом центре с лучшими новейшими медикаментами и пластической хирургией, чтобы заменить кожу на обожженных участках.

Я не знала как относиться к словам подруги. Может, она специально так говорит, чтобы я не боялась выйти из автобуса.

А Жанна протянула ко мне уже обе руки:

— Кира, нам вместе будет веселее. Выходи.

— Знаешь, чем мне вчера Ксения Олеговна грозила? — Спросила у Жанны. Она, не отвечая и не отпуская рук, смотрела на меня. — Повторять ее слова не хочу. Но и выходить отсюда не собираюсь.

Тогда Жанна развернулась и ушла. Пропала в тумане. Даже не попрощалась.

Я же сидела на ступеньке у самого выхода и даже думать ни о чем не могла.

Просто все было неправильно. Так не бывает.

Пока я сидела, мне захотелось пить, и я отправилась к бутылке, что немного попить. И взяла себе упаковку с жевательными конфетами. Эти были моими любимыми с мультифруктовым вкусом. Когда я забросила одну конфетку в рот, меня снова позвали, на этот раз, наверно для разнообразия, звали меня мужским голосом.

А возле автобуса стоял ни кто иной, как Колян.

— Собственной персоной! — Поприветствовала я его.

И он угловато поклонился. Я так ему обрадовалась, что не сразу заметила стоявшего рядом с ним мужика. Бородатого.

— Колян, это Алекс так оброс? — Указала я на его спутника.

— Ага, мяса с перцем, наконец, объелся. — Хохотнул этот оболтус. И он таким родным был в этот момент, что скажи мне именно он выйти из автобуса, я бы сразу вышла.

— Колян, тоже хочешь, чтобы я вышла из автобуса? — Решила сама у него спросить. И сразу бросила ему одну из мультифруктовых конфеток. Колян сразу развернул ее и забросил в рот. А обертку у него из рук выхватил стоявший рядом мужик.

Колян оглянулся на него и начал жевать. Я, наблюдая за ними, ждала ответ на свой вопрос. И Колян ответил:

— Конечно, Кирочка, я тоже хочу, чтобы ты вышла из автобуса.

И я села на пол от шока. Потому что Колян никогда меня Кирочкой не называл. Даже просто по имени не обращался. Малая, Мелкая, Мелочь, Мелкота и в особо нежном состоянии души он говорил — Малорослик. Так что его обращение ко мне меня шокировало.

— Кирочка, не сомневайся, вылетай. — Уверенно продолжил Колян. — Там весь класс тебя ждет не дождется. — При этом он слегка дернул шарф на своей шее, и я увидела на нем чокер. Колян никогда шарфов не носил, а сейчас ему даже холодно не было. И чокер, конечно, был контрольным выстрелом. Он даже девочек, надевающих это украшение, дразнил собачками.

Я хотела спросить его, зачем он чокер-то нацепил, только оглушенная страшной мыслью промолчала. А если это не чокер, а ошейник? Знак рабства? Принадлежности какому-то хозяину? Символ бесправия и порабощения?

Я посмотрела в глаза Коляну, и он несколько раз быстро кивнул.

— Не, Колян, я никуда не пойду, мне здесь нравится. Никто мне мешает, тишина, покой, главное, ведьмы нашей не видно. А там ее, говорят, подлечили.

— Здесь все, кроме мозгов, лечат. — Ответил Колян. А потом бородач потянул его за руку. Только мой одноклассник, прежде чем уйти, махнул мне рукой. — Давай, Малая, держись. Я тебе завидую.

9. Уже не безобидные уговоры

От сладких конфеток мне часто хотелось пить. Но унять беспокойство ни водой, ни сладким не получалось. Я непроизвольно начала ходить по автобусу сначала до самого его конца, а потом обратно. Хождение не мешало мне думать, а от дум начинала болеть голова.

— Куда мы попали?

— Почему никто не может войти в автобус?

— А самое главное, зачем меня выманивать из автобуса?

Если честно, я была уверена, что никто не думал о моем благополучии. Вряд ли Ксения Олеговна, одноклассники или эти бородатые мужики ночью не смыкая глаз переживали о моем удобстве. Хоть кто-то мог принести мне воду или еду? Значит, не обо мне они пекутся. И с Коляном ничего не ясно. Он сейчас раб или просто приколотся надо мной?

Пока я пыталась хоть что-то для себя понять, к автобусу подошли несколько человек. Двери я запирать не стала. Уже привычно села на верхнюю ступень автобуса и стала смотреть на прибывших так же, как они смотрели на меня. Молча и пристально.

Прибывших было трое. Седоволосый ссохшийся старик с длинной бородой и колючим взглядом. Мужик в возрасте с черными волосами и густой бородой. А третий из них был чуть моложе, не старше тридцати лет. Черноволосый и без бороды. И этот последний со мной и заговорил.

— Неприлично деве сидеть перед уважаемыми людьми. — И сказал это на чистом русском языке. Без акцента.

У меня возникло непреодолимое желание извиниться и встать. Но я сразу напомнила себе, что они могут и потребовать от меня быстро выйти из автобуса. Поэтому я не шевельнулась, но и говорить ничего не стала.

— Приличные девы выказывают уважение старейшинам. — Проговорил тот же мужчина.

— А откуда мне знать, что вы уважаемые люди или старейшины? Может, вы трое переодетые бомжи? — Но они не были похожи на бомжей. Эти люди были обличены властью, одного их взгляда было достаточно, чтобы понять это.

Весь их вид: черты лица, светлая свежая одежда, умения себя держать — говорил о том, что где-то рядом скрывается их многочисленная охрана. Такие господа без охраны просто не могут ходить.

— По твоему виду также не скажешь, что ты приличная дева, но мы допускаем это. — Проговорил мужик. И я вздохнула.

Конечно, у меня-то был далеко не представительный вид. Штаны и обувь не по сезону, застиранная несвежая футболка, не расчесанные волосы, а ещё я не мылась. В общем, спорить с ним мне было сложно.

— Дева, назови свое имя. — В прямом смысле, повелел мужчина.

— А приличные девы называют свои имена посторонним мужчинам? — Чуть прищурилась я. Хотя я была уверена, что и мое имя и все характеристики они уже знают. Вряд ли Ксения Олеговна стала бы хоть что-то скрывать от своих новых знакомых.

На мой вопрос никто не ответил.

— У меня к тебе, дева, предложение, которое спасет твою никчемную жизнь. Но было бы правильно обращаться к тебе по имени. — Сказал мужик, что был старше. Он также владел русским языком, как родным.

— Кира Владимировна Соломина, — мне стало интересно выслушать их предложение. Хотя, что могло угрожать моей жизни?

— Этому железному страшилищу нет места в этом мире. — Начал мужик. — Оно скоро вернётся в свой мир. Но ты должны его покинуть, чтобы остаться в живых. Мы предлагаем тебе выгодные условия служения любому дому рода Мигикир и гарантируем свое прощение за упрямство. А ты должны выйти к нам сейчас же.

Я не могла ослышаться, они говорили немыслимые бессмыслицу. Они все и вправду странные. Что за условия они мне предлагают? Вообще, нести такую чушь серьезным тоном и важным лицом нормальный человек не смог бы. Надо бы их Коляну и Алексеу услышать, они бы на полу от хохота валялись.

А мужик между тем напомнил мне, что приличные девы не заставляют себя долго ждать. Я ытаясь сдержать смех, хрюкнула. Очень аккуратно.

— Ну и не ждите. Идите себе с миром, добрые молодцы, — не без сарказма сказала им. — А мне и в родном автобусе нравится. Лично мне он страшилищем не кажется.

Трое важных людей переглянулись, но с места не сдвинулись.

— Идите, идите. — Подтолкнула я их к правильному решению. — Мне больно наблюдать за вашими праведными мучениями.

Я им ещё и направление в туман указала. Правда, сделала это недостойно для приличной девы указательным пальцем. Хотя хотелось им совсем другой палец показать.

А они стали переговариваться на непонятном мне языке. На слух определить, что это за язык я не смогла.

— Кира Владимировна Соломина, вы должны отдать нам вещи Ксении. — Сказал самый молодой из гостей. — Она проходит лечение в моем доме, и вещи ей понадобятся.

— Ксения Олеговна в автобусе оставила свою верхнюю одежду и тяжелую сумку. И ее вещи мне были не нужны. Но и отдавать их незнакомцам я также смысла не видела. Если на Коляна, все же, одели ошейник, то это вина нашего классного руководителя. А Колян свою куртку не потребовал, тогда почему я должна возвращать вещи классной?

Я сочувствующе покачала головой:

— Нет. Я ничего вам из этого автобуса выдавать не собираюсь.

Мои слова разозлился всех троих иностранцев. И они вместе уставились мне в глаза. Пристально немигающими взглядами. Я даже подумала, что они хотят меня загипнотизировать. Меня эта мысль даже рассмешила. Но они продолжали смотреть. Тогда я, возмущенная подобным бескультурьем, скосив свои глаза, показала им язык. Старик охнул и отвернулся, а двое других очень экспрессивно выразились. Если они так ругались, то я молодец: на раз-два довела трёх мужиком. С мамой у меня такой фокус не проходил.

— Кира Владимировна Соломина, ты вынуждаешь нас принять суровые меры. — Прошипел старик. И все они, наконец, ушли в туман.

А я с облегчением выдохнула. И мне снова захотелось пить. Но только я встала и отошла от входа, как в одно из окон ударил камень. Окно он не разбил, но трещина появилась.

Обняв крепче бутылку, я смотрела на эту длинную кривую линию, которая от места удара камнем расходилась в две противоположные стороны. Мне это казалось настолько неправильным, что я даже не выругалась. И буквально подпрыгнула на месте, когда следующий камень ударил в другое окно, а потом третий. И сейчас били по стёклам автобуса не обычными камнями а, кажется, булыжниками.

Когда первое окно разлетелось мелкими осколками я, всё также прижимая к себе бутылку с водой, уже лежала под сиденьем автобуса. Только и успела схватить первую попавшуюся куртку и накрыться ею прежде, чем пролезть в безопасное место. А булыжники

продолжали бить по окнам, разбивая их и усыпая салон автобуса мелкими острыми осколками. Я сжалась от страха и уже не пыталась сдерживать мелкую дрожь, что била меня. Просто крепко зажмурила глаза и прижалась лбом к бутылке.

По автобусу били очень долго, я даже уже привыкла к этому грохоту, хотя треска бьющегося стекла и звона падающих осколков уже давно не было. А потом и вовсе шум прекратился. Только я не позволяла тишине обмануть себя и продолжала еще не меньше получаса лежать на полу под сидением.

Но и выползти мне всё же пришлось. Отряхнув с себя осколки, я, хрустя стекольным крошевом под подошвой своей обуви, прошла по автобусу. В нем не осталось ни одного целого стекла. Даже зеркало, висевшее в кабинке водителя, дало разбито. И наружных зеркал тоже не осталось. Не выпуская из объятий бутылку, я целенаправленно дошла до водительского места и достала с кресла тряпку. Никогда не была особой аккуратисткой, но сейчас я начала стряхивать мелкие осколки стекла с сидений.

Вообще-то, я ожидала увидеть весь салон заваленным большими и очень большими камнями. Только камней здесь видно не было. А я хорошо слышала треск от удара камнем по стеклу, и звон разлетающихся стекол был хорошо слышен. Вот только грохот от падающих в автобусе камней я не слышала. И на сиденье, под которым я пряталась, ни один камень не упал. И что это значит? Окна точно разбивали камнями, я видела, как они вылетали из тумана и бились об стекла. Тогда куда же они подевались? Не могут же камни испариться? Или камни могут исчезнуть так же, как Ксения Олеговна начала обгорать, попав в автобус? Но человеческая кожа и камень не одно и то же... Боюсь, даже будь я отличницей по биологии, химии и физике, объяснить случившееся я бы не смогла.

10. Страхи

Пока стряхивала со всех сидений осколки стекол на пол, а потом вытряхивала их и из курток, я не так сильно думала о происшедшем. А потом, чтоб отвлечься, я перерыла все оставленные одноклассниками рюкзаки, нашла и отложила в свой пакет сладости и даже баночки газировкой, две пачки с соком и одну пол литровую бутылку воды. Чистой и прозрачной. Я порадовалась этим находкам. Голод мне, по крайней мере, не грозит.

Но стоило мне сесть, и ужас происшедшего накатил с парализующей силой. Меня только что закидали камнями, как в средневековье! И неважно, что камней в автобусе нет, может, к ним были привязаны веревки и их просто вытянули из автобуса. Или просто им не давали залететь ко мне? Боялись, что я буду отбиваться их же оружием? Но у меня же есть гаечный ключ и молоток, и огнетушитель. Подумав об этих средствах обороны, я собрала эти вещи на своем сиденье.

Гаечный ключ был тяжёлым. Держать его удобно, а то, что он разводной не мешает им отбиваться и наносить удары. И сейчас я сидела на сидении с ним в одной руке и с полупустой бутылкой воды в другой. Бутылку я, правда, судорожно прижимала к себе. А рука с гаечным ключом лежала на сидении.

Вообще, я чувствовала, что медленно схожу с ума. И как долго я смогу сохранять разум, было большим вопросом.

Неожиданно со стороны двери мне послышались какие-то звуки, и я встала, чтобы посмотреть, какие гости сейчас ко мне пожаловали. А потом, холодея, смотрела, как с улицы в мой автобус вползает огромная змея. Настоящая анаконда. Широкая, как ствол дерева. Она ползала очень быстро, но при этом была бесконечно длинной. Змея уже заползла под другой ряд сидений, занимая там все пространство, но хвост ее еще не успел оказаться в автобусе.

Я всегда до ужаса боялась змей, лягушек, ящериц. Но зная, что одноклассники обязательно специально для меня начнут приносить этих существ в школу, свой страх я всегда скрывала. Только с одним человеком я поделилась, что боюсь змей. И Жанна обещала мне, что эту тайну похоронят вместе с ней.

Сейчас я впервые подумала о том, чтобы покинуть автобус. Но дверь перекрыл змеиный хвост. Тогда я положила бутылку со своей руки на сиденье и уже приготовилась залезть на сиденье, чтобы с него выпрыгнуть в окно, только еще одна змеиная треугольная голова начала подниматься за этим окном. Я и второй рукой обхватила гаечный ключ. И он заметно дрожал в моих руках.

А змеи уже валили в автобус со всех окон и люков. Большие и очень большие, разных цветов, но все жуткие. А я, наконец, скинула с себя онемение и направилась к выходу. Идти приходилось, еле передвигая ноги, потому что змеями уже кишел весь пол. И я переживала, что дробным боем моих зубов и грохотом сердца я привлеку к себе ненужное внимание пресмыкающихся. Но они активно шевелились на полу и касались моей обуви и штанов. Который уже раз порадовалась, что надела джинсы.

От моего сиденья до самого выхода не было и двух метров, только я никак не могла преодолеть это незначительное расстояние. И как бы аккуратно я не шла, какую-то змеюку я все же придавила. И она, устрашающе зашипев, буквально бросилась на меня. Ударом гаечного ключа я откинула ее в сторону и проводила взглядом, как она вылетает в окно. Пока остальные пресмыкающиеся не начали меня атаковать, я поспешила к выходу. Уже было не важно, что я наступаю на змей, главное было оказаться на свободе. Только почти у самого выхода я поскользнулась на чьей-то туше и полетела лицом вниз.

Падая, я вытянула руки перед собой и крепко зажмурила глаза. Я ожидала, что придавив скопище змей, я разозлю их, и они, конечно, меня сразу съедят. Или скрутятся вокруг моей шее и сломают ее. Или будут меня душить медленно, но неумолимо, а я и сопротивляться не смогу. Или змеи меня покусают, и я умру от их яда. А, может, они не успеют ничего сделать, но я все равно умру. От разрыва сердца. Только реальность была совсем другой. Очень богатой на боль, но по-моему лучше остаться с переломами обеих рук, чем лежать в скопище ползучих гадов.

В общем, после падения в автобусе меня пронзила сильная боль, от ладоней и до самых плеч. Я под собой не почувствовала гладкие холодные извивающие тела змей и, не понимая, что происходит, открыла глаза.

Лежала я на полу автобуса в стекольных осколках. Многие из них впились мне в ладони, и по моим рукам текла кровь. Но змей нигде не было видно. Ни одной! Я даже посмотрела под сидения, туда, где обосновалась самая крупная ползучая особь, та, что первой заползла в автобус. Но нет. В автобусе я была абсолютно одна.

— В автобус же никто не может попасть! — Вспомнила я и радостно улыбнусь. А потом и удержать смех не смогла. Смех становился все истеричные, пока я не расплакалась. Но до настоящей истерики я не опустилась. Успокоиться мне помогла злость.

— Твари! Какие же твари! — От всего сердца обругала я тех уродов, что устроил для меня эту устрашающую акцию. Я же боюсь змей! И чуть не выбежала из автобуса.

Только мне было сложно понять, как именно они это сделали. Змеи не были голограммами, я их не просто видела, их было слышно, и я чувствовала, как они ползают по моим ногам. И ударила я гаечным ключом вполне живую змею. Так что гады были настоящие. Вообще, в этом месте очень много галлов — ползающих и двуногих.

А может, эти мужики из рода Мигикир распылили кругом отравляющее вещество, и у меня были галлюцинации. Говорят, они бывают очень реальные и могут затрагивать все чувства.

Думать мне мешала нарастающая боль в ладонях. Только вычищать ранки на руках я боялась. Как я, вообще, с обеими пораненными руками окажу себе помощь?

— Подумаешь, руки поцарапала! Люди сами себе аппендицит вырезали, зубы рвали. А женщина и рожать может. Так что слабостью своей не упивайся, Кира. Прихвати аптечку с кресла водителя и готовься приводить себя в порядок. — Стараясь повторить мамину интонацию, сказала я себе. И жалеть себя сразу расхотелось. С аптечкой я вернулась на свое сиденье и сжав крепко сжав губы, открыла ее.

— Сейчас не время расслабляться, я должна выжить и вернуться домой.

11. Новая встреча с Ксенией Олеговной

— Соломина, — от звука этого голоса я в бессилии прикрыла глаза.

Не то чтобы я надеялась, что Ксения Олеговна погибла, но слышать ее так скоро после того, что с ней случилось я не ожидала.

— Соломина, я видела тебя из окна, — повторила классная руководительница. И я встала со своего места, неторопливо закрыла аптечку, сложила в пакетик использованные мной ватные диски и марлевые салфетки, свои перебинтованные руки положила в карманы куртки, а ее я надела из-за бьющей меня дрожи. И только после этого я отправилась к двери.

У входа в автобус стояла Ксения Олеговна. И выглядела она странно. Наряженная в светло-бежевое длинное льняное платье. Она никогда не носила подобные наряды. Но больше я удивилась состоянию ее кожи. Она зажила! Полностью. Была, конечно, розовой, как будто натянутой, но для человека, который только день назад неожиданно начал просо так гореть, выглядела она очень эффектно.

— Что, Соломина, глаз отвести не можешь? — Прошипела Ксения Олеговна.

— Меня можно понять. — Сказала я. Но я не собиралась делать ей комплемента и тешить чье-то самолюбие. — Вы и раньше не были красавицей, но выглядели прилично. А сейчас стали страшной, как картинки на пачках сигарет.

— Ты что, мерзавка, себе позволяешь? — Громким шепотом спросила она.

— Я говорю правду, как меня учили. — Сделав большие глаза, ответила преподавателю.

Ксения Олеговна чуть приблизилась к автобусу, но при этом оставалась на безопасном расстоянии от него. Сейчас, с платком намотанным на голову, как тюрбан, она почему-то напомнила мне змею. Даже страшно стало, вдруг она заползет в автобус и свернётся под сиденьем. Чтоб избавиться от навязчивой мысли я села на верхнюю ступеньку автобуса.

— Ты же не просидишь там вечно, — прошипела глубокоуважаемая педагог. — Когда-нибудь, Соломина, ты проголодаешься и выйдешь из автобуса. Вот тогда я за все на тебе отыграюсь. Ты меня молить о смерти будешь. — Эта ненормальная женщина продолжала мне угрожать. И не всегда она выражалась культурно. А ведь нам всегда говорила о недопустимости употребления ненормативной лексики. В общем, я уже не вслушивались в ее слова, а думала о маме.

Хоть я всегда с ней спорила и считала ее ограниченной своим узким миром, она всегда вела себя, как настоящий человек. Запрещала мне и брату употреблять матерные слова, но и сама никогда не выражалась. Заставляла моего брата мыть зубы и сама всегда соблюдала правила гигиены. Никогда не требовала от нас того, что не соблюдала сама. По-моему, поэтому ее отец и слушался. Я много видела среди родственников и знакомых семей, где все

друг друга вроде как любят. Но они не умели друг к другу прислушаться. А папа маму всегда слышал. И мама, если не была уставшей, папу всегда выслушивал.

— Поняла, что я тебе сказала? — Долетела до меня презрительная фраза Ксении Олеговны.

А я не слышала, о чем она говорила, мои мысли полностью были о родителях.

— Вот и умница. — Почему-то похвалила она меня. — Подай теперь мою сумку. — Уже повелительным тоном сказала та, что является моим классным руководителем.

Ее сумка мне не была нужна. Хотя я даже содержимое ее не обследовала. Я же только куртки и рюкзаки одноклассников осмотрела. Но в то же время выполнять требование классной я не собиралась. Просто не хотела, чтобы она увидела мои забинтованные руки. Нечего ей радоваться тому, что мне больно. А мне было больно.

— Ксения Олеговна, ответьте на три вопроса, тогда я ещё подумаю, отдавать ли вам мою сумку, — сказала ей. А она вместо того, чтобы поддержать мою шутку начала на меня кричать

— Соломина, ты пожалеешь, что на свет появилась! Я прикажу с тебя кожу содрать заживо! Верни немедленно мою сумку, а то я заставлю тебя рыдать кровавыми слезами.

— Не боюсь. — Сохраняя спокойствие, ответила ей. — Не знаю, что с вами произошло, глубокоуважаемая Ксения Олеговна, но раньше вы страшнее пугали.

Она глубоко и часто задыхалась. А я начала вспоминать ее коронные фразы про ЕГЭ. И стала просто проговаривать их, чтобы кое-кто злился еще сильнее.

— Не с вашими мозгами кимы открывать.

— Чтобы опозорить, вам всем не обязательно ходить на ЕГЭ.

— В начале ЕГЭ отпроситесь в уборную и застрянете там, что людей не пугать светом мудрости своего рыла.

— Если бы я была такой же умной, как многие из вас, ушла бы со школы после девятого класса. Чтобы не светить отсутствием интеллекта на ЕГЭ.

— Ребята, ваш позор может быть бескрайним, перетекать из одного экзамена на другой, не утоните в нем.

— Просто помните, все что могла я для вас уже сделала, а дать просто плывите в лодке своего невежества.

Ксения Олеговна злилась, а я тихо воспроизводила ее слова, над которыми мы всем классом долго смеялись.

Нам, её ученикам, просто повезло, что мы не были склонны к самобичеванию и депрессии, а то бы давно бросили учебу и обзавелись комплексами до конца жизни.

— Кира, ты же пожалеешь, — мелко кивая головой сказала она. Или это у нее судорожные дерганья начались?

И я стала кивать головой, как болванчик, передразнивая ее:

— Нет, Ксения Олеговна, это вы пожалеете, что завезли нас в это гиблое место. Если мой отец вас не порвёт, и родители остальных детей вас только покалечат, сидеть вам в тюрьме за похищение четырнадцати несовершеннолетних и ещё одного взрослого.

И моя больная на все извилины преподавательница начала хохотать. Она не стесняясь хрюкала при этом. Мне пришлось долго наблюдать за ее беспричинной радостью. Только когда она неудобно склонилась, ей пришлось, чтобы не растянуться на полу, опереться на стену автобуса. И Ксения Олеговна с криком отскочила и начала трясти этой рукой.

— Ненавижу тебя! — Крикнула она мне. Хотя я ей ничего не делала. — Как же я вас

всех всегда ненавидела!

— Мы тоже вас терпеть не могли. — Старательно скрывая свои эмоции, сказала обозленной женщине. — Вы плохой педагог, ужасный классный руководитель и гнилой человек.

Мои слова любого должны были выбесить. А Ксения Олеговна, наоборот, успокоилась, взяла себя в руки. Может, дело в том, что она и так была зла, а мои слова привели ее в чувство, как ведро холодной воды, вылитое на алкаголика.

А взгляд у Ксении Олеговны стал в разы неприятнее, каким-то препарирующим.

— Я эти твои слова, Соломина, тебе на спине прикажу выжечь. — С нежной улыбкой абсолютно спокойно сказала классная руководительница. Не столько от ее слов, сколько от многообещающей интонации у меня мороз пробежал по спине. Но лучше уж моей спине терпеть мороз, чем выжженные слова. Однако показывать своего страха я не собиралась. Мой рост научил меня, что в любой ситуации главное быть в себе уверенной, тогда и всем окружающим ты кажешься значительнее.

— Ксения Олеговна, пока что обожжённой ходите только вы. И уродиной стали преотвратной.

— Я тебя достану, — скрипнула она зубами.

— Ни-ког-да. Вы в автобус зайти не можете, а я отсюда не выйду. А скоро нас найдут, и тогда мой отец вам глотку вырвет.

В то, что папа меня спасет, я не сомневалась. Чтобы не происходило с этим автобусом, и к каким бы иностранным психам-сектантам мы не попали, папа меня спасет. А разговаривать с Ксенией Олеговной я больше не хотела. Как только она перестала скрывать свой мерзкий характер, ее общество стало невыносимым. Я встала, чтобы уйти вглубь автобуса, только кое-кто ещё не выговорился и продолжал говорить. Даже когда я ушла от входа и села на свое привычное сиденье, Ксения Олеговна продолжала говорить, стоя уже у ближайшего ко мне окна. А стекло на нем было разбито, так что я ее прекрасно слышала, хоть и делала вид, что ее речевые выверты меня не касаются.

— Я всегда знала, что ваш класс сборище недоумков, но ты Соломина самая тупая даже в этом выводке. — Я просто сидела и вынужденно слушала выкрикиваемые специально для меня гадости. — Ты не поняла, что произошло? И ты надеешься, что вас спасут? Никто за тобой не придет! Это невозможно! Ты, если выживешь, станешь рабыней, как все твои одноклассники. Понимаешь? Мы не в России! И даже не на Земле. Это другой мир! Совсем другой мир! Как можно было это не понять? А ты всего лишь кусок мяса, которое я перетащила в этот мир. И тебя используют по назначению и выбросят, как грязную одноразовую посуду.

Она ещё продолжала что-то кричать, даже когда кто-то в светлой одежде вышел из тумана и увел ее с собой, я продолжала слышать ее злые, пропитанные желчью слова.

Конечно, Ксения Олеговна говорила глупости. Ее чем-то сильнодействующим обкололи. Наверняка, и травма, и пластика не прошли для уже немолодой женщины бесследно. Она пыталась меня запугать или просто бредила. Но верить ей было нельзя. Не могли слова о другом мире быть правдой. Просто не могли!

12. Невероятное продолжение дня

Меня тошнило от сладостей. Хоть я и поела их немного. Пару ирисок и пакетик маршмэллоу и запила все вишневым соком из маленького пакетика. Но меня все равно тошнило. Может, сказались нарушенные режим питания или нервы мои начали сдавать. А,

может, сладости и вправду вредные.

Я пыталась не думать о словах Ксении Олеговны, хоть они навязчиво кружились в моей голове. Чтобы отвлечься, я достала из своего пакета скотч, который кажется в прошлой жизни забросил в мою тележку Колян. Тогда я очень на него злилась. А сейчас я обернула фантик из-под ириски несколькими слоями скотча и, сложив его гармошкой, сделала из него бантик. Закрепила центр маленьким куском скотча и посмотрела на свое убогое творение. Барсик бы с моим бантиком играть не отказался, но он и пахучими носками папы и брата не брезговал. И я привязала к этому бантику ниточку от бинта. Подняв за непривязанный кончик ниточки бантик в воздух, я другой рукой дважды шлепнула по нему. Сразу представилось, как брат крутит у своего виска указательным пальцем.

— Точно, выберусь отсюда и сразу в дурдом, — сказала я вслух.

А потом я раскрутила бантик и намотала ниточку на палец.

— У меня, вообще-то, ещё и пластмассовая еда есть, — также громко произнесла я. — Впаду в детство, хоть будет с чем играть.

В этот момент из тумана до меня донеслись громкие голоса. А потом в тумане крикнул какой-то ребенок и прямо к моему автобусу выбежала какая-то девчушка со светлыми волосами и коротком простом платице. Она чуть не врезалась в автобус, но вслед за ней выбежали мужчина с девушкой и они почти одновременно поймали ребенка и прижали к себе. Даже я облегченно выдохнула, когда увидела, что девочка находится в безопасности. А она не была рада своему спасению. Ребенок что-то говорил на непонятном мне языке и рвался к автобусу. Когда девочка на руках своих спасителей смогла развернуться в мою сторону, она стала указывать на меня пальцем и плача что-то требовать. А когда ее попытались унести она подняла такой крик, что даже у меня заложило уши.

— Голос вашей девочки можно использовать как звуковое оружие массового поражения, — сказала я девушке, что пыталась удержать ребенка на руках.

И она что-то мне ответила. Я ее не понимала, но сочувственно покивал ей головой. Я и сама не любила маленьких детей, слишком они непредсказуемые, эта девочка, например, чуть не убила, врезавшись в автобус.

А девушки и ее спутник и даже девочка стали мне что-то усиленно объяснять, при этом они трое некультурно указывали на меня пальцем.

— Я и сама знаю, что выгляжу плохо. — Сказала я им. — Да, да. И одежда на мне потная и волосы не расчесанные, я даже зубы не мыла. А ещё говорят это другой мир. Как думаете, это правда?

Они не могли меня понять, но внимательно меня слушали. А потом продолжили что-то мне говорить и тыкать в мою сторону пальцами. Я проследила в направлении их указанных пальцев и поняла, что они все показывают на мой самодельный бантик. Очень непривлекательный, надо заметить.

Но, когда я указала на него пальцем, все трое иностранцев начали активно кивать. А девочка даже сделала очень характерное хватательное движение руками.

— О, ты хочешь этот замечательный бантик? — Спросила я у девочки, покачивая в руке бантиком. И она кивнула, но взгляд при этом был очень жалобным.

Я свесила за ниточку бантик из окна автобуса, и мужчина, схватив его, передал девочке. А она чуть ли не разрыдавшись, осмотрела его со всех сторон и прижала к себе. Я бы даже сказала, что девочка прижала самодельный бантик к своему сердцу. После того, как они все вместе благодарили меня за подарок, жесты у них были очень говорящими, они пропали в

тумане.

А я впервые после разговора с Ксенией Олеговной задумалась, что она могла мне и не солгать. Не стала бы в моем мире целая семья восхищаться бантиком, сделанным из скотча и фантика.

— Странно, — сказала я в пустоту и отправилась заниматься неблагородным делом. Все-таки, было несправедливо, что я осмотрела вещи своих одноклассников, а в сумку Ксении Олеговны руку не запустила. Я решила исправить это упущение.

Сперва я открыла её аптечку. Ожидала я в ней увидеть примерно то же, что и в аптечке водителя. Но преподавателю удалось меня удивить. В её аптечке лежали упаковки с гормональными препаратами. Можно было, конечно, предположить, что у пятидесятилетнего педагога начался климакс, или другие проблемы со здоровьем. Но зачем все эти бутылки брать с собой на экскурсию?

Хотя она же сказала, что это она перетащила нас в этот мир, значит, она подготовилась, сделала для себя запасы медицинских препаратов?

Отложив аптечку, я стала осматривать содержание самой сумки. Здесь я нашла две косметички, но в них были драгоценности. В одной, кажется, изделия из золота. А в другой — дорогая бижутерия. Косметика и парфюм тоже имелись, но лежала коробочки, пузырьки и футляры в боковом кармане сумки. И ещё Ксения Олеговна запаслись гигиеническими пакетами, разнообразными канцелярскими принадлежностями, магнитиками с видами города, кожаными перчатками, ремнями, мужскими часами, расческами, гребешками, зубными щетками с пастой, лосьоном для чистки лица и мицеллярной водой, шампунем, кремами и сменной одеждой. Особенно меня порадовало сменное белье. Размер, конечно, не мой, но я, все равно, сменила свое белье. Для этого пришлось присесть, чтобы меня не могли увидеть неожиданные гости. И свою несвежую футболку я также сменила. А потом расчесалась, почистила лицо лосьоном и слегка накрасила губы. Не то, чтобы я хотела произвести на кого-то впечатление, но смогла немного отвлечься.

И я очень радовалась тому, что не отдала сумку ее хозяйке. Уже бывшей хозяйке.

Конфетки есть мне не хотелось, вообще, голода я не чувствовала. Так всегда случалось, когда я испытывала сильный стресс.

И когда голос Ксении Олеговны позвал меня от двери, я внутренне сжалась, но вышла к ней уверенно. Как будто выполняю свой долг королевы, приветствую даже неприятных мне подданных.

Ксения Олеговна была не одна. Рядом с ней стояли те мужчина и женщина, которые просили для девочки бантик из фантика, и ещё двое мужчин. Одного я узнала, он приходил ко мне вчера в составе тройки. Выглядел младшим из них, и единственный был без бороды. А второй мужчина был представительный мужик, с проседью в светлых волосах. Такая многочисленная компания мне ещё визит вежливости не наносила, с улыбкой отметила я. Может, в ответ на мою улыбку, но все стали улыбаться. Только Ксения Олеговна все еще выглядела злой.

— Ты посмела надеть мою футболку, — громко прошептала она.

Я оглядела себя и довольно кивнула.

— Это называется воровство.

Я покачала головой.

— За воровство в этом мире сажают на кол.

Мне пришлось напрячься, чтобы сохранить видимость благодушия.

— Я, как оказалась, иномирянка. — С натянутой улыбкой проговорила я. — И единственная, кто не сбежал из автобуса. Значит, и автобус, и все, что вы, беглецы, в нем оставили, принадлежит мне.

И представительный мужчина, который внимательно меня слушал, кивнул, соглашаясь с моими словами.

А потом он заговорил на своём языке, и Ксения Олеговна попыталась перевести мне его слова.

Я замахала рукой, не желая ее слушать.

— Я перевожу для тебя слова Отца города Оруэлл, — возмущённо проговорила Ксения Олеговна.

Я посмотрела на того, кто больше напоминал Отца города, и ему сказала:

— Эта женщина не вызывает моего доверия. Она обманом вытасила меня и моих одноклассников из наших домов. Она всегда лжет и угрожает мне. Поэтому я не принимаю ее посредничества в нашем разговоре. — Закончила я категорически.

Ксения Олеговна начала говорить им быстро что-то, указывая на меня пальцем.

— Она врёт, — сказала я.

— Ты даже не знаешь, что я сказала! — Истерично выкрикнула она.

— Это не имеет значения, вы всегда лжёте. — И уже Отцу города я сказала. — Вы же понимаете, что я говорю, почему мы не можем общаться без переводчика?

— Потому что ты недостойна говорить с Отцом города! — Заявил черноволосый мужчина.

А Отец города кивал, пока мы с говорили, и обратился к этому мужчине. Отец города явно что-то приказал сделать черноволосому.

— Отец города из своей милости и в благодарность за щедрый подарок его внучке, приказал обучить тебя местному языку, — обратился ко мне мужик.

Я, прижав к сердцу одну ладонь, слегка поклонилась Отцу города. И он, быстро кивнув мне, с самодовольным видом скрылся в тумане. У меня всегда были хорошие способности к языкам. На английском я говорила почти без акцента. И учила корейский. Только, конечно, было непонятно, как они будут меня обучать, если я даже книги от них взять не могу. Хотя, если они по несколько часов будут просто объяснять правила их грамматики и обучать новым словам, язык я выучу легко.

А, зная язык, я разберусь в этой истории с другим миром и постараюсь вернуться домой.

Все, кто подходил к автобусу, уже ушел. А я снова была предоставлена сама себе. С грустью вспоминались те времена, когда я просила оставить меня одну в моей комнате и как пинками выгоняла из нее брата. Сейчас бы я с удовольствием пообщалась с братом и с мамой, и особенно с отцом. Даже с соседями и бабушками у подъезда я обсудила бы новости и погоду. И чего мне раньше всегда хотелось быть одной?

А сейчас я вынуждена радоваться даже неприятным особам и недоброжелательным гостям.

К автобусу вернулись Ксения Олеговна и ещё двое мужчин. Вернее один был мужчиной, а второй — старик. Они мне раньше говорили, что принадлежат к роду Магикир.

— Соломина подойди ближе к входу, сейчас тебя обучат языку. — Сказала Ксения Олеговна, смотря мимо меня в салон автобуса.

— В смысле подойти ближе? — Я не хотела к ним приближаться.

— Дева, — обратился ко мне старик, — ты должна встать как можно ближе ко мне.

Мне необходимо коснуться твоего лба. Так я передам тебе знания оруэллского языка.

Я, конечно, не была настолько глупой, чтобы довериться этим троим, но все же спросила:

— А вы гарантируете мне безопасность?

— Мы гарантируем тебе знание, — ответил старик. А Ксения Олеговна фыркнула.

— Я без знаний проживу, только не хочу быть рабой и спину свою этой женщине не доверяю, — кивнула я на классную руководительницу.

И старик сказал:

— Отец города поручил мне обучить тебя языку. Я должен исполнить свой долг.

— Тогда поклянитесь, что не навредить мне. — После этих моих слов, старик пообещал, что вредить мне не будет. Оставался ещё вопрос, не навредит ли ему самому автобус, только это была не моя проблема. Я только старшеклассница, а они все взрослые люди, должны сами разобраться, как правильное поступать.

Я спустилась на последнюю ступеньку, крепко схватила правой рукой за перегородку между пассажирскими сидениями и ступенями и настороженно уставилась на троих взрослых. Они также не испытывали ко мне особой симпатии. Непокорная «дева» их совсем не радовала. А Ксения Олеговна даже отступила на шаг назад, видимо опыт с получением ожогов от автобуса был не самым радостным в ее жизни.

— Дева, — поднимая вверх обе руки, обратился ко мне старик, — вытянитесь вперед, чтобы я мог коснуться вашей головы.

Я не совсем не доверяла этому старику, было в его облике что-то хитрое.

— Дева, поторопитесь. Я не могу с вами до вечера здесь стоять. — Сварливо произнес старик.

Я еще крепче ухватила правой рукой за перегородку, левую вынула из кармана, чтобы иметь возможности отбиться или уцепиться за перегородку и второй рукой. И вытягиваясь вперед, я постаралась правым плечом упереться на внутреннюю стену автобуса. Так у меня будет опора, чтобы сохранить равновесие.

Может, конечно, я слишком недоверчивая, но, если честно, причин у меня было достаточно.

Старик нетерпеливо пошевелил пальцами и я, выдохнув, вытатила свою голову за пределы автобуса.

Старик коснулся моих висков и лба своими сухими костлявыми пальцами и закатил глаза. Я наблюдала за ним и безбородым мужиком, стоящим рядом с ним.

Ничего не происходило, а я продолжала ждать внезапное озарение.

И внезапно мой мозг пронзила резкая боль. Охнув я судорожно согнула правую руку, приближаясь к схваченной мной перегородке. И в это мгновение старик крепче обхватив меня за голову дернул на себя и его спутник обхватил меня за левой предплечье и потянул на себя. Благодаря тому что я крепко держалась за перегородку и еще и правым плечом упиралась в стену автобуса с первого раза вытацить меня у них не удалось. Я правой ногой ударила вперед себя и в кого-то точно попала, и уцепилась за перегородку и левой рукой. Вокруг меня закружил запах горелой плоти.

Я не видела, что происходит у порога автобуса, только все громче становился вой старика и раздавались крики мужчины:

— Ксения! Тяни!

Я забила обеими ногами и удачно попала в мужика, который пытался вытянуть меня из

моего автобуса. Он с криком и проклятиями отлетел дальше. А я закрыла дверь автобуса и хныча села на пол, между сидениями. Прямо на осколки стекла.

Хотя я и не ждала от этих людей честной игры, но обида от их вероломного нападения душила меня. Несколько раз меня звали из-за автобуса, но я не поднялась с пола. Решила, что лучше умереть, сидя на замусоренном полу, чем снова довериться иностранцам-иномирным. И еще у меня сильно болели голова и шея, а на забинтованных ладонях показалась кровь.

13. Убийца!

Мне хотелось сесть на пассажирское сидение или даже лечь на него. И то, что ноги мои стали бы неудобно свисать, мне уже не казалось большой проблемой. Но встать с пола я не решалась. Наверно, я даже заползла бы под сиденье, если бы там не было так тесно и грязно. Я всю ночь провела на полу, и утром стала передвигаться по автобусу на четвереньках, чтобы никто не видел меня с автобусных окон.

Меня раздирали три основных чувства, которые усиливали друг друга. Я боялась. Страх от ситуации, в которой я оказалась по чьей-то глупости или злему умыслу, мешал мне подняться с колен. Я успокаивала себя, что на мне до сих пор нет рабского ошейника, и вспоминала слова Коляна, что он завидует мне. Но от страха невозможно было так просто отмахнуться.

Вторым чувством была обида. Они, эти взрослые мужчины, обещали мне безопасность. Старик сказал, что хочет только выполнить свой долг и передать мне знания языка. И он посмел вероломно напасть на меня. На меня одну, девушку довольно щуплую и невысокую, напали двое мужчин. И даже физическая боль меня не так мучила, как именно обида. Что это за мужчины, которые не держат своего слова? В нашем дворе даже бомжи не нарушали слова, если давали его, конечно.

Но самым сильным чувством, буквально разрывающим все мои жизненные принципы, была злость. Впервые я понимала, что способна на жестокость. И этим двоим мужикам с Ксенией Олеговной я горячо желала смерти. Если бы мне кто-то не очень добрый сказал, что они могут умереть только от моей руки и предложил простить их или казнить, я бы только спросила, какое оружие они мне дадут. А если бы мне не дали оружия, я набросилась бы на них голыми руками и придушила от избытка негативных эмоций. Или затащила бы их в автобус, который почему-то сжигал всех посторонних людей.

Но мне было плохо от осознания, что небольшое испытание сделало меня диким жестоким человеком.

И сидя на полу, я сменила окровавленные бинты на своих пораненных ладонях. Порадовало, что воспаление не началось, значит, я хорошо вычистила из ранок осколки стекол. До середины дня я просидела на полу, не реагируя на людей, которые подходили к автобусу. Меня звали и уже знакомые голоса аборигенов, и те, что я слышала впервые. Ксения Олеговна, вообще, несколько раз обошла автобус, выкрикивая мое имя, но я была так зла на всех, что никого не хотела видеть. И еще, когда сидишь, не двигаясь, даже в нагревающимся на солнце автобусе, пить хочется не так сильно. Запас воды и даже сока у меня был, но нужно было питье экономить.

— Покажись! Убийца! — После этого крика в мой автобус полетели камни. Я слышала звуки ударов, и рефлекторно согнулась, прикрыв голову руками.

Камни продолжали биться о металлические стены автобуса, поднимая невообразимый грохот. Но при этом я не слышала, чтобы в салон залетел хотя бы один камень. Чтоб

попытаться разобраться в происходящем, я убрала руки со своей головы и стала осматривать салон автобуса. И вначале я не могла поверить в увиденное, но камни, которые бросали в автобус, все-таки, влетали в него через разбитые стекла. Только они испарялись. Маленькие камни, оказавшись в салоне автобуса, пропадали бесследно. А от тех камней, что были большими и при попадании в меня, могли мне навредить, оставалось только небольшое количество пыли, который осыпаясь, пачкал и так далеко не самый чистый автобус. То что камни испарялись было также удивительно, как и то, что люди, оказавшись в автобусе, начинали стогать.

— Убийца! Ты ответишь за всё! — Удары камней об автобус не заглушали этих криков. И казалось бы я должна была сейчас от страха сходить с ума, но вид пропадающих в автобусе камней образумил меня. Страх, обида и даже злость прошли. Я почувствовала сейчас гордость за себя, ведь я одна в автобусе не горю! Ещё появилось чувство защищённости, ведь добраться до меня никто не может, как бы они не кричали и, чем бы они не бросались в автобус. Я ещё мне захотелось поиздеваться над теми уродами, что пытаются меня запугать.

Надеть чистую блузку и расчесаться я бы уже не успела. Только я сейчас, по-моему, была красива своей уверенностью в себе. Я поднялась во весь свой небольшой рост, но людям-то за пределами автобуса я должна была казаться высокой. Уверенно, не обращая внимания на вылетающие в автобус камни, я дошла до водительского места и, нажав на кнопку, открыла дверцу. В этот момент камни перестали биться об автобус. И я стала разглядывать стоящую перед автобусом толпу. Людей было очень много. Мне показало, что даже туман поредел, чтобы я увидела, как много мужчин разных возрастов пришли закидать в меня камнями. А во главе их стоял молодой мужчина, который вчера вместе со стариком пытался вытянуть меня из автобуса. Я с удовлетворением заметила, что половина его лица и руки по самые локти были сильно обожжены.

— Ты убила моего деда! — Указав на меня пальцем, крикнул он.

— Собаке собачья смерть. — Без сочувствия ответила я. И по толпе прошёлся ропот.

— Ты испорченное упрямое существо! — Так витиевато меня еще никогда не оскорбляли. — Мой дед хотел спасти тебе жизнь. А ты затащила его в осколок чужого мира.

«Осколок чужого мира» — так он назвал мой автобус. Наверняка, в этих словах был какой-то глубокий смысл, которого я не могла понять. Но я обязательно в этом разберусь.

Но в слова о благородстве старика я не верила:

— Да ладно, думаете, я поверю вам? Вы не ради меня старались. У тебя и твоего деда был свой интерес.

— Он умер от ожогов. Из-за тебя! — Чувство вины во мне от посеять не смог. — Мой дед был великим магом. Он гордость рода Магикир и Королевства Пяти Гор! — Мужики из толпы начали вскидывать кулаки над головами и выкрикивать хвалебные слова своему магу. И проклятия с угрозами в мой адрес тоже звучали.

— Ваш старик был клятвопреступником. Он нарушил данное мне слово, поэтому и сдох! — Я этими словами настолько разозлила толпу, что вперёд вышли пятеро лучников и, дождавшись кивка от обожженного представителя рода Магикир, каждый из них начал натягивать тетиву своего лука с вставленной в нее стрелой.

Мне даже стало интересно, успеет ли стрела испариться так же, как и камни, ведь скорость полета у них намного быстрее? Стараясь продемонстрировать свое глубочайшее пренебрежение толпе, я, все же, в защитном жесте сложила руки на груди и уставилась на самого высокого из лучников.

— Выходи, проклятая, или ты умрёшь. — Крикнул мне обожжённый, который был лидером и вдохновителем толпы.

— Стреляйте и сами поймёте, кто из нас проклят, внук клятвопреступника. — Сказала я с немалым пафосом.

— Три! — Начал он отсчёт.

— Два! — И острия всех пяти стрел направились в меня.

— Один! Рази! — И раздался короткий свист пяти одновременно выпущенных стрел, направленных на меня. Я наблюдала за самым высоким лучником. И мне показалось, что я вижу, как в меня летит его стрела в замедленном кадре. Вот его пальцы выравниваются, выпуская тетиву. Она распрямляется и стрела вылетает.

Она одновременно с другими четырьмя стрелами влетает в автобус.

Острие пяти стрел уже в миллиметре от моего сердца. Но стрелы испаряясь в воздухе, пропадают так же, как и камни, не навредив мне. Только в моих ногах появилась слабость. И мне пришлось приложить усилия, чтобы победно ухмыльнуться в толпу и с видом императрицы, поднимающейся на трон, сесть на ступеньку.

— Ну что, неудачники? — Сказала я в ошеломлённые лица наблюдавших за мной иномирян. — Будете и дальше позориться?

— Ты не просидишь там вечно. И я отомщу тебе за деда! — Прокричал их лидер.

— Отомстите мне за своего великого лгуна? — Я презрительно приподняла брови. — Лучше идите и займитесь его погребением. Не стоит мужчине бросаться пустыми обещаниями. Если, конечно, словоблудие не родовая черта всех Магикир.

Он чуть ли не зарычал в ответ и, резко развернувшись, ушел. Толпа перед автобусом также начала редеть.

А я вдруг осознала, что понимаю все, что они говорят, смысл каждого слова с оскорблением и проклятием в мой адрес был мне понятен. И они понимала все, что я говорила. Вряд ли толпа так реагировала бы на мои слова, если каждый мужик в ней не понимал смысла моих слов.

Значит, их великий старый маг, все-таки, передал мне знания их языка? Выходит, свой долг перед Отцом города он выполнил. Теперь я знаю язык иномирян и смогу свободно изъясняться со всеми людьми, без переводчиков, которые могли перевернуть мои слова. Я, конечно, не стала уважать уже покойного старика и жаль его не было, но жизнь моя должна стать проще.

14. Огонь лучше ошейника

— Дева Кира Владимировна Соломина. — Позвали меня со стороны двери автобуса. Голос зовущего я сразу узнала, это был Отец города. Но вставать и идти к нему, мне не хотелось, хоть именно благодаря ему я и знаю теперь язык аборигенов.

— Дева Кира Владимировна Соломина! — Позвал он меня уже громче. Но если мне никуда идти не хочется, громкостью зова на меня повлиять невозможно.

— Дева! Кира Владимировна Соломина! Подойдите ближе! У меня к тебе важный разговор. — Может, только мама и могла так на меня повлиять, превысив голос. Но она своим правом пользовалась крайне редко, только в экстремальных случаях. Папу бы я тоже послушалась, если бы он позвал меня в такой, все-таки, не самой подходящей форме. Только папа голос вообще никогда ни на кого не повышал. Даже в гараже, когда спорил с друзьями из-за футбола.

Еще брат мог на меня кричать, но у него эта вредная привычка осталась с младенчества.

Он как стал после рождения на всех орать, так и не изменял этой вредной привычке. Но больше я никому не давала права поднимать на меня голос.

— Кира Владимировна Соломина! Дева с дурным нравом! Вы обязаны меня выслушать. — Сказал Отец города, стоя уже под разбитым окном возле сиденья, с которого я не собиралась вставать.

— Всем, кому должна, прощаю! — Ответила ему маминой любимой фразой. Никогда не думала, что настанет время, когда я стану цитировать родную маму.

Отец города постоял пару мгновений, пытаясь переварить мои слова. А потом совсем не величественно почесал себе затылок и крикнул или кашлянул.

— Дева Кира Владимировна Соломина, — который уже раз повторил он, — проявите уважение к моему возрасту и выслушайте меня. — Сказал он, важно выпрямляясь.

— А с чего я буду уважать ваш возраст? — Выглянула я к нему через окно. — Годы просто текут. Вашей заслуги нет в том, что вы дожили до своих лет.

— Ммм, — кажется, моя логика мужика удивила, но не разозлила. — Так-то оно так, дева. Но годы — это опыт. Говоря об уважении к моим годам, я имел ввиду уважение к моему жизненному опыту, приобретённом годами учебы и работы на благо моего города. Дева Кира Владимировна Соломина, а в вашем мире не принято уважать пожилых людей?

Я обратила внимание, что Отец города все же завязал со мной беседу. Я уже невольно приблизилась к окну, чтобы лучше его видеть. И хоть он был моим противником, и добра мне от него ждать не стоило, но он был мне симпатичнее, чем представители рода Магикир. По крайней мере, Отец города не смотрел на меня как на досадную неожиданность, от которой следовало скорее избавиться.

— В моем мире принято уважать людей за их заслуги и успехи, — ответила я. — А к старикам мы обычно относимся сообразно их поведению. Добрых бабушек, угощающих нас пирожками, мы любим. Старушкам, злословящем у подъезда, отвечаем презрением. К старикам-труженикам, ветеранам войны, и просто хорошим людям мы уважительны. Бомжей, оканчивающих свою жизнь у мусорных контейнеров, обходим стороной. А к сильным мира сего, независимо от их возраста, относимся с недоверием.

Мне было, что ещё сказать, только я замолчала, чтобы не затягивать наш разговор.

— Дева Кира Владимировна Соломина, — не дождавшись от меня продолжения, проговорил Отец города, несмотря на свой дурной нрав, ты мудра не по годам. Остальные иномиряне не смогли выдавить из себя ни одного умного слова.

— Ответного реверанса не дождетесь, — невольно слишком грубо сказала я этому переговорщику. Посмотрела бы я, какие он умные речи говорил, если бы его, как моих одноклассников, переместили в другой мир, хитростью выманили из убежища, каким оказался автобус, а потом надели рабский ошейник.

Колян в такой экстренной ситуации мне хотя бы подсказку смог дать. Ничего более умного, по-моему, он в сложившейся ситуации сделать не мог.

— Я невольно тебя обидел, дева? — Участливо спросил Отец города после того, как я отсела от окна. — Приношу свои извинения, хоть и не понимаю твоей обиды. А теперь пройди к двери, мне сложно говорить, запрокинув голову. Шея затекает.

Я, ничего не говоря Отцу города, отправилась к двери и села на верхнюю ступеньку.

Мужчина подошёл к двери и встал напротив меня в шаге от автобуса. Он обвел сидевшую меня недовольным взглядом и поджал губы.

— Знаю, что вы скажете, — первой обратилась я к нему, — но стоя я буду намного

выше вас, и ваша шея снова начнет затекать.

— Благодарю, дева. Приму отсутствие у тебя воспитания за заботу о моем здоровье.

Не стала долго думать над своеобразным юмором или даже сарказмом местного политика и сделала очень внимательное лицо. Хоть назвать меня пренебрежительным слушателем мужик не сможет.

— Дева Кира Владимировна Соломина, — начал серьезным тоном Отец города, — я вынужден извиниться за недостойное поведение представителей рода Магикир, они не имели права, прикрывшись своим долгом, нападать на тебя. И хочу сказать, что по закону города Оруэлл ты не считаешься убийцей мага из рода Магикир. И, когда ты окажешься за пределами своего убежища, никто не сможет тебя судить за это преступление.

Наверняка, политик озвучил хорошую новость, и я должна была радовать ей. Только радости я не испытывала.

— Уважаемый Отец города Оруэлл, вы думаете, я когда-нибудь покину свое замечательное, надежное, уютное убежище? — Я даже любовно погладила перегородку между ступенями и сиденьями. Пусть абориген видит, как я свой автобус люблю!

— Это и должно было стать основной темой нашего разговора, — сказал политик, недовольно наблюдая за моей рукой, поглаживающей гладкую, матовую поверхность перегородки. Но прежде он заметил, что обращаться к нему нужно "Многочтимый Отец Оруэлла" или "Господин Магикир". Меня также порадовали известием, что Многочтимый Отец Оруэлла тоже входит в род Магикир.

— Дева Кира Владимировна Соломина, — я не стала облегчать мужику обращение ко мне, пускай произносит свое глупое обращение и моё имя с отчеством и фамилией, — ты не сможешь просидеть в своем убежище более нескольких дней. И дело не только в том, что ты не сможешь получить от нас еды и питье.

— А вы бы, конечно, для меня еды и питья не пожалели? — Спросила у многочисленного отца.

Он недовольно замолчал и не продолжал хранить молчание довольно долго. Я даже подумала, что он развернется и уйдет, так и не сообщив о цели своего визита. Но Отец города продолжил говорить, хоть и не ответил на мой вопрос.

— Ты, дева Кира Владимировна Соломина, можешь в своем убежище погибнуть в любой момент. Просто посмотри на меня и себя, и ты увидишь разницу между нами и поймешь, что мое предупреждение искреннее. Я и все жители Оруэлла желаем, чтобы ты выжила, мы сопереживаем тебе. Сидеть в этой металлической клетке опасно для твоей жизни

Я посмотрела на этого велеречивого политика. Отличий между нами было очень много. Отец города был упитанным, широколицым, довольно крепким мужиком. Он был одет в свободную светлую одежду: широкие штаны и тунику длиной до колен с разрезами выше бедер.

А я, скорее всего, выглядела так же, как себя и чувствовала. Маленькая, голодная, замученная выпускница, одетая в несвежую одежду. Еще и руки мои были изранены. А самое главное, за моим самоуверенным, порой хамоватым видом скрывалась страх и безысходность, который вскоре могли перерасти в беспросветное отчаяние.

Смутившись под моим пристальным взглядом, Отец города сказал:

— Сейчас под небом не так жарко, как в твоем убежище. Это говорит о том, что осколок чужого мира нагревается и вскоре он сгорит, и, если ты не покинешь его, то тоже

сгоришь вместе с ним. Гореть заживо не может быть очень приятным. Лучше выходи из этого ужасного куска металла прямо сейчас

— Но и рабский ошейник носить не является моей мечтой, — сказала многочисленному отцу, и его заметно передернуло.

— Ты сгоришь. — Повторил он весома.

Я, чтобы не подбирать правильных слов, просто спела ему пару куплетов из моей любимой песни. Только заменив в несколько слов на более подходящие к моей ситуации:

— Тот, кто сгорел, будет ярче светить, Чем кометы, пролетающие над планетой. Из пустоты без моей красоты Не родится юности вольная птица.

Лечу над землёй, Словно орёл, словно орёл. Свечу над землёй, Словно огонь, словно огонь.*

— Эта твоя вера? Твой Бог учит умирать молодой? — Пытливо всматриваясь мне в лицо, спросил Отец города.

— Моя вера вас не касается, Многочтимый Отец Оруэлла. А о своем Боге с ворами похитившими меня из родного дома, я говорить не собираюсь. Если мне суждено погибнуть в этом автобусе, я приму свою судьбу с улыбкой. — Я не чувствовала той уверенности с которой говорила. Но даже измученной я не хотела быть ничтожеством, как Ксения Олеговна.

— При болях не улыбаются. — Возразили мне. — А гореть очень больно. — Отец города, почему-то, продолжил уговаривать меня покинуть автобус. Он обещал, что заберет меня в свою семью, где мне выделят самую простую и чистую работу, я буду его волей защищена от унижений и, самое главное, мне даруют исключительное право отказывать хозяину в близости, если оно по какой-то немислимой причине будет мне неприятно.

От услышанных слов я даже потеряла дар речи. Многочтимый Отец города думал, что я буду рада его обещаниям? Я должна была радостно выпрыгнуть из автобуса, только потому, что мой ошейник будет чуть легче, чем у моих друзей?

В действительности Отец города открыл мне глаза на то, что меня ожидает. Раньше рабство для меня было лишь абстрактным понятием. Конечно, оно было связано с унижением и тяжелым трудом. Но я не примеряла к себе даже мысленно рабских кандалов. А сейчас я поняла, что рабство не только унижение и тяжелая работа, это бесправие, насилие над личностью — и все это хуже смерти.

— Мои рабы живут в довольстве. — Политик продолжал расхваливать жите своих рабов. — Никто из них не сбегал и не предавал меня. Они возносят молитвы за мою доброту и милосердие.

Мне показалось, что политика разнесет от хвалебных речей самому себе. А он продолжал говорить, какая счастливая доля меня ожидает на коленях в его доме. Я слушала его долго и внимательно. И не пожалела об этом, когда, уговаривая меня покинуть автобус, согласившись на рабство, политик случайно проговорился:

— Чтобы вытянуть эту гигантскую колесницу в наш мир, трём магам из моего рода пришлось объединить свои силы. И сейчас их жизни завязаны на тебе, как единственном живом существе в этом корыте. Если ты останешься в колеснице, ты сгоришь, и погибнут два великих мага.

— Почему два мага? — Спросила я. — Силу-то объединяли трое.

Отец города понял, что сказал лишнее, но на мой вопрос ответил:

— Старик Магикир погиб сегодня днем от ожогов. — Помявшись и траурно опустив

голову, политик-рабовладелец повторил, что никто не винит меня в его трагической гибели.

И я поняла, что не я им нужна. Молодая рабыня, конечно, не была бы лишней. Но им важно вытащить меня из автобуса, потому что, умирая, я убью двух их магов. А одного уже отправила на тот свет, и смерть старика мне вряд ли забудут, чтобы они не говорили. А, по моему, не справедливо, что умрут только три их мага, а они вместе с автобусом выкрали из моего мира больше двадцати человек. А Ксению Владимировну я даже не считаю, она в моем понимании уже не была пострадавшим человеком.

Но хоть так у меня будет возможность отомстить этим нелюдям, разрушившим столько жизней. Наши родители, братья, сестры, родственники уже не смогут жить, как прежде. Они же вначале не поверят в нашу пропажу, потом в панике начнут поиски. Все, кто может, поднимут свои связи, кто-то наймет детектива, большинство же будут штурмовать полицейские участки. Обзванивать больницы и морги. Пытаться собрать волонтеров, привлечь внимание журналистов и блогеров, чтобы поднять больше шума. А потом будет отчаяние, слезы, чьи-то родственники запьют, могут даже распадутся семьи. А мы в это время будем работать в каком-то Оруэлле? Нет! Я не буду рабой!

— Дева Кира Владимировна Соломина, — не зная, что творится в моей душе продолжил Отец города можете вначале подать мне вещи, оставленные в этой колеснице. За спиной политика, как по волшебству, показались несколько мужчин. Неужели, пришли помощники, чтобы перенести вещи из автобуса в дом этого хитро-мудрого Отца города?

— Обойдешься! Мало того, что рабыню тебе подавай, — я неожиданно для себя самой перестала обращаться к этому мужику уважительно, — так еще и все мое имущество решил присвоить?

— Дева, я же объяснил тебе, что ты умрешь, оставаясь в колеснице. И погубишь последних сильных магов города Оруэлл.

Я снова решила не мучиться, подбирая слова для того, кто считает, что облагодетельствовал меня, помахав рабским ошейником. Но в памяти сами собой всплыли цитата одного мудреца, которую я использовала еще в восьмом классе как эпиграф, когда писала сочинение на литературе по повести Пушкина «Капитанская дочка». Встав со своего уже привычного места, их я и сказала удивленным аборигенам:

— Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор.*— И не удержавшись, добавила уже от себя. — Всех бы ваших магов убила! И политиков вместе с ними.

Я отошла к своему сиденью и села на пол, чтобы меня не было видно. Я не мечтала о смерти в автобусе. У меня были большие планы на мою жизнь. Но умру я точно славно и ярко. И отомщу еще двум преступникам, посмевающим так поступить со мной, моими друзьями и нашими семьями.

* Текст песни «Кометы». Исп.: Марина Демещенко. Альбом: «Сказки лесной нимфы».

* Слова Шота Руставели.

15. Еще одно предложение

В автобусе было душно, воздуха не хватало даже при разбитых окнах. Я сидела, обмахиваясь тетрадью, которую взяла из рюкзака одной из одноклассниц. А солнце за окнами автобуса светило весело, совсем как дома. И птички радовались его лучам, только их трели были мне не знакомы. Хотя я и в родной стране пенье разных птиц друг от друга не отличала. Только ворону невозможно было ни с кем спутать. Но она-то и не поет. Хотя именно вороны сейчас могли бы напеть о моем настроении.

Сок у меня закончился. Осталась маленькая пол литровая бутылочка воды. И ещё немного воды в большой бутылке, которую я нашла у водителя автобуса. Вначале я пила ее с опаской, но никаких проблем с кишечником у меня не возникло. Так что я была бы рада, если Армен возил в своем автобусе хотя бы по пять таких бутылок полных не фильтрованной не кипяченной и немного зеленоватой воды. Нехваток жидкости меня уже напрягал, я из-за этого даже боялась обедать оставшимися ирисками. А в них была мятная начинка, она бы меня хоть немного освежила. Конечно, в ожидании скорой смерти можно было смело доесть все ириски и залпом выпить скудные запасы моей воды.

Но, все же, я надеялась выжить. Ведь может произойти чудо, и я не погибну? Не то что бы я в Дед Мороза и зубную фею верю, но магия-то, как оказалось, существует. Значит, Бог, точно, есть. А он помогает верующим, и раз я в него искренне поверила, то... Просто мне и полных семнадцати лет ещё не исполнилось. Я же только жить начинаю. Странно молиться, когда ни одной молитвы не знаешь, но в одиночестве, в безвыходной ситуации молиться оказалось совсем несложно. И просила я не о многом, мне нужен был только более-менее приемлемый для меня выход из этой ситуации. Или быстрая смерть, без мучений.

— Соломина! — Голос Ксении Олеговны был самым неудачным ответом на мою искреннюю молитву, поэтому я и не поднялась со своего укрытия между сиденьями.

— Соломина! Меня прислали с предложением для тебя. Покажись, ты должна меня выслушать!

А Ксения Олеговна даже свою манеру говорить сильно изменила. Особо тактичной и корректной она и раньше не была, но сейчас можно подумать, что она с детства привыкла отдавать приказы своим рабам.

— Кира, у тебя появился шанс не стореть в ближайшие дни. — Чуть человечнее заговорила моя бывшая классная руководительница. — Если соизволишь выслушать меня, то поймёшь, как тебе повезло, что Отец города был к тебе снисходителен и милостив.

Я решила ее, все-таки, послушать. Меня это ни к чему не обязывало, и время может пройти быстрее. Пришлось вставать, потянуться, разогревая уже затёкшие мышцы и, медленно передвигая ноги, направиться к выходу. Садиться я не стала. Пусть у Ксении Олеговны затекает шея, смотря на меня как можно выше. И встала я назло ей, широко расставив ноги и сложив руки на груди. Путь видит, что я хозяйка положения! Я ничего не боюсь! И только от скуки снизошла выслушать ее.

Вид Ксении Олеговны меня сильно огорчил. От ожогов на ее лице и руках не осталось и следа. Даже покраснение с кожи прошло. И хоть она все ещё была в платке, завязанном, как тюрбан, выглядела она посвежевшей и довольной жизнью. Как будто сбросила с себя лет двадцать своей лживой жизни.

— Выглядишь неважно, Соломина. — Бросила она в меня первый комплемент.

Я промолчал, просто не нашлась с ответом.

— Мятая, грязная, мокрая и, наверно, голодная. — Ксения Олеговна мою гордость щадить не собиралась.

Я невольно опустила голову и ногами стала сгребать с пола в кучу осколки стекол.

— Только несколько дней вдали от цивилизации и, ты так опустилась, — продолжила измываться она. Неужели даже лицо по утрам не можешь.

Продолжая работать ногами, я подняла на нее свое немытое лицо:

— Зачем его мыть? — Спросила у нее. — Я вашими очищающими лосьонами пользуюсь. Но они, кажется, молодой коже не подходят.

Фальшиво благожелательный, сочувствующий взгляд Ксении Олеговны сразу стал злым. Она почти прошипела:

— Ты, мерзавка, посмела рыться в моей косметике? Знаешь, что тебя за это ждёт?

Я смиренно пожала плечами.

— Знаю, от ваших дешёвых средств ухода я выгляжу мятой, мокрой и голодной, а дальше будет только хуже. Но, как я уже говорила, все, что находится в автобусе, принадлежит мне. Косметика уже моя, хотя сама бы я такую никогда не купила. И бижутерия теперь моя. И драгоценности. И таблеточкам вашим гормональные я применение найду...

Хорошо, что она не могла броситься в автобус и придушить меня. Вряд ли бы я смогла от нее отбиться. Но Ксения Олеговна взяла себя в руки и, громко выдохнув, проговорила:

— Многочтимый Отец города Оруэлла велел передать тебе его предложение. По своей милости и доброте, и чтобы ты чувствовала себя уверенно, он предлагает тебе выйти замуж за любого из граждан города Оруэлл, и этим приобрести статус горожанки. Можешь радоваться, работой тебе не быть.

Ксения Олеговна не произнесла следующие слова, но в воздухе повисла ее угроза, что достать она меня все равно сможет. И не могла окончательно побороть свою злость. Ещё мне показалась, что эта ведьма неохотно передает мне слова Отца города.

— Рабой бы я в любом случае не была, — сказала я.

А эта ухоженная помолодевшая женщина с усмешкой проговорила:

— Нашла чему радоваться, даже не зная, кто тебе попадетя в мужья. Некоторые рабыни живут лучше многих жен.

Здесь я должна была низко поклониться бывшему заслуженному педагогу за ее незаменимую подсказку. Но я, выдерживая свою роль, ударом ноги в собранную мной кучу осколков стекла, отправила эти осколки прямо в Ксению Олеговну.

Она с криком отскочила и, проклиная меня, начала отряхиваться. Понимая, что в тумане могут скрываться люди, что подслушивают нас, я громко сказала:

— Ксения Олеговна, я вам не верю. И тысячу раз уже говорила, что не хочу видеть вас посредником в переговорах с аборигенами. Вы омерзительны! Не приходите сюда больше.

Мое сиденье дождалось меня, и сейчас я села на него, а не на пол. Для меня в данный момент не имело значения, смотрит ли кто-то на меня. Я думала. Предложение с замужеством я приняла как ответ на мою молитву. Только замужество здесь, как я поняла из слов одной ведьмы, также опасное предприятие.

И как мне узнать, за кого и на каких условиях мне выходить замуж? Чем это для меня чревато? Кто поделится со мной правдивой информацией и укажет на самого подходящего мужа? Вряд ли местные жители преподнесут мне своего принца. И есть ли здесь свободные принцы? Пришлось глотнуть водички, чтобы восстановить сбившееся дыхание. Смерть моя, похоже, откладывалась, но жизнь от этого легче не становилась.

16. Условия

Я уже несколько часов сидела на ставшем мне родным сиденье автобуса, но у меня никак не получалось подумать о самом главном, жизненно необходимом для меня выборе. Мысли все время скатывались до примитивных физиологических потребностей. Я хотела есть. Нормальную пищу. И пить. Залпом. Хотя бы одну кружку обычной прохладной воды. А потом минералку. И еще какую-нибудь сладкую газировку. Мне нужно было искупаться, сменить одежду.

А думать нужно было о замужестве.

Раньше, когда люди жили в деревнях и своим трудом добывали себе пропитание, и в послевоенные годы, люди женились, чтобы выжить. Поддерживать друг друга, вместе строить дом и растить потомство.

Но для меня, выросшей в двадцать первом веке, было сложно смириться с замужеством ради выживания. Я всегда знала, что встречу свою родственную душу, мы, может, и не будем идеальной парой в глазах окружающих людей, но нам друг с другом будет тепло и уютно. Передо мной была картина идеальной семьи. Это жизнь моих родителей.

Они не говорили друг другу слов любви, по крайней мере, при свидетелях, не дарили друг другу подарков на годовщину свадьбы, не писали друг о друге в социальных сетях. Но им было хорошо вместе. Они понимали друг друга по одному взгляду, всегда поддерживали, и, что мне раньше очень в родителях не нравилось, они всегда были на одной волне. Папа никогда не вставал на мою сторону, если нужно было идти против мнения жены. Раньше я считала это папиной слабостью, а сейчас вдруг поняла, что в единодушии была сила моих родителей. Это единодушие им обязательно поможет пережить то, что я пропала. Конечно, если я не найду способа вернуться домой. А я сделаю все, чтобы как можно скорее оказаться дома.

Но в данный момент мне нужно было думать о будущем муже. И как выйти замуж за незнакомого парня? Чужого человека? О единодушии с ним можно даже не мечтать.

Мысли в моей голове мелькали так быстро, что я забывала, над чем я должна думать. Может, мой мозг просто вытеснял мысли о замужестве, ведь выходить замуж в неполные семнадцать лет так глупо! И неправильно! Даже противозаконно, кажется...

Скажи мне кто неделю назад, что я соберусь вскоре замуж, сдала бы его папе. Мой папа ему ноги повыдергивал, а мама их без наркоза пришила обратно.

В общем, когда меня снова позвали от двери, мысли у меня были самыми кровожадными.

— Дева Кира Владимировна Соломина, — конечно, говорить со мной пришел сам Отец города, — почему ты не выслушала нашего предложения?

— Потому что передала его женщина, виновная в моих бедах. Я не верю Ксении Олеговне.

— Тогда выслушайте меня. — Погладив себя по щеке, проговорил многотимый политик. — Мы предлагаем тебе стать женой одного из наших мужчин.

— Свободных мужчин? — Спросила его о главном.

Ответили мне почему-то не сразу:

— Свободных. И из хорошего рода.

Я села на свою любимую ступеньку. Чтобы слушать о таком дальше, мне нужно было занять более удобную позу.

Но многотимый Отец города замолчал.

— И? — Поторопила я его.

— Я жду вашего ответа, дева Кира Владимировна Соломина. — Нетерпеливо сказал Отец города.

— Какого ответа?

Я не могла прослушать вопроса, пока садилась. Не настолько я глупая, чтобы в такой момент быть невнимательной.

— Ответа на мое предложение о замужестве.

Я посмотрела пристально на мужика, который стоял в нескольких шагах от автобуса. Он определенно был сыт и доволен жизнью. Его не волновала я и моя судьба. Поэтому я спросила:

— Вы же не предлагаете мне выйти замуж за вас?

— Конечно, нет, — даже замахал он руками, — я слишком родовит для тебя, иномирянка.

При этом он бросил на меня брезгливый взгляд. На меня! Брезгливый взгляд!

Я тоже вздернула носик и, как можно пренебрежительнее, сказала.

— Вот и хорошо, за старика я бы замуж не вышла. Даже чтобы избежать огня.

— За старика? — Уже далеко не юного политика мои слова не на шутку разозлили. —

Ты безродная, грязная девка, которая не имеет поддержки рода, семьи и магии. И ты смеешь высказывать свои претензии? Мы оказали тебе честь, предлагая мужья гражданина Оруэлла. Ты должна быть счастлива, что получила шанс жить в королевстве Пяти Гор! Ты обязана до своего последнего вздоха мыть ноги супругу, и своими волосами обтирать влагу с них. Но у тебя даже волосы, как у безродной. Короткие. — Последнее слово он почти выплюнул.

Хотелось вскочить и вспомнить вслух все слова непотребной лексики, который я когда-либо слышала.

Но. Я не девка, чтобы не говорило это чудовище. И говорить я поэтому стала, сохраняя достоинство, хоть нервная дрожь и била меня.

— Я должна быть счастлива, что доживу свой век в королевстве Пяти Гор? Вы думаете, что оказали мне честь? Вы, воры и преступники, смеете меня попрекать моей безродностью? Вы хоть понимаете, из какого мира вы меня сюда выдернули? У нас один город располагался на пяти горах. Спросите свою ведьму Олеговну о городе Пятигорск, и он был далеко не самым большим в моей стране. Если раскатать все горы вашего королевства, этот блин будет меньше моей родины в сотни раз! Вы летали в космос? Нырjali в океан? Доплывали до вечных ледников? К черту вашу магию! Я и без магии могла стать врачом, как моя мать! Или спасателем, как мой папа! А мой дед конструировал самолеты. Вы хоть знаете, что такое самолеты? А моя тетя хирург, она делает операции еще не рожденным младенцам. А ваша магия что может? Вашим магам не по силам даже вытащить меня из автобуса!

— Наши маги перетащили эту колесницу сквозь границы миров. — Гордо, но уже без прежнего презрения ко мне проговорил Отец города.

— Пусть они все за это и сдохнут! — Не смогла сдержать я злости.

И, вскочив со своего места на отяжелевших ногах, я хотела отойти вглубь салона. Но остановилась на месте и обернулась к политику. Все-таки, мне нужно было договорить:

— Если вам важны ваши маги, слушайте мои условия. Во-первых, не смейте больше присылать ко мне Ксению Олеговну и сами приходите как можно реже. Во-вторых, переговорщиком путь будет хорошо знакомый мне человек, кто-то из моих одноклассников: Колян, Алекс или Рома. Можете даже прислать всех троих вместе. В-третьих, и не рассчитывайте, что я кому-то буду мыть и вытирать ноги. И длина моих волос — это идеальная длина. Потому что я сама ухаживаю за своими волосами. И не ворую для этого чужих детей, чтобы превратить их в рабов. В-четвертых, я сама выберу себе мужа, для этого вы будете приводить к моему автобусу своих женихов. Мне нужно с ними поговорить. Еще, — я попыталась собрать так и не оформившиеся мысли, — в-пятых, когда я выберу себе мужа, перед тем как я выйду из своего убежища, вы соберете здесь горожан из Оруэлла, хотя

бы человек сто, и дадите мне слово при свидетелях, что я не раба и все вещи, что я вынесу из автобуса, принадлежат только мне. И, в-шестых, это не все мои требования. Я еще подумаю над своими условиями. И, помните, мне до ваших магов дела нет. Если они все умрут, мир только станет чище. Но я на коленях жить не стану.

Я отошла от выхода, но не смогла сесть ни на сиденье, ни на пол. Мне казалось, что я не все сказала. Я не смогла выразить всего, что во мне кипело. И даже материться в тот момент было бы не стыдно. Пить и есть мне больше не хотелось, но пару глотков теплой воды из пластиковой бутылки я все же сделала.

И быстро передвигаясь по автобусу, я думала, что скоро увижу моих одноклассников. Мы с ними обязательно придумаем, как нам выбраться отсюда. Не может эта ситуация быть безвыходной, просто не может.

17. Супруги

Мне было сложно отвлечься от тяжелых мыслей, расслабиться и смотреть на будущее позитивно никак не получалось. Из-за отсутствия у меня заряда в телефоне я не могла послушать музыку, полистать электронную книгу, самоутвердиться хоть в какой-то игре. А у меня же судьбоносные перемены назревали. Я постаралась сосредоточиться мыслями на парнях. Даже если они не смогут мне чем-то помочь, хотя бы своими шутками меня развлекут. Раньше я считала их юмор примитивным и их самих нередко называла неандертальцами. А сейчас мне нужно было хотя бы увидеть их. Странно, конечно, но встречи я ждала именно с Коляном, Алексом и Ромой, а не Жанной, на данный момент моей лучшей подругой. Может, это потому что она пыталась выманить меня из автобуса, в то время как Колян дал необходимые подсказки?

Когда со стороны автобусных дверей раздались шаги, я даже не стала ждать, пока меня позовут. Я сама понеслась навстречу гостям. И разочарованно застыла на месте.

В гости ко мне пожаловала Ксения Олеговна. И не в гордом одиночестве, а с одним из магов из рода Магикир. Тем самым, который называл меня убийцей. От ожогов на его лице и руках также не осталось следа. Надо отдать должное, пластическая или магическая хирургия здесь развила на высочайшем уровне.

— Соломина, не стоит смотреть так пристально на чужих мужей. — Сказала мне Ксения Олеговна.

И я уже внимательнее посмотрела на эту парочку. Элегантная, строгая и скромная когда-то учительница была наряжена в новое длинное белое платье. И, как елочка, обвешана золотыми украшениями. А самым броским из них был золотой шлем. Станный такой. Слишком роскошный, и даже с виду тяжёлый.

Но о шлеме я быстро забыла, когда осознала, что моя классная руководительница повисла на руке этого мага. Она по-хозяйски принималась к нему с боку, и слова про чужого мужа уже обретали смысл. Но тешить чье-то самолюбие своей понятливостью я не собиралась.

— Я на чужого мужа только смотрю, — сказала я, посмотрев на Ксению Олеговну, — а вы на нем повисли. Это, между прочим, верх развращенности. Плохой пример подаете своей ученице.

И я, не дожидаясь ее реакции, сразу перевела взгляд на прищурившегося мужика и спросила уже у него:

— А ваша жена знает, что вы с безродной старой иномирянкой под руку разгуливает? В нашем мире эта тетка спроса не имела.

— Закрой рот, мерзавка, — прошипела Ксения Олеговна. — Я его жена! Нас только что поженили.

— И кто же вас женил? — Я постаралась выразить больше недоверия. — Злые духи?

Мужчина медленно расплылся в улыбке и, чуть отодвинувшись от своей новоиспечённой жены, продолжил внимательно нас слушать.

— Ксения Олеговна, вы не могли выйти замуж за этого молодого человека. Он же во внуки вам годится! — Я даже прикрыла рот в ужасе. — Даже не все звёзды эстрады себе такое позволяют! Как же вы могли забыть о своем возрасте?

Я, конечно, сильно преувеличивала. Ксения Олеговна было около пятидесяти лет. Но была она всегда ухоженной и выглядела очень хорошо. А сейчас поле лечения от ожогов она буквально скинула несколько десятков лет. А маг, ее муж, примерно на тридцать лет и выглядел. Он был высоким и, может быть, даже красивым. Брюнеты мне никогда не нравились, а именно этот маг был мне неприятен, как виновник похищения нашего класса. Он и Ксения Олеговна, две гадюки, были очень гармоничной парой.

У Ксении Олеговны губы от злости стали узкими, как ниточки, а в глазах засветилась настоящая ненависть. А ее спутник между тем открыто веселился. Счастливого молодожена он мне не напоминал, он не срывал пренебрежения своей иномирной женой.

— Не смей, Соломина, указывать на мой возраст. Мне нет и сорока лет.

Но у меня тоже настроение было не самым радужным.

— Ксения Олеговна, а раньше вы говорили, что ваш педагогический стаж сорок лет. Или тридцать? Не с детского же садика вы в школе работаете? — И хоть мне было безразлично семейное счастье мага, выкравшего наш класс из родного мира, но я, все же, обратилась и к нему. — Колдун, вам же не могла приглянуться эта пожилая женщина? Она страшная и скучная. До огненного пилинга в автобусе и вашего магического лечения она была морщинистее, чем сушёный чернослив. Или у всех жителей Оруэлла наблюдаются своеобразные извращения? Мне нужно точно об этом знать, так как мне тоже вроде как мужа выбирать из местных жителей придется.

Маг, нервно дёрнув головой, проговорил:

— Меня зовут Агелай Пирр из рода Магикир.

— Не скажу, что мне приятно, — протянула я.

— Тем не менее я рад, что вас заботит моя супружеская жизнь. — Я уже хотела уточнить, как сильно я переживаю о его супружестве, но мне пришлось прикусить язык, чтобы дослушать уважаемого мага. — Хотел вам так же пожелать счастья в вашей семейной жизни, а миновать вам ее не получится.

— Вы уверены? — Я-то знаю, что замужество для меня — это только способ выжить.

Маг, будто прочитав мои мысли, продолжил говорить:

— Конечно. Замуж вы выйдете в любом случае. За свободного жителя Оруэлла или за раба с равнины. Но мы с моей супругой пришли не с угрозами. Как Ксения сказала, она сегодня стала моей супругой. Мой долг заботиться о ней, ее долг родить мне наследника. Поэтому выполните ее маленькую просьбу.

По логике мага, как и следовало ожидать, я, запертая в душном автобусе, голодная и мечтающая просто напиться, должна озаботиться просьбой Ксении Олеговны. Но выслушать просьбу Ксении Олеговны мне было несложно, а она потребовала вернуть ее сумку со всем содержимым.

— Нет. — Коротко ответила я.

— Там мои вещи, ты обязан их мне вернуть. — Раздражаясь, повторила жена мага.

— Вещи, который вы собрали, готовясь к посещению параллельного мира? — Спросили я ее. Мне хотелось узнать, случайно ли она нас перетащила сюда или это был какой-то продуманный план. То, с какой настойчивостью она заставила ехать на экскурсию весь класс, и вещи, собранные ею, говорили в пользу второй версии. Но логика указывала на первую.

Ксения же Олеговна отвечать мне не стала, она просто протянула руку, ожидая, что я немедленно отдам сумку, которая ей уже не принадлежала.

— Верни мои вещи, Соломина, или тебя казнят, как вора. Поверь мне, три дня дожидаться смерти с колом в..., — посмотрев на новоиспеченного мужа, она не договорив последнего слова, изменила фразу, хоть смысл ее слов от этого безобиднее не стал, — ... сидя на коле, тебе не очень понравится.

Я просто улыбнулась. В "осколке чужого мира" они меня не достанут, а замуж я выйду только на условиях гарантирующих мне абсолютную безопасность.

— Сейчас поле чужого мира защищает тебя, иномирянка. Но, когда мои силы иссякнут и, я не смогу держать эту колесницу в моем мире, ты соришь. — Маг говорил, пристально смотря в мои глаза. И даже чувствуя, что он пытается как-то влиять на мой разум, я не могла отвести взгляда. — Но будет несколько мгновений до возгорания. И мне их будет более чем достаточно. Я или мой отец успеем выкинуть тебя из твоего убежища. Нам и так умирать из-за твоего упрямства, так хоть передадим тебя нашему роду. Чтобы ты побыла «женой» нашим родичам или рабам. Или всем сразу. В одну ночь. А потом тебя ждёт казнь за воровство. Может быть, казнь тебя даже обрадует. Но и мы не покинем наш мир неотомщенными. Поэтому лучше отдай вещи моей жены, облегчи свою участь. — Проникновенно, очень убедительно закончил Агелай Пирр из рода Магикир.

Я невольно посмотрела в ту сторону, где лежала раскрытая спортивная сумка Ксении Олеговны. Но разве я когда-нибудь была тряпкой? Переживать с героями дорам и плакать, когда погибает любимый герой — это не слабость и безволие. А вот позволить себя запугать всяким неадекватным индивидам я никогда не позволю!

Этот Магикир мог думать, что угодно, но меня за несколько мгновений из автобуса они вряд ли выведут. А если, с помощью одноклассников, я ещё и мужа себе подберу, то для всех я стану неприкосновенной. Все что сейчас находится в автобусе, будет моим приданным. Муж как-нибудь подсуется, чтобы отстоять имущество, которое я могу принести в его дом. Главное, найти мужа достаточно покладистого, чтобы им было легко манипулировать и при этом из сильного рода и чтобы он сам не был слабаком. Он ещё должен помочь мне вернуться в мой мир.

Поэтому я протянула вперед обе свои руки с сжатыми кулаками и вытянула верх средние пальцы. И с улыбкой отвела одну руку в сторону, чтобы и Ксении Олеговне, и ее душному мужу достался от меня немой, но очень красноречивый ответ.

Агелай Пирр посмотрел на мой вытянутый средний палец перед собой с удивлением. И уставился на Ксению Олеговну за разъяснением. А она, забыв о всех правилах приличия, обругала меня на нашем родном языке. Мне даже перед иномирянином неудобно стало. А он спросил у жены:

— Этим жестом твоя ученица оскорбила меня?

— Ваша жена мне уже отомстила. И за тебя, и за себя... — Не удержалась я от смеха.

Он резко развернулся и ушел в туман. Ксения Олеговна поспешила за ним. А я весь день

провела уже без гостей. Никто меня уговаривать не приходил, даже одноклассников моих не привели. Я пыталась, чтобы совсем не раскиснуть, повторять в уме таблицу химических элементов Менделеева. А воду мне приходилось пить воду маленькими глоточками и как можно реже. Я так и уснула с бутылкой в руках.

18. Неожиданные гости

А когда проснулась, бутылки в моей руке, почему-то, не оказалось. Я сидела на привычном мне сиденье ближе к краю, там же, где я и заснула. Наклонившись, я оглядела пол, и все ступени, вдруг бутылка закатилась куда-то. Но ее нигде не было. Воды там было немного, но пару дней, ели пить очень экономно, я бы на ней продержалась. Но беспокоила меня не именно вода, а сам факт пропажи бутылки. Никто же не мог войти в автобус и просто украсть ее. Тем более, все куртки и сумки, что оставались в автобусе, были на месте.

Испугавшись, что я могла бутылку как-нибудь случайно выбросить в окно, я выглянула наружу, вытянулась я для этого только немного. И тем неожиданнее был для меня шлепок по моему затылку. Я попыталась скинуть то, что упало на мою голову, и, резко выпрямившись в автобусе, я стала отряхиваться и прыгать на месте. Но на себе я ничего не нашла. Только ощущение легкого удара по голове и незначительная тяжесть инородного предмета, которая по шее переместилась на спину и уже оттуда куда-то пропала были очень реальными. Мне не могло это показаться. Я включила фонарик, который находился на кухонной зажигалке и стала уже внимательнее осматривать свои владения. Сразу надо было так поступить, а не ограничиваться только светом звезд. Хотя в этом мире они были очень яркими. Даже сквозь окружающий мой автобус туман они освещали для меня мою территорию.

Наконец, я нашла то, что искала. Под одним из передних сидений лежал мохнатый черный комочек, величиной с мою ладонь.

— Как сюда попало насекомое? — Прошептала я вопрос. В мой автобус никто и ничто не могло проникнуть. А этого мохнатого существа здесь раньше не было. И это создание, будто услышав меня, поднялось на свои многочисленные мохнатые ножки и стало медленно двигаться в мою сторону.

— Ты не можешь находиться. — Сказала я этому пауку. Пауков, в отличие от змей, я не боялась. Но и любовью к ним не пылала. Вообще-то, пауки бывают милыми. Но мой неожиданный гость был очень большим, черным, глазастым и, кажется, наглым. А еще он мог оказаться и ядовитым.

Паук шел вперед, на меня, медленно, но уверенно. Как будто все делал правильно, и я его законная добыча.

— Ты сейчас сгоришь! — Подпрыгнув на своих ногах и отступая назад по проходу между сиденьями, предупредила я паука. — Что ж такой большой-то... — Присматривая, чем бы его ударить снова обратилась я к огромному, мохнатому паукообразному.

И в этот момент кто-то с силой толкнул меня в спину. И я полетела прямо на этого паука, только мохнатая тварюшка убежала под сиденье, а я, оказавшись на полу, быстро перевернулась на спину, чтобы увидеть нападавшего.

Звезды осветили еще одного неожиданного гостя.

— Ну что, дева, не рада скорой встрече? — Навалившись на меня всем весом и одной ладонью обхватив оба моих запястья, широко улыбнулся Агелай Пирр из рода Магикир.

— Вы не можете здесь находиться. — Не веря, что маги нашли способ до меня дотянуться, сказала я.

— Я же говорил о нескольких мгновениях, которые у меня будут, чтобы вытащить тебя

из осколка и отдать родичам? — Удерживая брыкающуюся меня на полу, спросил маг. — Только я не уточнил, что могу растянуть эти мгновения на очень долгий срок.

Я еще не осмыслила эти слова, как Агелай Пирр свободной рукой ударил меня по лицу: — За то, что посмела меня оскорбить!

Удар был не слишком сильным, хруста костей и вкус крови во рту я не почувствовала, но звон появился сразу в обоих моих ушах.

— За твое упрямство! — Второй удар снова пришелся мне по щеке. Как я ни старалась, уклониться у меня не получилось.

Тратя много сил, чтобы не потерять сознание, я не смогла резко скинуть мага, который уже удобно сел мне на живот.

— За смерть деда, тварь! — Я крепко зажмурила глаза и отвернулась в сторону, чтобы не видеть, как широко замахнувшись, маг наносит мне еще один удар. И удар его прошелся по касательной по моему уху и волосам.

Мы с папой столько раз тренировались, как мне с лежащего положения уходить от нападения. И на курсах самообороны я никогда не уклонялась от спарингов. Только сейчас у меня не получалось собраться с мыслями, чтобы хоть как-то защитить себя.

— А теперь слушай, рабыня, — схватив меня за подбородок и встряхнув, сказал представитель рода Магикир, — собери здесь все вещи и выкинь их из колесницы.

— Вам надо, сами собирайте. — Быстро сказала ему.

— Ты же знаешь, что я могу сделать? И никто за тебя не вступится. — Угрожающе прошептал маг. И, нагнувшись, укусил меня за ухо, наверно, чтобы я потеряла все сомнения в его власти надо мной.

От страха и отвращения я не могла ничего сказать. И сопротивляться перестала. Пусть Агелай Пирр, видя мою покорность, тоже расслабится, тогда у меня появится хоть какой-то шанс добраться до гаечного ключа, который я зачем-то оставила на одном из передних сидений. Обязательно буду носить его с собой.

— Ну, я вижу, дева, ты уже готова подчиниться своему хозяину. — Проговорил довольный моим спокойствием маг. И я ему кивнула. — Тогда, как я уже велел тебе, вытащи сумку моей жены из колесницы. И все остальные вещи тоже вытащи из колесницы.

Я снова кивнула. Маг встал с меня, и я смогла подняться на ноги. Я медленно сделала первый шаг к сумке Ксении Олеговны. Надо было собрать к ней вещи, который я разложила на сиденьях. Во время этой работы я как раз и могла добраться до гаечного ключа. И рука бы у меня не дрогнула ударить мага, я бы вернула ему все три удара, которые он нанес мне. И добавила бы за мое похищение. И за одноклассников бы отомстила.

Только после первого шага я вдруг поняла, что все происходит неправильно. Мой автобус был не таким...чистым. Ступая, я не слышала под подошвой своих ботинок хруста разбитых стекол. А пол должен быть ими усеян, я же только смахнула осколки с сидений.

Резко развернувшись к магу, я уверенно сказала:

— Вас здесь нет. — И спросила у него. — Это гипноз?

— Как ты поняла? — Маг недовольно сжал губы и стал на моих глазах испаряться в воздухе. — Я найду способ... — Были его последние слова.

А я обрадовалась, что мой автобус все еще является для меня надежной крепостью. Но потом я много времени искала на полу паука. Все-таки, было странно понимать, что не существующее создание было таким реальным, а я даже вес его чувствовала и неприятные касания мохнатых ножек.

Паука нигде не оказалось. Но нашлась моя бутылка с водой. И еще под сиденьями было много-много пыли и осколков стекла.

Еще я пыталась представить, как у мага получалось меня бить. Удары-то были. Но они меня не калечили. Мужская рука бывает тверже. Значит, маг заставил меня наносить удары по моему же лицу? Неужели я сама себя била?

Мой смех был невеселым и не радостным. В этом мире мне грозит вскоре стать настоящей истеричкой.

А утром, уже зная, что за мной всегда следят из тумана, я села на верхнюю ступеньку автобуса и начала медленно открывать первую баночку с гормональными таблетками, я достала ее из сумки Ксении Олеговны. В баночке даже ватка сверху лежала. Ее я отложила в сторону, а капсулы рассыпала на нижнюю ступеньку и не поленилась, чтобы встать и потоптаться на них. Потом снова села и так же медленно раскрыла вторую баночку, и капсулы из этой баночки я также растоптала. Я продолжила уничтожать медицинские препараты, запасенные моей бывшей классной руководительницей. Я неторопливо раскрутила крышку и с третьей баночки, когда из тумана ко мне вышла Ксения Олеговна. Золотого шлема на ней уже не было, голову прикрывал белый платок.

— Кира, перестань это делать! — Сказала она и, понизив голос, добавила. — Пожалуйста, не порть мои лекарства.

— Что ж вы, жена мага из рода Магикир, за мужем своим не следите? — Спросила я у нее, высыпая капсулы на ступеньку уже усеянную раздавленными половинками капсул и белой бльью из них. — Знаете, где он прошлой ночью ошивался.

— Агелай спал рядом со мной. — Ответила она уверенно и даже немного гордо.

Я невольно рассмеялась,

— А маги могут гулять от жен, всю ночь оставаясь с ними в кроватке... — Я встала и одной ногой начала топтать только что рассыпанные мною препараты.

— Кира, Кира, подожди. Не делай этого. — Засуетилась Ксения Олеговна, когда я потянулась за четвертой баночкой. — Мне нужны эти гормоны. Без них я не смогу выносить ребенка. А мое положение в этом мире упрочит только ребенок.

Я не выспалась, не завтракала, ночью под гипнозом сама себя отхлестала по щекам... Я ненавидела весь этот мир. А Ксению Олеговну ненавидела больше, чем всех его обитателей.

— Ксения Олеговна, а вам в голову не приходило, что лично мне глубоко безразлично ваше положение в этом мире. Вообще, я искренне считаю, что такие люди как вы и ваш маг не должны размножаться.

Ксения Олеговна разозлилась, это было видно по ее мимике и сжавшимся в кулак ладоням. Но она продолжила меня уговаривать, не уничтожать ее лекарства. Она тихо говорила, что ее ребенок не будет мне мешать, а она всегда хотела только простого женского счастья: мужа и ребенка. А в ее возрасте выносить здорового младенца без гормональной терапии невозможно. И магия здесь бессильна. Она рассказывала скольких трудов ей стоило купить эти препараты без назначения врача, и консультации с врачами были очень дорогими... Но закрыла я баночку с гормональными препаратами только в тот момент, когда Ксения Олеговна пообещала мне помощь.

— И как вы мне поможете? Знаете, как вернуть автобус домой?

— Вернуть автобус уже невозможно, — сказала она. — Но я подскажу, как тебе устроиться в этом мире. В Оруэлле три сильных магических рода: Магикир, Принтезис и Кавьяр. Выбери в мужья кого-нибудь из этих родов. За именем такого мужа ты будешь в

безопасности. Составь брачный договор. И воспользуйся правом «Нерасторжимого союза». Если в мужья тебе достанется единственный сын в семье, с нерасторжимым-то браком ты будешь под защитой его семьи и рода. А теперь отдай мне эту баночку, — закончила Ксения Олеговна.

Но я ей не верила:

— Я вчера ждала Коляна, Алекса и Ромку. Отец города обещал мне прислать их. Так вот, Ксения Олеговна, как только они придут, я дам вам одну эту баночку.

19. Только Рома

Я по совету Жанны когда-то читала несколько книг об отборах для принца, для дракона и для самого крутого темного мага. Если пропустить нудные подробности, то у всех действующих лиц в таких отборах получалось хоть как-то повеселиться. Героини могли вымесить на соперниках зло, покрасоваться собой прекрасной, похвастаться своими талантами и заполучить свою половинку — любовь все своей жизни. Я на такое, конечно, не надеялась, но даже не предполагала, что меня с выбором спутника жизни ожидает настоящее испытание. И я бы с радостью сдала какие-нибудь спортивные нормативы или решала логические задачи, но мне приходилось просто сидеть и смотреть на горе женихов, которые просились мне в мужья.

После того, как в обмен на свои лекарства Ксения Олеговна обещала мне помощь, одна я оставалась совсем не долго.

— Дева! — Позвал меня кто-то незнакомым голосом от выхода. В нескольких шагах от моего автобуса стоял седоватый бородатый мужик. Я вначале приняла его за мага из рода Магикир, отца Агелай Пирра. Но звал меня не знакомый мне маг, хотя также принадлежал к роду Магикир.

Представившись, он сказал, что является магом-целителем, имеет свой дом, двух детей и только год назад овдовел. И закончил свою речь словами, что готов взять меня в жены и обещает быть ко мне не слишком требовательным, пока я не изучу местные законы и правила поведения.

У меня не было слов!

И эмоции немного заморозились!

Только несколько слов ненормативной лексики по очереди старались быть озвученными.

— Благодарю за предложение. — Когда дар речи ко мне вернулся, я постаралась вежливо послать староватого для меня жениха как можно дальше. — Наверняка, оно очень лестное. Но мне вы не подходите.

— Почему? — Он очень удивился.

Я могла сказать мужику, что он и так не мог не знать: он втрое старше меня (по-моему, разница катастрофическая), у него двое детей (какой из меня воспитатель чужим детям), он из рода Магикир (а я их всех заочно ненавижу), за его длинной бородой даже не видно черт его лица (мне борода и сама по себе не нравилась, а когда она почти до пояса — это уже кошмар). И, вообще, мне дали подсказку выходить замуж за магов из других родов. А ещё я хотела поговорить со своими одноклассниками, кто—нибудь из них обязательно даст мне дельный совет. Не будут же они, как раньше шутить и зубоскалить, вместо того, чтобы искать для нас способ спасения?

— Вы мне не нравитесь. — Ответила я на вопрос предельно честно. Но улыбкой постаралась смягчить свой отказ.

Маг-целитель также не собирался лгать, чтобы хотя бы сделать приятное мне, своей возможной невесте.

— И вы мне не нравитесь, иномирная дева. — Даже улыбкой не смягчая смысла своих слов, он продолжил говорить. — Но это не мешает нам пожениться и построить семью.

И я уже уверенно, без некомфортно чувства, что я кого-то могу обидеть дала магу окончательный ответ, что за него замуж не пойду.

И он ушел несколько моим отказом не расстроенный. Но, если быть справедливой, на его месте даже бомж бы меня завидной невестой не посчитал, потому что выглядела я ужасно. Моей запотевшей, запыленной, не мытой мордой в темных разводах можно было пугать диких собак.

Поэтому я порылась в спортивной сумке, которая досталась мне от Ксении Олеговны и выбрала себе чистую блузку, заколки и все, чтобы привести лицо в достойный вид. Жаль, голову вымыть здесь было не возможно. Но воспользовавшись лосьоном, увлажняющий крем, тоником для лица, тушью, тенями и губной помадой, я и с несвежими волосами стала выглядеть намного эффектнее. А в кремовой блузке с английским воротником стала казаться старше и строже. Расчесавшись, я также надела на голову повязку, натянув ее до самого лба, чтобы закрыть волосы спереди.

Никогда бы не надела на себя дома ничего похожего на эту блузку и повязку, напоминающую чалму, но надо хоть чуть-чуть быть приятной внешне, а то меня только как няньку для детей и помощницу по хозяйству и будут рассматривать. А мне надо, чтобы хоть кто-то настолько увлекся мной, чтобы помог мне вернуться домой.

Как только я закончила приводить в порядок себя, пришлось мне собрать все вещи в сумку, отложив баночку с капсулами для Ксении Олеговны. А ещё я, на всякий случай, собрала на полу кучку из битых стекол, буду ими бросаться в неугодных женихов. Пусть видят, какая я капризная иномирянка.

И вот, когда я, уже подготовившись к новым встречам, расхаживала по узкому проходу автобуса, ко мне привели Рому. Только Рому. Моего одноклассника Рому! Старосту и самого толкового в нашем классе парня. Ксения Олеговна сама привела его и еще одного человека. Сразу, еще до моего вопроса, она сказала, что привести смогла только одного моего одноклассника. Потом я кинула ей в руки одну из ее баночек. Мы обе остались довольными сделкой.

— Мелкая, а ты даже преобразилась. — Сказал Рома без приветствия.

Мужик, что стоял рядом с ним сказал что-то о времени и отошел в сторону, пропадая в тумане. А я смогла спокойно рассмотреть своего ровесника. На его фоне можно было сказать, что я преобразилась. На Роме не было обуви, и одежда представляла собой грубо сшитую широкую одежду из материала больше напоминающего мешковину.

Понаблюдав за мной, Рома сказал:

— Хорошо выглядишь.

— Конечно, на мне же джинсы и обувь, — ответила ему.

— Ну да, и чокер тебе добрые самаритяне не подарили. — Заметил Рома.

А на нем ошейник был.

— Ро-ом, что нам делать? — Уже без сил имитировать бодрость духа спросила я у него беспомощно.

— Кира, ты же не плачешь? — Удивился он. — Свободные женщины не могут плакать.

— Долго я ещё свободной буду? И за вас обидно... — Я захныкала. Но, даже утирая

слезы и сопли, быстро рассказа однокласснику, в каком положении я сейчас нахожусь. И о совете Ксении Олеговны выйти замуж за кого-нибудь из магических родов Кавьяр и Принтезис. А потом я попросила у него совета, за кого выйти замуж, чтобы быстрее вернуться домой.

— Стоило попасть в рабство, чтобы современная фемка попросила у меня совета. — Ухмыляясь, сказал Рома.

— Я же серьезно, Рома. Что мне делать? И я не фемка.

— Ты, как показало время, умная и свободная девушка — Искренне сказал Рома и тоже стал серьезным. Потом, понизив голос почти до шёпота, он начал говорить:.

— Кира я сейчас живу в Оруэлле, это город на горе. За меня переживать не стоит, я «домашний» раб, грязную работу делать не приходится. В общем, я успел поспрашивать о магах и магии. Перемещения между мирами снова вряд ли возможно. Нас вытянули сюда три сильных мага, объединившись силой. А с той стороны нас некому «тянуть». Так что-то о возвращении домой я уже не мечтаю. Но мы можем неплохо устроиться здесь. Тебе надо, как они требуют, выйти замуж за мага. А магических кланов здесь много. Три рода считаются самыми сильными, но тебе жить с человеком, так что ориентируйся на... Не знаю, на что ты можешь смотреть. Чтоб симпатия там была или ещё что... Но в роду Кавьяр, как и в Магикир, в основном сноходцы, есть маги и с другой силой, но их меньше. Принтезис — это род целителей, и у них, наверное, бывают представители другого дара. Я постараюсь все подробнее разузнать...

— А кто такие сноходцы? Они ходят во сне или хотят во сны других людей, как Фредди Крюгер. — Сразу вспомнился мой сон с пауком и Магикиром. И змей я в прошлый раз как под гипнозом видела.

Рома покачал головой. Он же всегда знал ответы почти на все вопросы, и сейчас в своем неведении, скорее всего, чувствовал себя беспомощно.

— Я не знаю точно. — Почесав свой затылок, сказал Рома. Потом он пожал плечами и неуверенно добавил. — У сноходцев, кажется, что-то с гипнозом связано. Мне проще о структуре и свойствах атомных ядер и дифференциальных и интегральных исчислениях рассказать.

Невольно рассмеялась над его самоиронией. Он мечтал стать физиком-ядерщиком, а тут какая-то антинаучная магия...

— Не вешай нос, Мелкая, мы справимся. — Рома сам стал меня поддерживать. — Только пообещай, что выкупишь меня, а потом сделаешь свободным человеком. Не хочу оставаться рабом всю жизнь.

— Как же я тебя выкуплю? — Посмотрела я на Рому. Но я не удивлялась его просьбе, а ждала инструкции для ее выполнения. Рома умный, он не мог не обдумать варианты спасения. И раз возвращение домой откладывалось на неопределенный срок, нам стоило рассмотреть другие способы выжить среди аборигенов.

— Кира, наши вещи все еще в автобусе? — Спросил Рома. И после моего кивка продолжил. — Одной моей куртки хватит, чтобы выкупить меня. А там же еще мои сумка с содержимым.

— Все съедобное я съела. — Предупредила его.

— Ну и на здоровье. Только выкупи меня. Когда будешь выбирать мужа, поставь ему условие, чтобы он согласился выкупить и отпустить на свободу меня, Коляна и Алекса. Только убедись, что абориген это сделает, а не присвоит наши вещи, как твое приданное.

Рома начал торопиться:

— Мое время прошло, завтра позови меня еще раз. Я пока узнаю все, что смогу. И держись, Мелкая, на тебя теперь вся надежда.

Я только успела спросить, с ним ли вместе находятся Колян с Алексом.

— Им не так повезло. Их купила фермер с равнины. — И Рома, нервно хохотнув, быстро проговорил. — Прикинь, они за альпаками ухаживают. Сейчас мне будет, чем пацанов дразнить. Говорил же им, что за «ботана» отомщу.

Раз Рома настроен дразнить друзей, значит, он искренне верит, что для нас все может хорошо закончиться. А раньше он всегда был мрачным пессимистом.

20. Отбор женихов

Я все ещё думала о Роме и об остальных парнях, когда у автобуса, у самых его дверей встала целая толпа мужчин. Взрослых, степенных мужиков, многие из них были с бородой, почти все оказались очень смуглыми или просто загоревшими... Они встали и в ожидании уставились на меня, я сидела там же на своей ступени. Мне так и хотелось встать и уступить место людям, старшим по возрасту, но такой мой поступок, в любом случае, приняли бы превратно. Получилось бы, что я им либо желаю смерти, либо, не дай Бог, я очень вежливая дева, а подобных несчастных в этом мире особо не ценят.

Под моими ногами был порошок от растоптанных мной медицинских капсул, я стала внимательно рассматривать его и раздавленные оболочки капсул. Мама как-то рассказывала, что делают ее из желатина или агара, и мы с братом проверяли эту информацию через всемирную сеть.

Мужики тоже начали внимательно рассматривать этот мусор на последней ступеньке. И один из них, резко выкинув руки, сгреб со ступени этот порошок и захватил его в один кулак. И с криками от боли, переходящими в вой, расталкивая стоявших рядом мужчин в стороны, убежал в туман. Я посмотрела с удивлением на оставшихся людей, как бы спрашивая их, поняли ли они, что только что здесь произошло. Один из них, поняв мое недоумение, сказал:

— Это целитель из рода Хиотис, он хотел получить образец пыльцы. Ксения, жена Агелай Пирра из рода Магикир сказала, что это лекарство помогает женщинам в возрасте выносить и родить здоровое дитя. Маги-целители надеются, что, изучив иномирные лекарства, смогут сами создать собственные лекарства, чтобы помогать нашим женщинам.

— Это сильно облегчило бы жизнь нашим женам, и повысило значимость целителей. — Сказал другой мужчина.

Я понятливо кивнула. Но в душе чертыхнулась. Я же уже решила, что не пойду замуж за сноходцев, чем бы они не занимались. Вариант стать женой целителя мне казался очень удачным, ведь целители должны быть понятливыми и терпеливыми. А, оказывается и местные целители могут быть с нестабильной психикой, или же поехавшей крышей. Оставалось радоваться, что этот фанат целительства был не из рода Принтезис. Может, это только носители имени Хиотис такие больные? Надо же руки себе обжечь из-за порошка, о полезности которого они только слышали!

— Дева Кира Владимировна Соломина, — отвлек меня один из мужчин, — мы представители разных родов. Пришли к вам с предложением принять кого-то из нас в свои мужья и защитники.

Вот это предложение звучало все-таки красивее. Они, конечно, не руку и сердце свои мне предлагают, но уже и не грозятся повесить на меня воспитание чужих детей.

Мужчины на роль моего возможного мужа были вежливы, никакого негативного

отношения ко мне не демонстрировали, поэтому я просто не смогла не быть уважительной в ответ. И я им доходчиво объяснила, что замуж пойду только за целителя, у которого нет детей, имеется хоть какой-то, но свой дом, и самое важное, ему должно быть не больше двадцати лет.

— У нас нет таких молодых целителей! — Выкрикнул кто-то из толпы.

— Целительство требует долгого и упорного обучения. К двадцати годам ученик не обретет и половину необходимых ему знаний. — Поддержал первого недовольного еще кто-то.

Они еще долго возмущались, что в Оруэлле нет таких женихов, чтобы в двадцать лет имели отдельное жилье. Только я сказала, что от своих условий не отступлюсь, тем более, что совсем не против выйти замуж и за гражданина другого города, их же в Королевстве Пяти Гор целых пять!

Эти горе-женихи, побурчав немного, исчезли в тумане и появились другие, ничем от первой партии не отличающие. Наверняка, они думали, что от обилия взрослых представительных мужчин я, наконец, смирюсь, что мой муж будет в три раза старше и в четыре раза тяжелее меня. В начале большинство претендентов мне в мужья были представителями рода Магикир, позже стали они встречались все реже.

Но я продолжала отказывать женихам, появляющимся возле автобуса. Обычно они представлялись, и коротко говорили, какая замечательная жизнь ждёт меня в их роду. И я задавала им интересующие меня вопросы. Ничего подходящего для себя я за это время не услышала. Даже не знаю, кого стоит винить больше: меня с моей разборчивостью или женихов с их искренностью.

За все это время я только несколько раз глотнула небольшое количество воды и съела одну ириску. У меня оставался и пакетик с семечками подсолнечника, но лузгать семечки под изучающими взорами женихов было как-то... неправильно. И после них мне сильнее хотелось бы пить, а запасы воды были уже совсем мизерными. Только жених, что мог спасти меня от смерти, голода и жажды и при этом не свалить на меня кучу домашних дел, все не находился.

Я уже перестала всматриваться в бородатые лица следующих женихов, бросая только поверхностные взгляды на их лохматые головы. И впервые за пять-шесть часов мой взгляд зацепился за светлую кучерявую макушку.

Я уже привычно выслушивала, к какому роду относится каждый очередной жених, и с нетерпением ждала, пока очередь дойдет до хозяина кучеряшек.

Наконец, передо мной предстал этот кучерявый мужчина, которому на вид не было и двадцати пяти лет. И борода у него была совсем не длинной, как у остальных мужчин. А представился он как Костас Фасулаки из рода Кавьяр.

— Вы маг? — Спросила я его.

— Мой магический шар очень слаб, поэтому я не стал его развивать и посвятил свою жизнь изучению воинского дела. — Ответил он немного осипшим голосом.

— Вы воин? А в каком вы ранге? — Решила я уточнить самые общие факты. Костас Фасулаки из рода Кавьяр, конечно, был самым симпатичным из всех сегодняшних претендентов на мою руку. Но мне не только замуж за него выходить, я надеюсь, что он поможет мне выбраться в мой мир. А он даже не маг, еще и принадлежит роду Кавьяр — на все это я уже закрыла глаза. Но он хотя бы воином может быть высокопоставленным, или учитывая его возраст, хотя бы перспективным.

Но ответ Костаса меня не обнадежил.

— Я сагитар. Вернее буду сагитаром, как только пройду обучение на месте службы. А владению мечом и стрельбе из лука я хорошо обучен. Пока я только зачислен в постоянные войска на обучение. Через двенадцать дней я вместе с другими новобранцами отправляюсь на восток Королевства, в пограничную с торокками крепость. Там я буду служить следующие десять лет.

— Десять лет в пограничной крепости. — Повторила я основную мысль.

— Да. Это хорошее место для службы. Я смогу скопить денег на свою женитьбу или даже покупку дома.

— Значит, сейчас у тебя и дома нет? — Уже понимая, что с Костасом нам не по пути, спросила я.

— Я не бездомный. — Подчеркнул он. — У моих родителей хороший дом. И мы всей семьей смогли достойно женить двух наших старших братьев. У их также есть свои дома. И четырех сестер устроить также получилось. Сейчас выгоднее будет мне уйти в армию и так поддержать свою семью.

— А сколько вас в семье? — Уже сбившись со счета в его братьях и сестрах, задала я вопрос.

— Наша семья — это отец, мать, пять сестер и пять братьев. Два старших брата женаты, одна младшая сестра еще не обрела свой дом.

— Костас Фасулаки из рода Кавьяр, я желаю вашей семье всех благ. Но я не понимаю, как мы сможем создать семью. Ты хочешь помогать своей семье, а моя семья в этом мире — это мои друзья. Я должна помочь им, вряд ли ты сможешь быть мне в этом помощником.

Костас Фасулаки подтвердил, что согласен со мной кивком головы.

— Я ожидал такого ответа. — Серьезно проговорил мой не случившийся жених. — Только сейчас по Оруэллу всем мужчинам младше тридцати лет приказано познакомиться с иномирной невестой. Всего вам хорошего.

Я, приподняв руку, попросила его остановиться и спросила о значении фразы, царапнувшей меня:

— Что значит «всех мужчин младше тридцати лет»?

То, что они подняли порог заявленного мною возраста для жениха с двадцати до тридцати лет, меня не так насторожило как то, что они присылают ко мне «всех мужчин», не «свободных мужчин», а «всех».

Снова удивляясь тому, в какую бездну я попала, задала я следующий вопрос:

— Костас Фасулаки из рода Кавьяр, в Оруэлле разрешено многоженство?

А он пожал плечами и спокойно ответил, как о чем-то обычном:

— Свободный мужчина может иметь столько жен, сколько он может обеспечить. А нам сказали, что у вас в колеснице богатое приданое. И так как имущество жены переходит мужу...

— ... «обеспечивать» меня ваши мужчины собирались на мое же имущество. — Закончила я его мысль.

Будущий воин мне кивнул и спешно, не поворачиваясь ко мне спиной, отступил в туман. Мне хотелось плакать.

От обиды.

От несправедливости.

И от своей слабости.

Я так надеялась хоть на кого-то скинуть свои проблемы, и очень обрадовалась, увидев хоть какого-то симпатичного и не старого мужчину, что сейчас разочарование было даже болезненным.

Но на меня смотрели другие женихи, которые, скорее всего, также планировали обеспечивать меня на имущество из чужого мира. Поэтому, вспомнив папу и напомнив себе, что мне по генам передалась его стойкость, я взяла себя в руки.

Следующего жениха я сразу спросила, женат ли он. Когда он сказал, что женат, я сказала громко, чтобы слышали все остальные умники, что за мой счет хотели поправить свой материальное положение:

— Женатый человек не может стать мужем еще и мне. Я буду единственной женой для своего мужа. Более того, как приданое я принесу в дом своего мужа лишь часть своего имущества, а остальные вещи из этой колесницы я оформлю как мое личное имущество.

Выслушав меня, пятеро человек просто ушли в туман, а один из оставшихся двоих стал доказывать, что закон Оруэлла не позволяет женщине иметь собственное имущество. Но я-то знаю, что в любом правиле есть исключения. В случае чего, я готова даже быть в этом правиле первым и единственным исключением. Ушел и этот спорщик, и остался последний из этой партии женихов. Хотя на мой взгляд он мог бы уйти и первым, или даже вообще не приходить. Потому что в его возрасте даже стыдно думать о женитьбе, надо внуков женить и дожидаться рождения правнуков.

Старик с белой длинной бородой слегка наклонил голову и представился, как маг-целитель из рода Принтезис. Я постаралась вежливо ответить на его приветствие и не поморщиться, когда прозвучало имя его рода. Мне нужен был молодой Принтезис, которым можно хоть немного манипулировать, а этот старик больше подходит для обложки энциклопедии о восточных мудрецах.

— Закон Королевства Пяти Гор позволяет жене иметь свое, неподвластное воле мужа имущество. Это касается всех ее драгоценностей и нарядов, личных рабов, животных и любых подарков, полученных ею в девичьи годы и во время ее замужества. Размер приданного, которое она приносит в общий дом и будет делить с мужем, а также ее дары родственникам мужа, можно обговорить в письменном договоре или в устном соглашении при пяти свидетелях мужского пола. Вообще, все что сказано при пяти может использоваться, как доказательство в суде.

Старик меня приятно удивил этими сообщениями. Только настораживала причина его откровения.

— Женщина также может поставить условие жениху, чтобы он не смел жениться в будущем, тогда она всегда будет для него единственной женой. Помог ли я вам советом, юная дева? — Спросил старик.

А после моей благодарности, он сказал, что ждет от меня в качестве оплаты чудодейственные капсулы, что переместила в их мир Ксения, жена Агелай Пирра. Я не могла раздавать эти капсулы всем желающим только за словесную помощь. Когда я сказала это целителю, он попросил дать ему только три капсулы, для их изучения.

— Хорошо. — Потерю нескольких капсул Ксения Олеговна, по-моему, должна пережить. — Только, уважаемый маг, расскажите мне подробнее о Нерасторжимом союзе.

И я сразу стала прямо на его глазах откручивать крышку от одной из баночек и вынимать из нее по одной три капсулы.

— Нерасторжимый союз лишает супругов права на развод и повторную женитьбу или

замужество после вдовства. Во время бракосочетания будущие муж и жена должны по три раза сказать друг другу, что их союз вечен. И, конечно, пять свидетелей должны подтвердить этот союз. Желательно, чтобы сделали это родственники со стороны мужа и жены. Но такие союзы — редкость в наше время. Однако вам бы он спас жизнь.

После последних слов старика, я демонстративно вернула все три капсулы в баночку, и крепко закрутила крышку.

— Ловите, — сказала я целителю и бросила ему всю баночку. И только после этого попросила. — Не можете рассказать мне подробнее о рисках для моей жизни и как мне их избежать.

— Вы иномирянка в Королевстве, где не привечают даже иностранцев. Оруэлл, Фэскард, Нуфплион, Метемна, Париклия — пять городов, раскинувшихся на горах, все они имеют равные статусы, и жители их испокон веков соперничали друг с другом в знатности и праве на лучшую жизнь. Мы не рады даже гостям из этих соперничающих с нами городов. А жителей равнин считаем равными животным. Нам проще избавиться от вас, чем признать равной гражданкой Оруэлла. Такая же участь ждет вас и в других городах.

Я хотела напомнить о Ксении Олеговне, которая стала женой мага из рода Магикир, только целитель и самому понравилось меня шокировать.

— Вы были бы бесценной рабой, но не женой. Это поймет и женщина, доверившая свою жизнь Агелай Пирру. И еще вы унизили весь род Магикир, и многие винят вас в гибели сильного мага, поэтому шансов выжить у вас немного. Я даже посочувствовал бы вам, если бы не желал вам победы в ваших попытках выжить. Дева, — старик снова слегка наклонил голову, — род Принтезис будет вашим свидетелем, если хоть кто-то из Оруэлла согласится на Нерасторжимый союз с вами. Мы во все времена соперничали с родом Магикир, и воспользуемся этим случаем сбить с них спесь.

21. Свадебный подарок

Близилась ночь, солнце, кажется, давно село, только летнее небо не успело потемнеть. Старик-целитель ушел уже давно, и я даже снова говорила с женихами из Оруэлла, только все мои мысли крутились вокруг Нерасторжимого союза и Костаса Фасулаки из рода Кавьяр. Раз он военный, такой брак не должен его отпугнуть. Мы с ним уедем в пограничную крепость, и мне не придется быть изгоем в Оруэлле. А на вещи из автобуса, оставив себе немного на приданое, я выкуплю как можно больше моих одноклассников. Осталось только связаться с Костасом и предложить ему договор. В мыслях все всегда получается так гладко и красиво, что от разочаровывающей реальности можно выть в десять раз громче. Только я подумала, что ничего у меня не получится, как из тумана вынырнула кучерявая шевелюра. И я чуть радостно не захлопала в ладошки, потому что не сразу поняла, что у автобуса стоит не Костас. Из-за сгустившегося тумана и наступающей ночи, разглядеть очередного жениха было сложнее. И этот парень снова пропал в тумане, и вернулся через пару минут с зажженным факелом.

— Здесь невест раздают? — Первым нарушил он молчание, и сразу сел на землю. — Устал с дороги. Я посижу?

В свете огня я смогла его лучше разглядеть только после того, как он сел на землю передо мной.

Он тоже, как и Костас, был сильно кучерявым и светловолосым. Только лет ему было не больше двадцати, и щетина на лице казалась почти незаметной, а волосы, наоборот, были длиннее, а из светлых кучеряшек местами торчал белый пух.

Он сидел, чуть прищурившись, и смотрел на меня снизу вверх, внимательно рассматривая. Или же просто задумался о своей нелегкой жизни. Невозможно было понять, о чем думает этот, скорее всего, последний на сегодня жених. А я не могла связать хотя бы несколько слов, чтобы задать ему необходимые вопросы. На мой взгляд, этот парень был совсем неуместным в этом мире длинных бород и светлых одежд в своем коричневом свитере грубой вязки и почти гладкими щеками и подбородком.

Сидя на земле, он наблюдал за мной, запрокинув голову. При этом почему-то выглядел слишком серьезным, даже хмурым.

Я вспомнила вопросы, с которыми я обращалась к своим потенциальным женихам:

— Вы женаты? — Спросила я его в первую очередь.

— Нет. — Чуть подавшись вперед, ответил он.

— У вас есть свой дом?

— Нет. — Дернул он головой и быстро добавил. — Нам будет, где жить.

— Вы маг?

— Нет. — И сразу исправился. — Да. Я маг. Сноходец. Прошел обучение. Но хочу служить в армии.

— Из какого вы рода?

— Кавьяр.

Услышав имя этого рода второй раз за день, я вдруг поняла, что этот парень, все-таки, очень похож на Костаса. Не только кучерявыми светлыми волосами, и чертами лица — это могут быть и общеродовые черты. У них была схожа мимика, жесты, манера улыбаться.

— Знакомы с Костасом Фасулаки из рода Кавьяр?

— Он мой старший брат. Я Анастас Фасулаки из рода Кавьяр, — слегка улыбнувшись, представился он.

Большого разочарования и придумать было невозможно. Этот парень из очень большой семьи и, наверняка, планы на будущее у него такие же, как и у Костаса: служить в пограничной крепости десять лет, помогать семье и частично решить свои проблемы за мой счет.

— Можно узнать ваше имя? — Спросил у меня Анастас Фасулаки.

— Все в Оруэлле знают мое имя. — Злая и на него, и на его брата, и на этот отбор, и на Ксению Олеговну, что затащила меня в этот мир, совсем не доброжелательно, ответила я.

— Я не был дома несколько недель. — Через пару мгновений сказал Анастас Фасулаки. — И не знаю всех новостей. Сейчас возвращался домой, только встретил друга, и он сказал, что тут сидит для меня невеста в раскаленной колеснице, и я пришел за тобой. Только меня предупредили не касаться колесницы. — А потом он добавил. — Хотя я думал, что меня разыгрывают.

Я не умею читать по лицам, лжет ли человек, но мне показалось, что этот Кавьяр говорил искренне.

— Значит, Анастас Фасулаки из рода Кавьяр, хочешь меня спасти? — С недоверием спросила его.

Он кивнул и с небольшим отставанием слегка улыбнулся.

— И готов ради этого на Нерасторжимый союз со мной?

В ответ он кивнул уже с широкой улыбкой.

— И ты поможешь мне выкупить моих друзей из рабства? — То, что он не кивнул сразу, было даже правильной, по-моему.

Он же не знает, сколько у меня друзей, а, судя по его внешнему виду, лишними средствами он не обладал. Поэтому я порылась в спортивной сумке, оставшейся мне от Ксении Олеговны, и достала из нее косметички, в которых были уложены драгоценности и бижутерия. Я раскрыла каждую из этих хранилищ и показала содержимое Анастасу Фасулаки, чтобы он видел, на что можно выкупить моих друзей.

При виде этих побрякушек глаза Кавьяра увеличились вдвое:

— Вы хотите, чтобы я выкупил из рабства ваших друзей на ваши украшения? — Спросил он.

Сейчас кивнула уже я.

И Кавьяр быстро встал с земли и протянул свободную от факела руку в мою сторону, но уже пересекая порог автобуса пальцами рук, он резко вздрогнул и, отдернув руку, стал ее трясти.

— Я забыл, что колесница раскаленная. — За улыбкой скрывая боль, проговорил он. — Я предлагаю вам...

— ... Кира Владимировна Соломина, — подсказала я ему свое имя.

— Я предлагаю тебе, Кира, стать моей женой. Обещаю выполнить все твои условия, и буду счастлив заботиться о тебе, наших будущих детях и нашем будущем доме.

Я должна была, наверно, встать со своей ступеньки, чтобы достойно ответить на такое официальное предложение. Но ослабшие ноги меня не держали, и из-за этого я сидела и улыбалась, как дурочка.

— «Да» на мое предложение можешь ответить мне завтра. Обращаться ко мне уже можно по имени Анастас. А сейчас, Кира, скажи, какой ты хочешь от меня свадебный подарок? — Пряча обожженную руку за спину, проговорил уже мой жених.

Мне от него не нужен был подарок, главное, чтобы он сдержал данное мне слово, и у меня с одноклассниками появился шанс выжить.

— Кольцо, колье, другие украшения? — Настаивал на ответе Анастас.

Я сказала, чтобы он сам выбрал подарок для меня.

— Это не хитрая ловушка, чтобы проверить мою щедрость? — Пристально всматриваясь мне в глаза, спросил мой жених из рода Кавьяр.

Не смогла удержаться и рассмеялась от его подозрительности.

— Хорошо. — Многозначительно улыбнулся Анастас. — Тогда я подарю тебе дождь.

Я недоверчиво посмотрела на своего странного жениха, о существовании которого даже не знала полчаса назад.

— Кира, ночью не спи. Мне нужно собрать друзей. И часов через пять-шесть часов мой подарок дойдет до тебя. Все остальные вопросы решим завтра. И завтра же я заберу тебя отсюда.

Я была почти счастлива. Нет, я была счастлива по-настоящему. Радовалась каждая клеточка моего тела. И хоть я не поняла иносказания Анастаса, связанного с дождем, я в радостном предвкушении ждала поздней ночи. И ожидание это не утомляло, я даже не думала о музыке, которой мне так здесь не хватало. И о родителях и брате вспоминала реже, чем обычно и без привычной уже тоски.

А около часа ночи небо осветили яркие удары молнии, и сразу раздались оглушающий грохот грома. В окно я видела, как закапал дождь и в этот момент туман, окутывавший мой автобус, пропал, и я смогла увидеть мир, в который я попала.

Сейчас была ночь, и у меня не получилось бы составить для себя полной картины об

окружающей меня реальности. Но метрах в пятистах от меня из земли начала расти гора и силуэт ее терялся высоко в небе. Гору освещали сотни, если не тысячи, огоньков освещенных окон. Вот я и познакомилась с Оруэллом, горой-городом, в котором жили одни из самых знатных и спесивых людей королевства.

Но от горы я отвлеклась быстро, дождь за пределами автобуса уже лил сплошной стеной, но не одной его капли не залетало в автобус, они испарялись, не пересекая границ осколка чужого мира.

Было бы мучением видеть такой дождь и хотя бы не напиться воды. Я немного выглянула из окна и выставила ладони сложенные лодочкой. Вода в них наполнялась очень быстро, и я ее пила с таким наслаждением, как не пила ни одну газировку или сок в своем мире. Вода была невероятно вкусной, легкой, ароматной. Или мне так казалось из-за обезвоживания.

А потом, напившись, раз уж дождь лил, не переставая, я взяла из спортивной сумки шампунь и, так же высунув голову из окна, вымыла свои уже засаленные волосы. И даже тело водой обтерла, хоть и поостереглась раздеваться. Не тратя время на поиски полотенца, или чего-нибудь, чем его можно заменить, я сложила две воронки из обеих обложек блокнота одной из одноклассниц и с их помощью наполнила две бутылки дождевой водой, потом снова стала пить, восполняя нехватку жидкости в своем организме.

Анастас обещал уладить все наши дела завтра, и сейчас, после такого необходимого для меня подарка я верила, что он все сможет сделать. Дождь утихал, и как по волшебству высыхали мои волосы и намокшая одежда. Я с опаской проверила свои наполненные водой бутылки, но, к счастью, жидкость из них испаряться не спешила. И в эту ночь я хоть и уснула очень поздно, но спала как никогда сладко.

22. Новый день

Мне снилось, что всю дождевую воду, сплошной стеной льющуюся с небес и реками текущую по земле, заливают в мой автобус. Я не сомневалась, что это сон, хоть и очень реалистичный: я чувствовала прохладу этой воды и скрип песка, с водой попавшего мне рот, а также и неприятное ощущение от прилипающей к телу мокрой одежды было очень натуральным. Только не мог автобус наполняться водой, как аквариум, тем более, когда он стоит с незапертой дверью. Да и окна своего автобуса застеклить я не сподобилась. И как бы я это смогла сделать? А еще мои волосы в этом сне не пахли папайей и колой, а именно такой аромат был у шампуня, которым я пару часов назад вымыла голову.

Я воспринимала неожиданное превращение автобуса в бассейн как еще один магический подарок. Плавая в разные стороны, погружаясь в воду и всплывая наверх, я смогла размять все мышцы и хоть ненадолго забыться и представить, что я не пленник чужого мира. Как будто я ребенком снова сбежала на речку, где вода пусть и не самая чистая, но освежает и бодрит по-настоящему. Сейчас в автобусе очень гармонично смотрелись бы маленькие рыбки. И сразу мне представилось, что в автобусе может всплыть и медуза или акула. Даже передернулась от своей фантазии.

Но даже во сне или в галлюцинации было приятно, рассекая воду руками, плыть в автобусе над сиденьями. Я уже мысленно благодарила Анастаса за этот подарок, только заметила, что вода полностью заполнила автобус, и мне приходилось выныривать под открытыми люками, чтобы набрать воздуха. Странно, конечно, даже понимая, что все это мне снится, я не могла дышать под водой. Но ещё более странным казался мир, который открывался мне из раскрытой двери автобуса. Сейчас, глубокой ночью, там, за пределами

моего убежища, царил ясный солнечный день. А на сочной зелёной травке лежал даже с виду мягкий белый плед. А рядом стоял запотевший кубок. В нем точно было что-то очень вкусное и прохладное

— Слишком заманчиво, — сказала вслух, выпуская воздушные пузыри под водой. Пришлось вынырнуть, чтобы снова набрать полные лёгкие воздуха.

И опустившись на пол автобуса, я стала внимательно рассматривать вид из его двери. Кстати, за пределами окон стоял туман, а вот за дверью была сочная зелень и плед. Наверняка, если бы я и вправду тонула в автобусе, я бы выскочила на эту зеленую лужайку, чтобы сохранить свою жизнь. А плед, вообще, выглядел очень притягательно. Но я-то не тонула! И автобус покидать не собиралась.

Как только эта мысль окончательно оформилась в моей голове, вода из автобуса разом вылилась наружу: из окон, и из двери, и, кажется, даже из невидимых мне щелей. Меня даже чуть потоком не снесло на травку с пледом. Невольно усмехнулась мысли, что такая смесь из реальности и магических шгучек сильно смахивает на симптомы шизофрении.

Я стала проверять, не уплыло ли мое приданое, но все вещи лежали на своих местах и ничего даже не промокло. На полу нетронутым лежал мусор, даже осколки стекол и пыль не смыло потоком. Не понимаю, как действует магия сноходцев, но как они собирались вытащить из автобуса оставшиеся в нем вещи, если бы я, все-таки, обманулась потоком и выскочила на лужайку? А сейчас за дверью моего убежища царила настоящая ночь, но спать мне больше не хотелось. И в абсолютно сухом автобусе, в котором ничего не осталось в напоминание о потопе, я села на пол, чтобы сделать кое-что очень важное.

Я вырвала листок из блокнота, который уже лишился своей обложки, достала из одного из рюкзаков ручку и начала писать список своего класса, чтобы Анастас точно знал, кого он должен выкупить. Для этого важного дела я включила фонарик на кухонной зажигалке, хотя ориентироваться в автобусе научилась и в полной темноте. Но писать в темноте у меня, при всем желании, не получится, а если и получится, вряд ли мои каракули кто-нибудь сможет прочитать. После того как список из восемнадцати имен был готов, я задумалась, стоит ли возле каждого имени писать особые приметы моих одноклассников и одноклассниц. Махнула на эту мысль рукой, особая примета для всех нас — это то, что мы незаконно перемещённые в этот мир.

Небо уже начало розоветь, когда я услышала шум приближающихся шагов.

— Кира! — Как только услышала голос Анастаса, я чуть ли не вприпрыжку понеслась к двери и спустилась на последнюю ступеньку, чтобы лучше его видеть.

Сейчас он мне снова показался невероятно кучерявым и красивым, хоть в при таком освещении разглядеть его было и непросто. Анастас успел привести себя в должный вид. Из его кучеряшек больше не торчал в разные стороны пух, и одежда была белоснежной, как любят носить местные мужчины. Только рубаха Анастаса не свисала свободно до середины бедер, как у всех мужчин, и он ее, почему-то, не застегнул на деревянные пуговицы, а, игнорируя их наличие, как-то запахнул ее, почти замотавшись в льняное одеяние. А сверху вместо пояса повязал в несколько слоев веревку, обычную пеньковую веревку.

Наверно, было бы неправильно делать замечание внешнему виду жениха, да и стоял Анастас, неуверенно переминаясь с ноги на ногу, поэтому я решила показать себя с самой лучшей стороны:

— Доброго утра, Анастас.

— Доброго утра. Кира. Я разве не поздоровался? — Задумчиво спросил он.

— Нет. Но это не страшно. Ты, наверно, задумался?

— Нет. Я залюбовался своей невестой.

От его слов я засмузилась, но взяв себя в руки, гордо заметила:

— Я помыла голову. Спасибо за дождь.

Он рассмеялся:

— Туча тут рядом была, мы с друзьями ее только притянули к твоей колеснице.

— Передай спасибо и своим друзьям. Этот дождь — самый романтичный подарок в моей жизни. — Не стала добавлять, что этот дождь для меня также был очень неожиданным и жизненно необходимым.

Анастас улыбулся немного самодовольно. А я не удержалась и спросила его о наряде.

Анастас посмотрел на свою рубашку и смахнул с нее невидимые пылинки, а потом погладил опоясывающую его верёвку.

— Это мой новый праздничный наряд. — Я постаралась не показывать своего недоумения, все-таки, выглядела его одежда совсем не празднично. А Анастас сам добавил. — Был.

— Ничего. С этой веревкой ты выглядишь даже оригинально.

Анастас рассмеялся моему нехитрому комплементу. Он, вообще, оказался очень смешливым, и мне рядом с ним тоже хотелось все время смеяться

— Оригинально, как альпак в тиаре? — Спросил Анастас. И, скорее всего, мы одновременно представили мохнатое животное в драгоценном украшении и весело рассмеялись.

Сквозь смех я поинтересовалась, кто у них тиары, кроме альпаков, носит. И узнала, что в Королевстве пяти гор вся власть принадлежит избранным землевладельцами Отцам городов, которые обычно правят семь лет. Они же являются гарантами законности в своих городах — Оруэлле, Фэскарде, Нуфплионе, Метемне, Париклиями. Но за внешнюю политику и отношения между городами отвечает король. Которого в случае провала в войне с внешним врагом или конфликта между городами, переросшего в кровавое побоище, приносят в жертву богу.

— Вообще-то, его просто казнят, чтобы выпустить народную злость. — С улыбкой закончил Анастас.

— Как казнят? Короля? А его охрана, придворные? — Удивилась я.

— Охрана должна сберечь наследников от народного гнева и богатства королевской семьи от мародеров. Чаше они и придворные сами короля и выдают, если видят, что народ успокоит только кровь их несправедливого правителя. Таковы традиции.

— Вот это традиции! — Мне даже пришлось присесть на свою ступеньку, а Анастас сел в своих белоснежных штанах прямо на стоптанную в пыль землю.

— Все справедливо. Избранных народом Отцов городов, если они не справились со своими обязанностями или использовали свою власть для личного блага, лишают должности, а потом судят. А короля народ не может свергнуть, не он его избирал...

— Но вы его казните? — Уточнила я.

— Только если заслужил. — Кивнул Анастас.

— Наверняка, короли ваши стараются не заслужить... — Полусерьезно заметила я, и мы оба снова рассмеялись.

Почему-то, с Анастасом любая тема, даже самая серьезная, переходила в шутку. Так же смеясь над своим сегодняшним приключением, он рассказал, что вчера наблюдал, как я пила

дождевую воду, высунувшись в окно колесницы, и подумал, что таким же образом я могла бы и поесть. Поэтому встал пораньше, принарядился для первого свидания, взял четверть сырного круга из кладовой своей матери и льняную лепешку, которую вечером испекла сестра, и хотел принести мне на завтрак. Только представители рода Магикир выяснили, кто притянул дождевую тучу и разозленные и этим, и тем, что не успели воспользоваться случаем, пока я мыла голову, и вытянуть меня из убежища, отняли у него еду.

При упоминании сыра и свежей лепешки у меня сразу заныло в желудке.

— Кира ты давно не ела? — Взглядом перехватив мою руку, которой я стала поглаживать живот, спросил мой заботливый жених.

— Я в последние дни только сладости ела.

— Сыр бы тебе понравился. — С сожалением вспомнил он о потерянном угощении. — У мамы получается лучший сыр в Королевстве.

— И лепешка, наверно, вкусная была, — с глубоким вздохом заметила я. Хотя меня больше порадовал сам факт, что он обо мне думали и переживали. — Анастас, самое дорогое — это забота. Спасибо. — От всего сердца сказала этому кучерявому чуду.

С улыбкой приняв от меня благодарность, Анастас сказал:

— Важен итог. А в итоге ты голодная, рубаха без пуговиц, ещё и мама скандал закатит, а она очень строгая. — И он так печально вздохнул, что взгрустнулось и мне. Ведь если взрослый сын так опасается гнева родной матери, то свекровь у меня будет далеко не самая душевная.

А Анастас ещё предупредил, что родители его выбор не одобрили, но только потому, что у него два старших брата не женаты. По традиции семья сейчас копила деньги на женитьбу третьего сына, Фотиса, которому уже купили землю и дом. А теперь они вынуждены нарушить традиции, и в обход двух неженатых старших братьев женить Анастаса.

Пока мы с ним говорили, небо стало совсем светлым, и я при ясном свете смогла лучше разглядеть, что не только рубаха моего жениха сильно пострадала в противостоянии с Магикир. У Анастаса была заметно опухшей левая щека и ссадины возле носа, на лбу и на шее. И еще я заметила, что на руках у Анастаса разбита кожа у косточек пальцев.

— Анастас, ты дрался? — С жалостью спросила у него.

— А как же! — Не без гордости ответил он. — За сыр я даже с братьями с раннего детства дрался. А тут Магикир... Ну, и они свои получают. — Многообещающе добавил он.

А потом Анастас вскочил и сказал, что ему пора спешить выкупать моих земляков. И я сразу протянула ему заготовленный мной листок со списком.

— М-м, — повертел Анастас листок в руках. — Кира, это надо прочитать?

И я вспомнила, что писала на русском языке, на оруэллском-то я писать не умею.

— Прости, можешь выбросить бумажку. Только как ты узнаешь, кого искать?

А Анастас сложил листок и положил его в нагрудный карман рубахи.

— Пусть, Кира, все думают, что ты посвятила мне стихотворение. — С улыбкой погладил он свой карман. — А кого искать, я и так разберусь.

Мне самой пришлось предложить ему взять что-нибудь из драгоценностей, для выкупа. И Анастас взял восемнадцать золотых колец, сказав, что этого должно хватить. И прежде чем скрыться в тумане сказал, чтобы я собирала свои вещи, чтобы, как только он вернулся, он смог сразу же забрать меня домой.

Анастас ушел, а я счастливо улыбаясь, начала собирать вещи. И очень кстати здесь

пришелся рулон мешков для мусора, который мне подбросил в магазине Колян.

23. Сборы

К сожалению, в рулоне было только десять мешков для мусора. А вещей у меня оказалось намного больше. Четыре мешка заняли только куртки моих одноклассников. А я их очень компактно упаковывала, старалась, чтобы они не занимали много места. В пятый и шестой мешки я собрала рюкзаки и сумочки. В седьмой мешок пришлось сложить два огнетушителя, три аптечки, молоточек и гаечный ключ — то, что я нашла в автобусе. Туда же я упаковала чехол и подушечку с водительского кресла и пустые пластиковые бутылки. В восьмой мешок с трудом вместились спортивная сумка, которая досталась мне от Ксении Олеговны. Только я переложила себе в карман немного бижутерии из одной косметички. В девятый черный мешок я закинула пальто и жакет, что Ксения Олеговна оставила в автобусе, свою одежду, которую мне пришлось сменить на чистую, и ещё свой рюкзак с курткой. Туда же я запихала пакет с остатками покупок из супермаркета. В принципе остался у меня только набор пластмассовых игрушек, который я в утро начала экскурсии мечтала в качестве мести подарить Коляну на день рождения, кухонная зажигалка, рулон туалетной бумаги и антибактериальные салфетки, почти не использованная пачка.

Я собрала все вещи и начала обматывать мешки скотчем, чтобы мои вещи в целостности донесли до дома Анастаса. Мне пришлось очень спешить, чтобы к возвращению жениха закончить с этой работой. Я запыхалась и устала, но чувствовала себя вполне бодрой и довольной.

Так как свободного времени у меня было достаточно, а завтрак мой состоял только из дождевой воды, решила не тратить время впустую и содрать обивку с сидений. Тем более у меня в автобусе они скорее всего сгорят, а мне и моим друзьям могут помочь устроиться в этом мире. Я приступила к многочисленным актам вандализма. Сдирала, не всегда аккуратно, с сидений материал, похожий на велюр и сложив этот лоскут отправляла его уже в десятый, последний мешок, туда же скидывала и кусок поролона, используемый, как наполнитель для сидений. Работала очень целеустремлённо, пока не отвлеклась на упавший из сиденья на пол шуруп. Я взяла его в руки и сразу вспомнила папу. Ведь он так и не узнает, куда я пропала. Никто не узнает, стоит ли заказывать по нам успокоительные молитвы, или нужно продолжать надеяться на возвращение своих детей.

Не зная точно, переместится ли автобус на Землю, когда я его покину, я, все же, решила оставить на нем послание. И этим шурупом я стала царапать под одним из задних окон послание для наших семей. Так как инструмент у меня был очень неудобный, и мозоли я натерла быстро, пришлось ограничиваться коротким посланием: "Папа. Мы в другом мире. Живите без нас."

Кривые буковки выглядели жалко. И показалось, что от последней фразы сердце разорвется не только у моих родителей. Поэтому я постаралась не думать о боли в пальцах и дописала: "Все хорошо. Кира."

Очень хотелось сократить слова, но я даже на расстоянии решила маму не раздражать. Кривой подчёрк она грехом не считала, но "неадекватные" сокращения ее всегда злили.

И я вернулась к своим сиденьям. Когда весь салон автобуса стал выглядеть как в фильме-катастрофе, а у меня стояли наготове десять мешков с моим имуществом, я присела уже на твердое сиденье.

— Хорошо бы и стены ободрать. Или даже сиденья оторвать, — подумала я вслух. В хозяйстве все пригодится. — И ещё можно было что-нибудь от автобуса оторвать. Только

мешков от мусора больше не осталось.

— Кира! — Позвали меня от двери.

И я несколькими прыжками оказалась у выхода.

— Ромка! — Обрадовалась я однокласснику.

Кивнув мне за спину, он спросил:

— Малая, генеральную уборку затеяла?

— Не угадал. Я замуж выхожу!

— И что? Ты этому по-настоящему радуешься? Все бабы замужем деградируют. —

Хмуро произнес Рома

— Ну, вообще то, выбор у нас у всех не большой. Я же, кажется, тебе уже говорила, что замужество для меня спасение. Более того, ты сам одобрил это решение.

— Тогда я многого не знал. — Так же хмуро сказал мой одноклассник.

— А сейчас ты что узнал?

Рома не ответил сразу. И я уже надумала себе всякого, когда он заговорил:

— Короче, я слышал, что Отец города объявил тебя врагом рода Магикир и своим личным врагом. И по Оруэллу распространили его слова, что тебе не место среди граждан. А тому, кто сможет вытащить тебя из автобуса обещанием жениться, выделяют большой надел земельный участок на самой вершине горы. И неважно состоится ли их ритуал бракосочетания, все твое имущество оставят мужу или жениху. Все, кроме вещей Ксении Олеговны.

— Ты сейчас пошутил? — С надеждой спросила у Ромы.

— Если бы... Все мужики с Оруэлла с радостью пообещают тебе все, что угодно, лишь бы остаться очень богатыми по местным меркам. Или, вообще, овдоветь в тот же день, опять-таки, оставшись богатыми вдовцами.

— Но Анастас всего этого не знал, — уверенно сказала я, — он несколько недель жил на равнине.

— И что же он там делал?

— У него альпаки... — Сказала я, почему-то, неуверенно.

— Альпаки? Жители Оруэлла кичатся своим происхождением, они никогда не согласятся провести хотя бы один день вне своей элитной горы.

Но я вспомнила Костаса Фасулаки из рода Кавьяр:

— А военные?

Рома удивленно посмотрел на меня, а потом обернулся, как будто военные сейчас стояли за его спиной:

— Причем здесь военные?

— Брат Анастаса собирается служить в пограничной крепости десять лет. Значит, не так уж и кичатся местные землевладельцы они своей жизнью на Оруэлле.

Я была в восторге от своей логики. Но Рому я не убедила:

— Кира, это значит только, что семья твоего возможного жениха — нищоброды. И им нет места на горе. Может они поэтому рады любой работе даже с альпаками. А может, тебе просто лгут.

— И что мне делать?

День, который начался очень продуктивно и был с раннего утра ярким и солнечным, постепенно терял свои краски.

— Не знаю. — Ответил Рома.

— А ты знай! — Топнула я ногой. — Пришел сюда, рассказал всяких гадостей. Что мне сейчас делать?! Я не воздушный пузырек, мне надо чем-то, кроме воздуха, питаться. Я в автобусе уже не могу сидеть. Что ты молчишь?

— Я думаю. — Серьезно ответил Рома.

— Быстрее думай, это моя жизнь, а не урок физики!

— Кира, я не знаю, что тебе посоветовать.

— Тогда зачем ты вообще рот открывал? Если меня хотят убить, я хоть бы не знала об этом. Умереть в неведении как-то проще по-моему.

Рома нервно провел рукой по своим лохматым волосам:

— Кира, ты не отчаивайся. Надежда всегда остаётся.

— Да ладно? И на что мне надеяться? Если я даже выйти из автобуса не успею, как умру? Тут уже и о Нерасторжимом браке думать не приходится, я же до храма местного не дойду.

— Тут можно жениться и не в храме. — Сказал самый умный пессимист нашего класса. И вообще, тебе надо покупать людей.

— Как покупать? Кого? У тебя на почве местного рабства мозги свело?

Рома презгливо передернулся:

— Кира, тебе нудно всех, кого получится набрать в свои союзники. Здесь очень трепетно относятся к подаркам. Одаривай людей. Если сюда придут еще женихи, подари им хоть что-нибудь.

— В смысле, ты советуешь мне просто раздавать подарки?

— Не просто. Скажи своему жениху, что хочешь передать подарки его матери. Если он придет к тебе с кем-то, не один же он эти мешки тащить будет, сделай подарки и его сопровождающим. Причем преподнеси это как знак уважения, символ будущей крепкой дружбы... У людей здесь много золота, серебра и драгоценных камней, но вещи из нашего мира для них особенные. Для них такие подарки дороже во много раз.

— Спасибо за совет. — Искренне сказала я.

— Это лишь немного, что я должен был сделать... — Рома сказал последние слова с болью. И я улыбнулась ему, чтобы поддержать. Все-таки, он тоже оказался в очень сложных обстоятельствах. И человеку, ограниченному в передвижениях и общении с окружающими людьми, сложно достать полную информацию о новом мире.

24. Ромил, Никос и другие

Рома, пока у него было свободное время, рассказывал мне о Коляне и Алексе, которых он видел лишь мельком, и выглядели они в тот момент не очень бодро. Я его слушала с болью, представляя, через какое испытания пришлось пройти современным парням в этом жестоком мире в рабских ошейниках.

— Раб, на колено! — Раздался голос Анастаса. Рома вздрогнул, но с места не сдвинулся.

Анастас подошел вплотную к двери автобуса и спокойно повторил:

— Раб. На колено.

Анастас сейчас был одет коричневый жилет из какой-то грубой ткани, больше напоминающей мешковину. А штаны, которые рано утром были белоснежными уже были серыми.

— Анастас он мой друг, — сказала я.

— Он раб. — Подчеркнул статус моего друга мой жених, а он всегда казавшийся мне милым. В левой руке у него откуда-то из воздуха появился кнут. Ухватив крепче рукоять,

Анастас пару раз легонько щелкнул себя по бедру. И тихо проговорил. — Я не люблю применять силу к бесправным людям.

Рома сразу опустился на левое колено, при этом покраснев до багрового цвета.

— Имя? — Не смотря ни на Рому, ни на меня, спросил Анастас.

— Рома. — Ответил мой одноклассник и сразу уточнил. — Роман.

— Ваше имя — Ромил, раб. — Без эмоционально исправил Рому Анастас. — Сейчас Ромил, отправишься на Цветочную виллу на вершине Оруэлла. Найдешь Фотиса Фасулаки из рода Кавьяр, и передашь ему, что я отдаю вас ему в помощники. Можешь идти.

Рома быстро поднялся с колен, но стоял на месте, наверно, как и я не понимая происходящее.

— Я непонятно выразился? — И Анастас снова щелкнул себя рукоятью кнута по бедру.

— Вы не мой хозяин. — Уверенно ответил Рома.

— Я выкупил тебя у твоего бывшего хозяина. Не трать мое время и отправляйся к Фотису.

Рома не разворачиваясь к нам спиной, сделал неуверенный шаг назад.

— Ромил, по дороге держись левой стороны. Не игнорируй приказов. Не выказывай неуважения людям в белой одежде. Будь насторожен и держись уважительно со всеми. Понятно?

— Да, — сказал Рома и тихо добавил, — Настенька.

— Иди. — Сказал Анастас, проигнорировав обращение, которое он не мог не услышать.

А Рома, к которому уже вернулась его самоуверенность, спросил:

— Фасулаки-Масулаки Настя Кавьяр, а кого вы еще выкупили? Хочу быть готовым к встрече с другими рабами.

Я думала Анастас, все-таки, ударит моего друга, а он резко нагнулся, как будто стряхивая пыль со своих колен. А когда он выпрямился, я заметила, что просто не смог побороть приступ смеха. При этом на лице мой жених еще мог сохранить серьезное выражение, но плечи его заметно вздрагивали:

— Раб не может фамильярно обращаться к свободному человеку. Особенно к своему хозяину. — Проговорил Анастас, почесав кнутом свой нос и подбородок.

— Я к своему хозяину обращаюсь только со всем возможным уважением. — Широко разведя руки, поклонился Рома. — Но сколько у моего хозяина еще рабов? Просто хотелось бы знать, насколько вы, Фасулаки-Масулаки Настя Кавьяр, достойны уважения.

Анастас бросил исподлобья взгляд на меня и, качнув головой, спросил:

— Твой друг, Кира, отстает в развитии?

— Нет. Рома лучший ученик в нашем классе.

— Значит, он издевается? — Спросил Анастас и, развернувшись к Роме, ответил. — Меня зовут Анастас Фасулаки из рода Кавьяр. Не советую коверкать мое имя, это неуважение к свободному человеку. Когда вам в наказание отсыпят плетей на площади, я даже вмешаться не смогу. И испытывать свою судьбу не стоит, здесь за нами везде наблюдают.

Рома опустил голову. Он-то всего лишь прикалывался, но его шутка могла дорого ему обойтись, если бы Анастас не воспринимал его, как близкого мне человека. И строгого хозяина из себя Анастас только строил перед публикой, которая могла затаиться в тумане.

Анастас отвернулся от Ромы и стал говорить только мне:

— А выкупил я еще Александра, Миноса, — по описанию я поняла, что говорит он с

Алексе и Мишке. — Афиной и Мелита. Мелита единственная женщина, которую мне удалось выкупить, все остальные ваши женщины отказались от тяжелой физической работы и стали любовницами своих хозяев. Так что они уже могут вынашивать дитя, и поэтому их никому не продадут. А Мелита неумело работала на скотном дворе, поэтому ее мне продали за два кольца.

Афинею оказался Армен, водитель нашего экскурсионного автобуса. А Мелитой здесь называли Людмилу Борисовну, организатора школы, которая сопровождала наш класс в поездке. Стыдно признаться, но о них обоих я вообще забыла. Я же их даже в список для спасения не вписала. Хорошо, что Анастас искал иномирян не по моему неполному списку.

Но выходило, что всего иномирян, кроме меня и Ксении Олеговны, было двадцать человек, и Анастас выкупил из них только пять человек.

— А Колян? — Спросила я у Анастаса. — Почему ты не выкупил его. Его тоже не продают?

Рома тоже вопросительно посмотрел на моего жениха.

— Никос? — Спросил Анастас. — Он недостоин свободы. Я его не собираюсь выкупать.

— Почему? Колян мой друг, он должен получить свободу. — Уже в страхе за судьбу друга, сказала жениху.

— Он предатель. — Сказал категорично Анастас.

— Колян самый надежный из людей. Его надо спасти. — Настойчиво сказала я.

— Я спрашивал о его поступках. И выяснил, что он предатель. — Анастас проговорил это терпеливо и уверенно.

Только я не могла ему поверить:

— И кого Колян предал?

— Тебя, Кира. Он предал тебя. Никос единственный из мужчин согласился обманом вывести тебя из колесницы в обмен на лучшие условия жизни.

Рома смотрел на спорящих меня и Анастаса расширившимися глазами. А я не могла поверить в прозвучавшие слова. Только Анастасу незачем врать, а Колян просто был не способен на предательство. Он даже в младших классах школы никогда ни на кого из одноклассников не доносил. И на контрольных всегда прикрывал списывающих. Колян всегда был кремнем взаимовыручки нашего класса, его за это уважали и ценили.

— Когда Колян меня предал? — Спросила я у Анастаса.

— Кажется, на следующий день, как он сам покинул эту колесницу.

Я вспомнила тот день:

— В то время Колян пришел меня уговорить выйти из автобуса и незаметно для сопровождающего его мужика показал мне ошейник на своей шее. Потом несколько раз намекнул, что покидать автобус нельзя. Даже пожелал мне удачи в борьбе за свободу. — Я говорила это и Анастасу и Роме. — Колян меня не предавал. Он только подыграл аборигенам, а сам помог мне советом.

Рома победно улыбнулся, как бы говоря, что никогда в Коляне и не сомневался.

А Анастас пообещал, что еще раз пойдет к хозяину Никоса, чтобы выкупить моего друга.

25. Поговорить и узнать друг друга

Анастас отправил Рому на виллу своей семьи и, выдохнув, сел на землю, чтобы немного поговорить со мной. Мне тоже хотелось хоть чуть-чуть лучше узнать своего жениха.

И прежде всего меня интересовало, куда подевался кнут из руки Анастаса. Я не видела, как он его отбросил или спрятал. И на моих глазах кнут не испарялся в воздухе.

— Это обман зрения, у меня не было кнута. — Ответил он.

— Но я слышала щелчок, когда ты бил его рукояткой себя по ноге.

— А это обман слуха. — Улыбнулся Анастас.

— А нанести удар по Роме ты смог бы? — Мне сразу стало понятно по выражению лица Анастаса, что ему этот вопрос был неприятен. Поэтому я изменила вопрос. — Теоретически возможно таким обманным кнутом нанести удар?

Анастас рисовал что-то в пыли пальцем, время от времени бросая на меня взгляды. А перед тем, как ответить мне, он долго подбирал слова:

— Сделать больно силой магии возможно. И пострадавший при этом даже будет уверен, что его ударили кнутом или другим предметом. Но тут много условий, магия сноходцев — это очень тонкое искусство. Нужно не только в совершенстве владеть своей силой, но и применять ее в правильный момент.

Еще мне было очень интересно, правду ли рассказывал Рома о местном укладе жизни и словах Отца города, которые распространили по Оруэллу. Только не все вопросы можно было задавать Анастасу открытым текстом. Я и обидеть его не хотела. А с другой стороны, он ведь мог и солгать, поэтому я задавала общие вопросы, просто слушала, что рассказывал сам Анастас, и делала для себя выводы.

А он много рассказывал о местном климате, взаимоотношениях с родственниками и соседями, своих друзьях и даже мечтах.

— Я же говорил, что мечтал стать воином? — Спросил Анастас. В первую нашу встречу он и вправду говорил, что хоть и является обученным сноходцем, мечтает о судьбе воина. — Мы с Костасом оба подали в этом году прошение о зачислении нас в любую приграничную крепость сагитарами. Мы с братом от природы меткие, и еще с детства учились владеть мечом и стрелять из лука. Я бы справился со службой. Только мне почему-то прислали отвод, а Костас дней через десять поедет на место службы.

— Но ты все равно хочешь на службу? — Спросила я жениха.

— Сейчас уже нет. — Загадочно проговорил Анастас.

— А что сейчас изменилось? — Уже кокетничая, задала ему вопрос.

— Сейчас я женюсь. — Рассмеялся Анастас. — А молодых жен нельзя оставлять надолго в одиночестве.

— Я могла бы поехать с тобой. — Я подумала, что военная служба Анастаса была бы для нашей семьи идеальным решением почти всех проблем. Пожить вдвоем с Анастасом вдали от Оруэлла и его родни. Мы бы смогли лучше узнать и научиться понимать друг друга, стали терпимее к особенностям каждого, а главное, я не чувствовала бы себя чужачкой в семье Анастаса.

Он же, к моему большому сожалению, еще и младший сын в семье. Наверняка, Анастас мамин любимчик, свекровь обязательно будет попрекать меня плохим влиянием на ее любимого сыночка. Мне просто нужно время освоиться в этом мире, завести своих друзей, научиться что-то делать руками, в конце концов, просто уметь читать и писать.

Тем более, сейчас Королевство Пяти Гор находится в мире со всеми соседями.

Но я не знала всех правил этого мира.

— Новобранцы живут в казармах. — Начал мне объяснять Анастас. — Только прошедшим обучение воинам выдают семейные комнаты. Поэтому, если я снова подам

прошение на службу и его одобряют, около шести-восьми месяцев тебе придется жить под защитой Отца города.

— «Защитой» ли? — Уточнила я.

— По закону, Отец города отвечает за семьи новобранцев, и выплачивает им пособие. — Серьезно ответил Анастас. — Кира, Отец нашего города никогда не нарушал своих обязательств перед гражданами Оруэлла. Но я все равно не хочу тебя оставлять здесь одну на такой долгий срок. Зачем вообще жениться, если жена не будет всегда рядом?

— Очень хороший вопрос! — Заметила я.

Когда мы с Анастасом отсмеялись, он серьезно сказал.

— Кира, я тебя никому не доверю. И свое слово заботиться о тебе не забуду.

Сейчас мне очень захотелось впервые в жизни броситься в объятия парня и расцеловать его. Жаль, что я не могу покинуть автобус хоть на десять минут. И я спросила Анастаса, почему мы не можем сразу пожениться? Прямо сейчас? Оказалось, что он ждет друзей, они должны были собрать представителей своих семей для свидетельства нашего Нерасторжимого брака. В принципе, нам бы хватило и пяти свидетелей, закон был бы выполнен, только Анастас хотел, чтобы никто не смог оспорить нашего брака или поставить его под сомнение. И я впервые подумала, что Анастас не так и прост, как кажется. Он не живет в розовых очках в слепой вере во всеобщее благородство. Просто мне он не говорил о том, что должно было меня расстроить. Любую девушку на моем месте не могло не расстроить сообщение, что замужество для нее смертельно опасное приключение.

Еще Анастас умел красиво рассказывать местные легенды и сказки, так что слушать его было очень приятно. А поэзию он чередовал с рассказами о своей семье. Он рассказал мне, что у семьи Фасулаки есть большая ферма альпаков на равнине. Управляется там семья рабов, но во время стрижки альпаков им нужны помощники. Анастаса, как младшего в семье, часто посылают помогать в стрижке альпаков. И обычно часть постриженной шерсти он продает и выручку отдает матери. А часть шерсти, после обработки на ферме, доставят на виллу, где его сестра и мать свяжут из нее необходимые для семьи теплые вещи на зиму.

— Мама и тебе свяжет теплые носки, кофту и шарф, — пообещал мне Анастас. Вот тогда я передала ему бижутерию из своего кармана.

— Это передай своей маме и сестрам в подарок от меня.

Анастас сильно смутился:

— Я им передам. Они будут рады. Только не стоит делать таких щедрых даров. Моя семья в любом случае примет тебя. — Он сразу понял, что я пытаюсь подкупить его родню.

— А я хотела и твоим друзьям сделать подарки, — сказала я.

И мы с Анастасом решили, что золотые кольца, который у него остались после выкупа моих друзей, он и раздаст своим друзьям, как только выкупит и Коляна-Никоса из рабства.

День потихоньку переваливал за вторую половину. Яркий свет солнца манил меня на свободу. Сегодня я, наконец-то, смогу поесть, лечь спать в нормальной кровати и, может быть, даже впервые обнять жениха. В какой-то момент Анастас сказал, что нужно узнать, как идет подготовка у его друзей и скрылся в тумане. А вернувшись минут через тридцать с пятью друзьями, обрадовал меня, что Никоса он выкупил, и мой друг уже дожидается нас на вилле.

Этим своим друзьям Анастас вручил от нас по одному золотому кольцу, и они вместе стали переносить мусорные мешки с моим приданным на семейную виллу Фасулаки.

А когда Анастас вернулся, мы снова могли поговорить.

— Сейчас мои друзья разнесут новость, что им вручили подарки. И их родственники и другие мои знакомые поспешат сюда, чтобы поддержать нас. — Сказал он.

И сейчас Анастас снова о многом меня спрашивал. Его интересовало, почему у меня нет мозолей на руках, соглашусь ли я отрастить волосы, как это принято в этом мире, сумею ли быть уважительной с его родственниками, что ему делать с рабами, которых мы собираемся отпустить (им же нужно как-то выживать, без поддержки сильной семьи они не смогут жить в этом мире), надёжные ли они люди, чтобы оставаться друзьями нашей семьи. Уже от одних вопросов Анастаса я поняла, что уж он-то меня отдавать Отцу города или Агелай Пирру из рода Магикир не собирается. А я опасалась передавать ему на хранения все вещи из автобуса. Анастас думал о нашей будущей совместной жизни, планировал ее, его не вещи мои интересовали.

А ещё Анастас неожиданно спросил сколько мне лет.

— Почти семнадцать, — ответила я. — Через пару недель в ноябре должно было исполниться семнадцать.

— Семнадцать лет? — Очень удивился Анастас. — Тебе не может быть столько лет!

— А насколько лет я выгляжу? — Кокетливо спросила у жениха.

— Ну, лет на четырнадцать. — Ответ был очень неожиданным. Я считала, что мне можно без преувеличения дать мои неполные семнадцать лет, и отстающей в физическом развитии меня никогда не называли.

— Просто у меня маленький рост. А так я выгляжу даже на восемнадцать лет! — Гордо заявила я.

— В семнадцать лет принято нянчить второго или даже третьего ребенка. А тебе не больше четырнадцати годиков. — С немного издевательской улыбкой выдал Анастас.

Почему-то мне сразу представилось, что у меня не сформировавшаяся фигура, маленькая грудь и прыщи на лице. А раньше у меня не было комплексов.

— Но ты мне нравишься не зависимо от возраста. — Успокоил меня Анастас. И в этот момент он, скорее всего, даже не представлял, от скольких бед в семейной жизни он себя оградил.

— А сколько тебе лет? — Спросила и я у парня, у которого точно не было прыщей и выглядел он не меньше, чем на лет двадцать.

— Шестнадцать. — Ответил Анастас.

— Сколько? — Сразу вспомнила, что соращение несовершеннолетних — это очень серьезное преступление. — Это кошмар.

— Почему? — Удивился Анастас. — Мои братья женились примерно в таком возрасте. А мама выходила замуж в двенадцать лет.

Дело было не только в цифрах. Анастас выглядел намного старше шестнадцати лет. Тут надо было разобраться в разнице времяисчисления между нашими мирами.

Я спросила у Анастаса сколько сезонов бывает в его мире. Оказалось, что год здесь состоит из осени, зимы и весны — только три сезона. В каждом сезоне по четыре месяца и по сорок два дня в каждом месяце.

— Подожди-ка, — сказала я Анастасу, настраиваясь на арифметическую волну. — Если три сезона умножить на четыре месяца, и получившиеся двенадцать месяцев умножить на сорок два дня, то получится пятьсот четыре дня. А год в моем мире длится триста шестьдесят пять дней. Разница целых сто тридцать девять дней. Год в твоём мире длиннее, чем в моем мире.

И я быстро подсчитала в уме сколько лет мне было бы в этом мире. Если пятьсот четыре дня — продолжительность года в этом мире — разделить на прожитые мной дни в моем мире, то выходило, что мне в этом мире было бы двенадцать лет. Примерно.

— Ужас! Мне только двенадцать лет. Даже не четырнадцать!

— Да, — покивал, улыбаясь. Анастас. — Значит, ты выглядишь старше своих немалых лет. Как сейчас на тебе жениться?

Сейчас мне хотелось не обнимать его и целовать, а стукнуть его чем-нибудь не очень тяжелым. Он надо мной еще и издевается! И я решила сразу подсчитать, сколько лет было бы Анастасу в моем мире. Также помножив и поделив в уме, я вычислила, что Анастасу в моем мире было бы примерно двадцать два года.

— Ты в моем мире был бы старше меня на целых десять лет! — Подвела я итог. — Там бы наши дорожки никогда не пересеклись.

— Почему? Я тебе не нравлюсь? — Подавшись вперед, серьезно спросил Анастас.

— Нет, просто я не тусовалась с взрослыми парнями. Вообще, я больше времени проводила дома, за учебой и компьютером. — И пришлось объяснять жителю параллельного мира, что такое компьютер. И как за ним с интересом можно проводить целые дни.

— Жаль у нас нет этих чудо-ящичков. — Сказал Анастас. — Но в этом мире много интересных развлечений. А твои знания арифметики всех заставят тебя почитать. Мой отец любит арифметику. Он будет тебя уважать. — И он, резко хлопнув себя по бедру, воскликнул. — У меня будет не только самая красивая, но и самая умная жена.

— Повезло тебе. — Сказала я.

— Мне не просто повезло, мне очень повезло! — Радостно подтвердил мой жених. — Но, Кира, знай, и тебе тоже немислимо повезло.

— Потому что ты красивый и умный? — Разглядывая его породистое лицо и роскошные волосы, задала я вопрос.

— Не только. — Начал беззастенчиво хвастаться Анастас. — Я смелый, быстрый, меткий, сильный и в меру скромный. Еще у меня много надежных друзей и самая дружная в мире семья.

Только из-за того, что его надежные друзья не собирались, как обещали, Анастасу пришлось с теми людьми, который уже ждали его в тумане, отправиться собирать всех не пришедших к автобусу. Как подчеркнул мой жених, нам нужно не меньше сотни взрослых свободных мужчин из разных родов, которые не побоятся свидетельствовать, что лично слышали, как мы заключили Нерасторжимый брак. И чтобы ни влияние рода Магикир, ни власть самого Отца города не оставило у нас меньше пяти свидетелей.

На прощанье Анастас, приласкав меня нежным взглядом, сказал:

— Кира, сегодня до заката я назову тебя своей женой и уведу в наш дом. Только жди меня и верь, все у нас будет хорошо.

26. Худший день в моей жизни

Анастас пропал в тумане, а я снова осталась в автобусе, который был моим спасением и одновременно моей тюрьмой. Время ползло почти незаметно, и от нетерпения я ходила в автобусе вперед и назад. Я пила редко по маленькому глотку воды и больше думала не о еде и воде, а о моей дальнейшей судьбе. Друзей, всех кого смогла, я вроде бы спасла. И Анастас, даже если у нас ничего не получится с женитьбой, обязательно отпустит на свободу Коляна, Алекса, Рому, Мишку, Людмилу Борисовну и Армена.

Я, подумав о том, что мое замужество может сорваться, постучала по ближайшим

предметам, потом стала сплевывать через каждое плечо. От мелькнувшей мысли, что я не правильно стучу и сплевываю, начала стучать и плевать в два раза интенсивнее, так что мне снова захотелось пить.

Успокоившись немного, я пожалела, что не могу даже послушать музыку, или хоть что-то почитать. Сейчас бы я даже параграф по физике прочла. И таблица Менделеева мне уже не казалась скучной. Пока я предавалась разным радостным и, наоборот, удручающим мыслям, солнце скрылось на горизонте.

— Закат? — Спросила у неба вслух. Анастас обещал вернуться до заката. А сейчас солнце уже скрылось, и хоть на улице еще было светло, время-то перевалило обозначенный Анастасом срок.

Поэтому я пулей подскочила на жестком сиденье, когда услышала в тумане звук приближающихся шагов и поспешила к выходу. А с другой стороны двери стояли Ксения Олеговна и Агелай Пирр из рода Магикир. Наряженные в белые одеяния и довольно сытые с виду, они вызывали у меня вполне объяснимое отторжение.

— Ну что, Соломина, готова выйти на свободу? Мы обещаем тебе достойный прием. — Почему-то слишком самоуверенно произнесла Ксения Олеговна. И ее муж, который мне сейчас казался заметно поседевшим, зло прищурившись уставился на меня.

— Под достойным приемом вы подразумеваете сдирание моей кожи и выполнение ваших угроз с колом? — Сложив руки на груди, спросила их. Я старалась выглядеть уверенной, хотя сердце у меня сжалось, как в тисках, от предчувствия, что произошло что-то страшное.

— Выходи уже. У тебя ничего не осталось, что бы торговаться с нами. — Отходя в сторону от выхода, проговорила Ксения Олеговна. Стало даже страшно от мысли, что она рассчитывала на то, что я сейчас выйду из автобуса. Что изменилось за последние часы, что они так уверены в своих словах?

— У меня есть жених. — Сказала не столько ей, сколько напомнила себе, что у меня есть защитник.

— Этот кучерявый Фасулаки? — Пренебрежительно спросила Ксения Олеговна. — Слабака ты в мужья выбрала, Соломина. Стыдно так в мужиках ошибаться. Хотя какие твои годы! В общем, он уже получил то, что хотел — твое имущество и отказался от женитьбы на тебе.

— Чушь! — У меня от отчаяния, равного которому я никогда раньше не испытывала, перехватило дыхание. И я чтобы мои "гости" не видели слез, нахлынувших мне на глаза, наклонилась к полу и стала ногой собирать в кучу разбросанные у входа осколки мусора.

Если она говорила правду, и Анастас просто обманывал меня из-за мешков из-под мусора, набитых обычными иномирными тряпками, я просто не смогу жить. Не знаю, влюбилась ли я в Анастаса, но я ему поверила. И в свою жизнь в этом мире рядом с ним поверила. И в его надёжность и бескорыстную помощь поверила. Даже в то, что он лучший мужчина на свете, тоже поверила. И начала думать, что не стоило мне так переживать из-за потери своего мира, раз взамен я получила Анастаса. И если меня предал он, я из автобуса не выйду, чтобы мне не пообещали.

— Дева Кира Владимировна Соломина, — произнес хриловатым низким голосом Агелай Пирр, — ваш бывший жених и вправду отказался от женитьбы. И это несмотря на то, что я лично пообещал быть его свидетелем, если он женится на тебе сегодня до заката. Я и Отец города обещали вам безопасность и обряд в самом высоком храме города. У меня

больше нет сил и дальше держать осколок чужого мира. Мы с отцом вынуждены отпустить эту колесницу. Тогда погибнете вы, я и мой отец, который уже сейчас очень слаб. Поверьте, мне стыдно, что гражданин Оруэлла — Анастас Фасулаки из рода Кавьяр — обманул вас. Их род всегда был знаменит слабыми духом мужчинами. А вы вызываете мое уважение храбростью и стойкостью. И, если вы согласитесь стать моей женой, я обещаю вам статус второй жены, безопасность и сытую жизнь.

Слова этого человека доносились до меня как будто гул из другой Вселенной. Я не могла понять их смысл, только звучание имени моего жениха прозвучала как раскат грома. Но я продолжала думать, в каком контексте его произнеси, когда услышала следующие слова:

— Агелай, что ты сейчас сказал? — Возмущено проговорила Ксения Олеговна. — Я твоя жена! Я против твоей новой женитьбы!

— Ты стара! — Чуть ли не выплюнул Агелай Пирр. — И не можешь понести от меня даже со своими иномирными капсулами!

— Мы поженились только несколько дней назад! Когда я должна была понести от тебя? Мне нужно время.

— Старый рваный мешок даже со временем не наполнится жизнью!

Ксения Олеговна уязвленная таким, даже на мой взгляд несправедливым, упрёком долго не могла подобрать слов, только безмолвно открывала и закрывала рот.

— Агелай, — наконец, нашлась она что сказать.

Только маг не позволил ей договорить:

— Не мешай, женщина. Отправляйся домой и займись праздничным ужином.

Уже разворачиваясь в нужную сторону, чтобы поспешить выполнять приказ мужа, Ксения Олеговна, все же, задала ему вопрос:

— Праздничный ужин? Почему праздничный ужин?

— Потому что я женюсь! Пропади с моих глаз и займись своими женскими обязанностями!

Если до этого момента я пребывала в шоке от возможного предательства Анастаса и не воспринимала всерьез предложение мага из рода Магикир, то сейчас я увидела, что он абсолютно уверен в том, что я выйду за него замуж. Праздничный ужин ему понадобился!

И злость моя была холодной и от этого не менее сильной.

— Выходи, дева Кира. — Отправив жену готовить для нас ужин, проговорил Агелай Пирр. — Нам уже пора в храм.

Сдержатъ смех я просто не смогла. И не в моей власти было помешать смеху перерасти в хохот. Я хохотала над сложившейся ситуации истерически, как не заливалась даже над шутками Алекса и Коляна в нашей прошлой беззаботной жизни.

— Ты смеешь надо мной смеяться? — Уже не так снисходительно спросил меня маг, претендующий на роль моего мужа.

Я же смогла только замахать на него руками, подавить смех я была не в силах.

— Не смей себя так вести! — Зло приказал Агелай Пирр.

— А как я себя веду? — Сквозь смех, уже прерывающийся икотой, спросила я виновника всех моих несчастий.

— Ты выказываешь мне неуважение, дева! За это тебя ждёт наказание!

— Да ну. Как же вы меня накажите? Женитесь на мне? Так я не согласна выходить замуж за многоженца и морального уroda. И за что вас уважать? За кражу людей из другого

мира? А может, за ваше мнимое благородство и магическую мощь?

— Я тебе язык вырву раскалёнными щипцами... — Прошипел уже далеко не великодушный жених.

Но меня не пугали ни его угрозы, ни его искривившееся в гневе лицо. Я была уверена, что он не сможет сделать мне больнее, чем Анастас. Поэтому я продолжила бесить его ещё сильнее:

— Вырвешь язык мне? Ты со своей ущербной магией и убогой хитростью не смог выманить или вытащить меня из автобуса. Уж с моим-то языком тебе точно не справиться!

— Довольно! Время разговоров закончилось! — Крикнул Агелай Пирр, и туман вокруг автобуса развеялся без следа. Я снова увидела гору Оруэлл, но большее внимание к себе привлекала толпа мужчин, показавшаяся перед автобусом, как только исчез уже привычный мне туман.

А самым интересным и, с другой стороны, устрашающим было то, что около двадцати мужиков стояли по бокам широкого бревна, лежащего на земле обмотанным веревкой.

— Сейчас же выходи из своей колесницы, дева, или я выбью тебя из нее, — угрожающим тоном произнес Агелай Пирр.

А я была уверена в надёжности своего убежища. И, что не менее важно, мне уже была безразлична моя жизнь. С растоптанной душой и разорванным сердцем оказалось жить намного тяжелее, чем без еды, воды и элементарных благ цивилизации.

Я отошла в глубь салона и через разбитое окно наблюдала, как несколько десятков мужчин поднимают бревно на плечи, ухватившись за петли из веревки.

Я встретила с победным взглядом Агелай Пирра, брошенным на меня через окно и он скомандовал:

— Раз. Разбег. Удар!

Его прихлебатели разбежались и со всего размаху ударили мой автобус своим тараном. Удар бревном пришелся правее входных дверей. Бревно пробило стену возле окна и заметно вмяло стенку внутрь салона, почти напротив сидения водителя. От самого удара автобус сильно тряхнуло, и на несколько секунд переднее колесо с правой стороны автобуса даже зависло в воздухе. Я же внутри своего убежища не смогла устоять на ногах и растянулась на полу, хорошо хоть в этот раз каким-то чудом не упала в осколки стекла, все ещё разбросанные по полу. Наверно, мое везение можно объяснить тем, что все они находились под сиденьями, я же упала между рядами.

Когда я, отряхиваясь поднялась на ноги, то увидела, что мужики бросили тлеющее бревно на землю и обливают его водой из разных ёмкостей. Значит, не без гордости заметила я, мой автобус нанес им ответный удар.

— Дева! Прими свое поражение и выходи! И, может быть, я даже буду милостив к тебе! — Крикнул муж мой бывшей классной руководительницы.

Кто бы на моем месте после такого сомнительного обещания вышел из надёжного убежища? И я не стала выходить.

— Назад. — Скомандовал своим людям Агелай Пирр. — Готовность. Раз. Разбег. Удар!

Второй удар бревном пришелся с другой стороны двери и, прочесав стену снизу, он влетел через окно в салон автобуса и остановил свой полет, только пробив противоположную стену автобуса. Бревно, застрявшее в автобусе, начало тлеть, поднимая клубы дыма, который разъедал мне глаза и мешал дышать. Я, упавшая и от этого удара, не стала подниматься на ноги, потому что на полу дыма было меньше.

— Несите второй таран! — Скомандовал худший из представителей рода Магикир. Ему-то на свежем воздухе дышать было проще, чем мне.

Я натянула футболку на нос и рот, чтобы хоть как-то дышать. И доползла до конца автобуса, чтобы забиться там в угол. Несмотря на свое бедственное положение, я не могла не радоваться тому, что бревно не стало гореть, как это обычно делает древесина. А, тлея, просто испарялось в воздухе. Когда на улице стало очень шумно и светло, я приподнялась, чтобы выглянуть в окно. Агелай Пирр готовился таранить мое убежище третий раз. Мужики уже принесли следующее бревно, и все их действия освещал свет множества горящих факелов.

— Бьем ниже. Раз. Разбег. Удар! — Разнеслись команды Агелай Пирра.

На этот раз он даже не предложил мне покинуть автобус. Это было неприятно, ведь означало окончательную непримиримость магов со мной. Значит, моя жизнь уже ни для кого не имеет никакой ценности. Но они же не могли забыть, что от моей жизни зависит и жизнь обоих магов из рода Магикир? Ведь магия связала их жизни со мной.

Третий удар тараном вмял правую стену в салон, приподняв автобус с этого бока. Наверняка, колеса, и передние, и задние, ненадолго зависли в воздухе. А мне даже показалось, что автобус в этот момент перевернется на бок. Но мое убежище устояло! Автобус, дернувшись как раненый зверь, опустился на свои колеса. А у меня из глаз полились слезы радости. Удивительно, но моим самым верным и надёжным защитником в этом мире оказался именно бездушный автобус. Я с благодарностью погладила рукой его стенку.

Отвлекли меня от моего защитника вопли, донесшиеся издалека. И кричавшие люди быстро приближались к автобусу. Я встала и, прижимаясь спиной к стене автобуса, начала всматриваться в ярко освещенное огнем факелов пространство.

— Агелай! — Я узнала голос Ксении Олеговны. — Агелай! — Рядом с ней бежали размахивая руками, ещё несколько человек.

Добежав до Агелай Пирра, они начали что-то одновременно говорить ему. Только у меня не получалось разобрать их слова. Но крик самого мага я хорошо услышала. И дальнейшие его слова и действия надолго врезались мне в память.

— Нет! Нет! Нет! Это ты виновата, ведьма! — С этими словами маг одной рукой вцепился в горло Ксении Олеговны, а второй нанес ей два удара по щеке. И удары эти были такой силы, что женщина, размякнув, повисла в его руке.

— Твари! Ведьмы! Из-за вас погиб и мой отец! Ненавижу! Вы обе умрёте! — Прокричав это, обезумевший Агелай Пирр из рода Магикир встряхнул безжизненное тело своей жены, потом поднял ее выше и бросил в автобус. Она спиной влетела через дверь в салон и, долетев до противоположной стены, упала там на сиденье. И в абсолютной тишине на моих глазах эта женщина, которая испортила жизнь целому классу своих учеников и их семьям, начала тлеть и испаряться в воздухе.

Я от ужаса происходящего примерзла к полу и не смогла даже сделать шаг, чтобы выбросить сгорающего человека за пределы автобуса. А сама Ксения Олеговна или была без сознания, или уже погибла, не выдержав побоев мужа.

— Готовьте факелы! — Донеслась до меня следующая команда Агелай Пирра — Размах! Бросок!

И во все разбитые окна автобуса начали влетать горящие факелы. Они, продолжая гореть, бились о стены, поднимая столпы искр, падали на металлические сиденья и пол. И к

и так тяжёлому духу горелой древесины, стоящему в автобусе, добавился более резкий и невыносимый запах плавящейся резины. Автобус заполнил черный дым. Мне пришлось снова упасть на пол, чтобы не задохнуться.

А за пределами автобуса продолжали раздаваться мужские голоса и звуки удаляющихся шагов. Я с трудом приподнялась на руках и высунула лицо в окно. Я была очень рада, что на них нет стекол и, я смогла проморгаться от рези в глазах и подышать чистым воздухом.

И сейчас я уже больше боялась не задохнуться, а сгореть в своем автобусе. Но он снова порадовал меня, потому что факелы, брошенные в него, не только погасли, но и почти испарились в воздухе, оставив за собой только немного пыли. Только пыль осталась и от бревна, и даже от Ксении Олеговны. Я желала ей скорой и жестокой кары за ее отвратительный поступок, только свидетелем ее гибели мне быть не хотелось.

И наступила тишина. В автобусе везде лежали клубы пыли, а ветер, гуляющий по салону, не только играл этой пылью, но и очищал воздух от запахов. Но мне было противно от мысли, что по автобусу может разноситься и прах Ксении Олеговны. Эта мысль вытесняла из моей головы все остальные более-менее важные думы.

Только не думать об Анастасе не получалось. Разве мог такой искренний и внимательный человек предать? Магикир могли солгать, оговорить моего жениха. Тогда почему он не пришел мне на помощь? Он же говорил, что уверен в своих друзьях и семье. Они должны были помочь ему. Туман уже давно не окружал это место, и Анастас не мог не видеть, как меня чуть не сожгли. И развороченный автобус буквально кричит о происходившем здесь бое. Битве десятков мужчин против одной старшеклассницы и ее автобуса!

27. Глупые предложения, сны и магия сноходцев

Мне очень хотелось пить. Только приближаться к тому месту, где каких-то полчаса назад лежала Ксения Олеговна, мне было невыносимо сложно. А потом я подумала, что в бутылке-то воды почти и не оставалось, вряд ли один-два глотка дождевой воды, которая ещё оставалась в пластиковой бутылке, помогут мне избавиться от металлического привкуса во рту и комка, стоящего в горле. И я продолжала сидеть как можно дальше от дверей, где и погибла моя бывшая классная руководительница. Почему Агелай Пирр не позволил ей умереть под голубым небом? Неужели нужно было закидывать ее в автобус?

Может, я на короткое время забывалась во сне или даже теряла сознание, но в очередной раз я пришла в себя от знакомого голоса, и я буквально подлетела на месте и выглянула в окно, обрадовавшись силуэту кучерявой головы на потолке автобуса.

Но возле автобуса стоял не Анастас, а его старший брат Костас. В одной руке он держал горевший факел. Увидев меня, стоящую у окна, он почему-то вздрогнул, а потом слегка кивнул мне. Наверно, это было его приветствие.

— Костас, где Анастас? — Спросила я его. — Почему пришел ты, а не он?

— Дома. — Односложно ответил брат моего жениха. — Я рад, что вы выжили. Кирочка. Я проигнорировала это неуместное обращение:

— А почему Анастас не пришел? — Повторила я свой второй вопрос.

— Он отказывается видеть тебя. — Прозвучали самые страшные для меня слова. Только Костас продолжил быстро говорить, оправдывая младшего брата. — Кирочка, ты не думай о нем плохо. Просто он ещё не готов к женитьбе. Ему же только шестнадцать лет. Он даже меня младше. Просто Анастас сначала не понимал, какая это ответственность и поторопился сделать тебе предложение и надавал обещаний, которые не в силах сдержать.

— Понятно. — С трудом выговорила я.

— Ты, Кирочка, не переживай, твое имущество в безопасности. Мы ничего не тронули.

И как только ты выберешь себе другого жениха, то сразу заберёшь свои вещи и всех рабов.

— А моих друзей ещё не сделали свободными людьми? — По-настоящему, беспокоясь о них, спросила Костаса.

— Нет. Ты сама должна это сделать. Анастас же уже не имеет на них прав. Их купили на твое имущество. А вы с моим братом больше не помолвлены.

Я кивнула, сдерживая слезы. Хотелось, конечно, воскликнуть: почему Анастасу не хватило смелости, прежде чем отказаться от женитьбы на мне, отпустить на свободу моих друзей. А сейчас кому передадут моих друзей, если я не смогу их отпустить? А я не смогу это сделать, если для этого нужно будет покинуть автобус. Но с другой стороны, значит, Ксения Олеговна мне лгала, Анастаса не мое приданое интересовало, раз он заявил, что не имеет права на рабов, выкупленных на мое имущество.

Подумала, зачем я гадаю и ищу объяснение поступкам Анастаса, если я могу просить обо всем его брата?

— Костас, — когда он, прищурившись, посмотрел на меня, я продолжила, — почему Анастас отказался от меня? Его заставили? Может, его били? Магикир, по-моему, способен на любую подлость.

Костас закашлялся и, только успокоившись, проговорил:

— Магикир — род величайших магов. А Анастас просто не умеет слушать советов.

— Каких советов? Ему посоветовали бросить меня? Его мучили? — Я не хотела, чтобы Анастаса мучили. Хоть его поступок и раздавил мое сердце, но именно ему я ничего плохого не желала. Ему же, как напомнил мне Костас, всего шестнадцать лет в этом мире. Но мне было бы не так обидно знать, что он не просто отказался от нас, а его это сделать вынудили злобные Магикир.

Костас долго молчал, прежде чем ответить мне. А потом, дернувшись, посмотрел в сторону и ответил:

— Анастас сказал, что я тебе тоже понравился. Мы же с ним похожи. И ты много спрашивала обо мне. Поэтому ты могла бы стать моей женой. Ну, Малая, решайся.

Меня этот Костас стал сильно раздражать. Его обращение ко мне по уменьшительно-ласкательному имени стало сразу резать слух. Мне не нравилось такое обращение. А сейчас, после своего глупого предложения, он меня ещё и Малой назвал. Так меня только одноклассники называли. Но они это право заслужили совместным взрослением со мной, нашими долгими спорами и своей выдержкой, когда я била их рюкзаком по голове. Какое имеет право какой-то Фасулаки, брат бросившего меня парня, так меня называть? Ещё и замуж меня зовёт!

— Кирочка, если я тебе не нравлюсь, то наш старший брат, Фотис, обязательно должен тебе понравиться. Он не смог сейчас прийти, но и он готов стать твоим мужем. Это будет даже более выгодная партия для тебя. У нашего брата есть дом, и в войны он не рвется.

А это глупое предложение было самым закономерным завершением сегодняшнего безумного дня!

Только Костас продолжал меня уговаривать:

— Я же уже говорил, что и Фотис кучерявый и светловолосый? Мы в семье все с светлыми кучерявыми волосами. А Фотис, как и я, готов сделать тебя счастливой.

— По-вашему, быть кучерявыми блондинами достаточно, чтобы понравиться мне? — С

сарказмом спросила я.

— Да! Конечно! — Радостно ответил Костас. — И наши старшие братья, хоть и женаты, но тоже похожи на Анастаса внешне. И если ты согласишься, можешь даже стать второй женой одного из них.

Мне уже казалось, что я надышались отравляющих веществ во время кратковременного возгорания в автобусе. Ведь Костас нес полнейшую глупость! Как можно предлагать брошенной невесте брата выйти за любого другого мужика их семьи? А может для местной морали это нормально?

Я невольно стала дурачиться:

— А ваши старшие братья тоже очень хотят сделать меня счастливой?

Костас, опустив голову, пнул несколько камешков на земле. Потом он снова посмотрел в сторону и, взглянув уже на меня, ответил:

— Наши старшие братья сейчас не дома. Они уехали пару дней назад по делам торговли. Но они честные и ответственные люди, и будут заботиться о тебе, Малая.

— А их прически должны стать для меня приятным бонусом? — Все меньше удивляясь тому, что и я начала глупеть спросила я у Костаса.

Хорошо, что он просто пожал плечами, не ответив на мой вопрос.

— Малая, — хотел он что-то мне сказать.

А я очень сейчас пожалела, что не оставила себе хотя бы гаечный ключ, чтобы запустить им в Костаса, так меня бесило его обращение ко мне. А одергивать его, тратя на это время, я не хотела.

— Костас, почему ты все время смотришь в ту сторону, — я указала пальцем в сторону, куда он постоянно оглядывается. — Там прячется Анастас?

— Что? — Удивился он. — Нет, конечно! Анастас сюда не придет. Он, наверно, уже спит. Уже поздно, всем пора спать.

Даже ухмыльнулась от его последних слов. Я, наверно, больше никогда не смогу просто спать.

— Ну, Кирочка, так ты согласна стать моей женой?

— Нет! — Ответила я на повторное предложение Костаса.

— А за Фотиса или других наших братьев?

— Нет. — Ответила ему уже спокойнее.

— Тогда, может, ты согласна выйти замуж за кого-нибудь другого из Оруэлла? У Агелай Пирра совсем недавно умер отец. Теперь он один держит магией твою колесницу в нашем мире. Вы оба можете погибнуть в любой момент. Согласись выйти замуж хоть за кого-нибудь другого, Малая.

— Я уже согласилась стать женой Анастаса. — А когда Костас попытался мне возразить, я подняла руку, чтобы он меня не перебивал. — Передай своему брату, что он меня сильно обидел. И я не выйду ни за кого другого замуж. И из своего автобуса не выйду. А магов Магикир мне не жаль. Они получили по заслугам.

Костас неожиданно широко улыбнулся на мои слова, а потом судорожным движением руки закрыл себе рот. Даже чуть не выронил факел.

— Это твое решение, Кирочка. — Через какое-то время сказал он. — Но ты поспи, на свежую голову все видется иначе. И сны не всегда бывают кошмарами. Просто выспись, Малая.

С этими словами он ушел, и мир снова стал темным. Даже свет звёзд больше не освещал

окрестности. А сейчас даже тумана не было, наверно, чтобы я бы могла лучше присмотреться к чужому миру. Только за пределами автобуса кто-то копошился и шумел, поэтому я села на пол, чтобы никто не мог меня видеть.

Меня не отпускала навязчивая мысль, что Костас настойчиво пытался мне что-то сказать. Может, я просто не понимала иносказаний местных жителей? Вот так, восстанавливая в памяти и обдумывая фразы Костаса, я погрузилась в тяжелый сон.

Я, стоя на пороге нашей кухни, смотрела на завтракающих родителей.

— Мам, дай, пожалуйста, дома остаться. Я посуду помою, и, может, еще и гречку к ужину сварю. — Это всегда была более чем щедрая взятка с моей стороны. И обычно мама против такого подкупа не могла устоять. Но сейчас я знала, что она не уступит, слишком сильно Ксения Олеговна настаивала на моем присутствии на экскурсии.

И мама, как всегда ответила немногословно, она просто отрицательно покачала головой. И более красноречиво начала сверлить меня недовольным взглядом.

— Пап, скажи ей, — перевела я жалобный взгляд на отца. Я не могла рассказать ему, куда я попаду со всем своим классом. И что из Королевства Пяти Гор я уже не вернусь домой.

Только мой взгляд, как и в прошлый раз, не нес весомой смысловой нагрузки, потому что отец отпил из кружки огненного чая, и пробасил:

— Не спорь с матерью. Ее даже я слушаюсь.

Последняя моя надежда не просто провести целый день в теплой кроватке, но и остаться в своем мире, разлетелась на множество капелек, как мыльный пузырь.

Пришлось закинуть на спину рюкзак и, громче топая по полу, направиться в прихожую.

— Не шуми, брата разбудишь, и соседи станут возмущаться, — крикнула мать.

— А почему кто-то должен спать, когда мне такая роскошь недоступна? — Проговорила я громко, надеясь, что братишка меня услышит. Он-то мог уговорить родителей оставить меня дома. Почему я сейчас не могла просто закрыться в своей комнате? Я же знаю, что меня ждет вместо экскурсии на контактную ферму! Это же так просто: развернуться и уйти в свою комнату, запереться изнутри, надеть наушники и включить музыку на всю мощь, чтобы барабанные перепонки не улавливали больше никаких звуков.

— Дочь! — Крикнул отец. Я ждала продолжения, и он закончил проговаривать уже слышанные мной слова. — Возьми из кармана моей куртки пару бумажек на сладости.

Не радостно, но громко я спросила:

— Красненьких? С пятеркой и тремя нулями? — А сама взмолилась, чтобы папа вышел в прихожую. Может, я хоть насмотрюсь на него перед разлукой.

До меня донесся папин громогласный хохот. Почему брат его не услышал и не проснулся?

— Если найдешь, Кира, забирай и красные.

Мама снова шикнула, чтобы мы не шумели. А я полезла в папины карманы, но там не было денег. Все карманы были набиты пеплом и осколками разбитых стекол. Я обтерла руку о свои джинсовые штаны и, ступая тихо, добралась до кухни и сказала папе и маме те же слова, что и в наше последнее утро:

— Продолжайте завтрак. Меня провожать не надо.

— Никто и не собирался. — Вставила мама. Но при этом она посмотрела на меня и улыбнулась с такой нежностью, что у меня сильнее забилося сердце.

— Если не вернусь, папа, мама, знайте, вы лучшие родители в этом мире. — Я

почувствовала, как слезы побежали по моим щекам. Мама быстро отложила столовые приборы и встала из-за стола. А папа продолжал сидеть, но я снова поймала его взгляд, выражающий боль, как будто он услышал что-то жуткое.

— Дочь, — протянула маме ко мне руки, и я поспешила ее обнять. Не помню, чтобы мы с ней когда-нибудь нежничали. А сейчас эти объятия были такими теплыми, что они восполнили все объятия, которые мама могла подарить мне за всю нашу жизнь.

Папа, все также сидя за столом, подозвал меня к себе.

— Кира, я не могу встать. — Сказал он.

Конечно, я наклонилась, чтобы обнять и его. Я всегда была папиной дочкой. И спала с ним, пока у нас в семье не появился еще один ребенок. Папа всегда был для меня самым щедрым на объятия, слова поддержки и заботу. Но это наше последнее объятие для меня было не просто прощанием, это была моя благодарность самому лучшему папе во всех мирах.

— Я еще долго не смогу подняться. — Проговорил папа. — Кира, я не знал, что потеряю тебя...

— Папа, ты и не мог ничего знать. — Сказала я, обнимая его крепче. — И ты меня не потерял. Я навсегда останусь твоей дочкой. А ты всегда будешь моей силой...

— От судьбы не сбежишь, Кира. Все у тебя будет хорошо. — Сказала мама.

Я, не поворачиваясь к папе и маме спиной, отступила к двери и, послав им воздушный поцелуй, быстро прошла прихожую. Открыв входную дверь, я уже хотела шагнуть на лестничную площадку, когда прозвучавшие одновременно голоса папы и мамы, остановили мою занесенную ногу...

...Я чуть не выскочила из автобуса. Мне осталось сделать только шаг, чтобы шагнуть на землю чужого мира и остаться без защиты своего автобуса. И я, оттолкнувшись от покореженной стенки, упала на грязную ступеньку автобуса. В ужасе от того, что я только что могла совершить, я поднялась на ослабевших ногах и отправилась к концу своего убежища. Хотела по дороге захватить из-под сиденья бутылку с остатками дождевой воды, но она закатилась именно под то сиденье, на котором лежала Ксения Олеговна, и я прошла мимо этого места.

Снова сев на пол, я своей уже достаточно грязной футболкой вытерла слезы со своих щек. Мне показалось, что я во сне простилась с папой и мамой. И от этого мне стало чуть легче.

Наверно, я снова уснула...

Возле автобуса раздалися шаги, которые приближались к входу. Я увидела через окно кучерявую копну волос. И сейчас возле автобуса стоял именно Анастас.

— Кира, я зайду? — Спросил он, сразу шагнув на первую из ступеней. И он не начал тлеть или гореть.

Анастас был аккуратно причесан и наряжен в чистую белоснежную одежду. Его одеяние даже светилось, отчего в автобусе становилось светлее.

— Ты мне снишься? — Приближаясь к нему, задала я вопрос, вместо того, чтобы наброситься на него с упреками.

Анастас отвел руки в разные стороны:

— Почти. Это магия сноходцев.

— Ты пришел ко мне во сне? — Любуясь им, задала я следующий вопрос. — В белой одежде?

Анастас покаянно вздохнул:

— Решил хоть во сне быть нарядным. В реальной жизни я у меня это не очень-то получается.

Он был таким милым и красивым, что я не сразу вспомнила о его предательстве. А как только вспомнила, не стала упрекать его в слабости и ненадежности. Но не смогла не сказать, что было очень больно.

— Я тебя не предал! Ты же все поняла. — Сказал он в свое оправдание.

— Что я поняла? Ты не пришел ко мне, как обещал, до заката. — Я оставалась спокойной, нельзя было переводить наш разговор на одни эмоции.

— Так было нужно...

— Кому и что нужно? Тебе помешали? Заставили отказаться от меня? Может, тебя еще и били? — Пока я забрасывала его вопросами, я подошла к нему совсем близко. И Анастас, отстраняясь от меня, присел на сиденье.

— Встань! — Строго сказала я ему. — Там умерла Ксения Олеговна! — Анастас послушно пересел на другое место. И попросил сесть и меня, только подальше от него, чтобы он не потерял контроль над магией. Я снова повторила свои вопросы.

— Нет! Меня не заставляли отказаться от женитьбы. — Проговорил мой бывший жених. — Наоборот, они хотели быстрее нас поженить.

— А ты не готов к семейной жизни? — Постаралась я сдержать презрение. — Боишься ответственности?

Анастас пристально всматриваясь в меня, ответил:

— Я мужчина. И всегда отвечаю за свои слова. И ничего не боюсь. Может, потерять тебя было бы для меня худшим из потерь.

— Тогда почему?! — Я уже не могла сидеть и сохранять спокойствие было выше моих сил.

— Меня приняли в сагитары. — Невпопад ответил Анастас. — Неожиданно. Я случайно узнал, что Отец города выкупил одно место в приграничную с торокками крепость. И я скоро должен отправиться на место обучения военному делу. Я же тебе говорил, кто должен заботиться о семьях новобранцев? Я не мог оставить тебя Отцу города и роду Магикир. Поэтому и отказался от женитьбы.

— И что нам делать? — Обескураженная новостью, спросила у нарядного парня. — Я не смогу в автобусе дожидаться, пока ты окончишь обучение.

— После того, что Агелай Пирр устроил здесь, жители Оруэлла встали на нашу сторону. Семьи моих друзей больше не запрещают им помогать мне. Костас отдал свое место сагитара тебе, и Отец города вынужден был одобрить замену Костаса тобой. Мы вместе отправимся на службу. — Закончил Анастас.

— Но Костас звал меня замуж за себя и за Фотиса, и за других ваших братьев, — до конца не понимая произошедшего, сказала я.

Анастас приподнял бровь:

— Так надо было, на нашу семью давил Отец города. Но ты же поняла намеки Костаса, поэтому и не вышла из своей колесницы?

Но я никаких намеков Костаса не поняла. И не вышла из автобуса, потому что ни за кого, кроме Анастаса замуж идти не хотела. Тогда Анастас мне объяснил в максимально простых выражениях, что произошло вечером.

Он, как только ушел от меня, начал собирать друзей для свидетельства нашего

Нерасторжимого союза, и заглянул домой, чтобы переодеться. Там его дождался Костас и мои выкупленные друзья. Рома узнал от бывшего хозяина, сочувствующего всем перемещенным, что Отец города Оруэлл смог выкупить у Отца города Метемна одно место для службы в приграничную крепость. И бумаги об отправлении Анастаса уже подписаны. Поэтому Магикир спокойно дожидались, пока я покину автобус и стану женой воина, который вынужден будет уехать на службу, оставив меня в Оруэлле. Конечно, узнав, что защитить меня уже не сможет, Анастас отказался от женитьбы. И все те, кто раньше отговаривал его от союза со мной, сейчас начали настаивать на нашей немедленной свадьбе. А Агелай Пирр и Отец города обещали безопасность, лично проводить нас до храма и провести роскошную свадьбу на их средства.

Когда Анастас не поддался на уговоры, они начали угрожать их семье. А у них дом полон детей, а двух старших братьев нет дома. Тогда, чтобы оттянуть время, Костас пообещал Отцу города, что уговорит меня выйти замуж за него, он же тоже уезжает на службу. А Анастас рассказал брату, чтобы он, обращаясь ко мне, называл меня Кирочкой и Малой. Анастас вспомнил мой рассказ о Коляне, которую я как-то поведала ему. Ведь мой одноклассник использовал имя Кирочка, чтобы я не доверяла его словам. А Малой меня называли только одноклассники. И Анастас подумал, что такое обращение от чужого мне человека, Костаса, должно меня насторожить. А меня эти обращения просто раздражали!

Цель братьев Фасулаки было потянуть время хотя бы несколько дней, пока Отец города подпишет его прошение о зачислении на военную службу меня вместо Костаса.

А после того, как Магикир устроили свистопляску у автобуса, Агелай Пирр при свидетелях убил свою жену. И от ударов тараном по осколку чужого мира случилось магическое перенапряжение, из-за которого погиб отец Пирра, все граждане стали давить на политика. От Отца города требовали справедливости, и поэтому он уже подписал необходимые бумаги. Сейчас я с Анастасом могу уехать на обучение военному делу. Только нам надо быстрее пожениться, чтобы я могла оказаться дома у мужа. Нас там будут охранять его родственники и друзья, пока мы отправимся в путь. И мои друзья, которые пока еще считаются моими рабами, смогут поехать с нами. Свободу они получают уже в военной крепости и тоже смогут начать службу, но только с самой сложной и грязной работы.

— Только Магикир могут нам помешать. — Сказал Анастас. — Поэтому я приду завтра рано утром, сразу после рассвета. Со мной будут люди, который станут свидетелями. И мы заключим Нерасторжимый союз. Для этого нам нужно по три раза, держась за руки, произнести ритуальную фразу: «Перед Богом и людьми: я твой муж, и ты моя жена навеки». Это мои слова. — Уточнил Анастас.

— Перед Богом и людьми: ты мой муж, и я твоя жена навеки. — Произнесла я. — Это мои слова?

Анастас кивнул.

— Ничего сложного. — Подвела я итог.

Анастас снова кивнул, но уточнил:

— Тебе нельзя покидать колесницы, пока не станешь моей женой. Магикир сейчас в отчаянье, и способны на любую подлость. А мою жену, замены которой после Нерасторжимого союза уже не будет, собой закроют все мои родичи и друзья.

— А как нам держаться за руки, если я буду в автобусе? — Вспомнила я условие произнесения ритуальных фраз. — Анастас, ты же сгоришь.

— Одну-то минуту я выдержу. — Самоуверенно заявил Анастас. — А там больше и не

надо.

Мне не хотелось соглашаться с проведением ритуала в такой форме. Анастас может остаться без руки. Я сегодня уже видела, как быстро испаряется человеческая плоть в автобусе. Но, наверняка, братья Фасулаки обдумали не раз все варианты. Они лучше знают местные правила и хорошо понимают, чего можно ожидать от Магикир. Если даже с поддержкой своей родни и друзей, Анастас опасается за мою жизнь, значит... Это значит, что он готов принести себя в жертву, лишь бы дать мне шанс выжить.

— Все будет хорошо. Я смогу защитить свою женщину и сделаю тебя счастливой. — С убежденностью в своих словах сказал Анастас.

И я ему поверила. Поверила, что он выдержит, когда его рука, сжимающая мою ладонь, будет гореть. И в то, что защитит меня и сделает счастливой.

Я хотела обнять Анастаса на прощанье, когда он собрался покинуть мой убежище. Только он поднял руку, останавливая меня:

— Кира, это будут навеянные объятия. Потерпим до завтра. Хочу, чтобы наши первые объятия и поцелуи были настоящими.

А я бы сейчас ни от чего навеянного не отказалась. Пусть были бы навеянные объятия и навеянная вода... Ну ладно, потерплю до утра. Скоро наши мучения должны закончиться.

Подмигнув мне, Анастас испарился в воздухе. Но он пропадал не так, как это делали реальные предметы из автобуса. Если они как будто бы расщеплялись в пространстве, то облик моего жениха стал постепенно бледнеть. И в какой-то момент, только на доли секунда, вместо ухоженного парня в белоснежной одежде передо мной оказался сильно избитый Анастас, с гематомами на лице, засохшей кровью в волосах, перевязанной рукой и повязкой на груди, сделанной поверх одежды. И одет он был в ту же одежду, что и сегодня днем.

28. Перед Богом и людьми...

Мне, все-таки, пришлось достать бутылку из-под злополучного сиденья. Но отпила я из нее только глоток воды, а остальную влагу пришлось потратить на то, чтобы хоть немного очистить свои руки и лицо. В этот раз я впервые в жизни помянула недобрым словом свою хозяйственность с бережливостью. Я же не оставила в автобусе ничего, чтобы можно было использовать это как салфетки: ни саму пачку с влажными антибактериальными салфетками, ни туалетную бумагу, ни полотенце, ни даже какую-нибудь запасную одежду. Я утром так была уверена в том, что уже наступающую ночь проведу в доме Анастаса, что все свои вещи упаковала в мешки и отправила к нему на виллу.

А сейчас мне нужно было хоть как-то привести себя в приличный вид. Одной пригоршней воды это сделать было невозможно. Пришлось мне опуститься на пол, снять свою футболку и, намочив ее край небольшим количеством воды, просто протереть ею лицо и руки. Футболку свою я и так не смогла бы отстирать, так что никто и не заметит, что на ней одним пятном стало больше. После того, как я обтерла лицо и руки, пришлось мне снова надеть свою далеко не самую свежую футболку.

Зеркала, что бы проверить, насколько я стала чище, у меня не было, но я из-за этого не сильно расстроилась. Меня больше волновала мысль, почему Анастас раньше ко мне во снах не приходил. Ведь мы могли бы столько всего друг другу рассказать. Я помнила, что он как-то сказал, что магия сноходцев — это очень тонкое искусство и магу нужно не только в совершенстве владеть своей силой, но и применять ее в правильный момент. Может, просто раньше он не мог пробиться ко мне, потому что не наступал «правильный момент». Агелай

Пирр, хоть и намного сильнее Анастаса, тоже не часто мог влиять на меня своими «реальными» иллюзиями.

И ещё меня сильно беспокоила то, каким выглядел Анастас, когда его иллюзия стала бледнеть. Выходит, его и вправду мучили? Почему же его не защищает семья? И защитят ли Фасулаки меня, только потому, что я стала его женой?

Несмотря на общую слабость и сильную подавленность заснуть у меня не получалось. Хотя я очень хотела снова увидеть Анастаса, ведь во сне он был таким настоящим и милым. Не могла не радоваться, что в эту встречу я не стала его обвинять в предательстве и обижать недоверием.

Однако, если попытаться думать с точки зрения местных жителей, то Анастас почти отступник. Он единственный открыто встал на мою сторону, и отказался выдавать меня роду Магикир. Более того Анастас своих родственников и друзей перетянул на свою сторону, и, наверняка, сейчас в Оруэлле кипят нешуточные страсти. Хорошо, хоть люди своими глазами увидели, что Агелай Пирр жестокий и несдержанный человек. Убийство Ксении Олеговны и попытки, протаранив автобус, добраться до меня открыло людям глаза на истинное лицо мага. И сейчас многие из них перешли на сторону Анастаса.

Я почти всю ночь, лишь с небольшими перерывами повторяла фразу, которую мне нужно было произнести громко, четко и главное, как можно быстрее. Ведь каждую секунду промедления Анастас будет испытывать боль, которой он не заслуживал. Да никто не заслуживает гореть заживо. Бог даже Ксению Олеговну избавил вчера от таких мучений, оставляя ее в бессознательном состоянии.

— Перед Богом и людьми: ты мой муж, и я твоя жена навеки. — Повторяла я громко и шепотом, меняя интонации и даже представляя своего будущего мужа.

Странно, но именно эти слова наполняли меня гордостью. А раньше, когда я смотрела фильмы с душещипательными моментами, когда молодожены произносили клятвы о вечной любви и верности, я испытывала испанский стыд. В те времена чужая любовь и вера в ее бесконечность казалась такой глупостью. А сейчас все было иначе. Мы с Анастасом должны сохранить наши чувства на всю жизнь, потому что у нас не будет других пар и иных шансов на счастливую жизнь.

Наконец, небо стало светлеть и к моему убежищу начали подтягиваться люди. Разобрать лица большинства из них я не могла, тем более я уже не смела, как раньше, храбро смотреть на всех, выпрямившись у двери. Я выглядывала из окна, и только так смогла узнать некоторых из пришедших. Среди них точно был маг-целитель, старик из рода Принтезис. Еще я узнала кое-кого из моих не случившихся женихов, и время от времени в разных концах собирающейся толпы мелькала светлая кучерявая голова. Только рассмотреть, кто именно крутится возле разных групп людей — Анастас или Костас — у меня не получалось.

Людей собиралось все больше, темнота уже развеялась, но мой жених у автобуса так и не появлялся. И в тот момент, когда я уже поверила, что ничего у нас не получится, где-то в стороне, с краю многоголосой шумной толпы раздались крики и ржание лошади. Я смогла рассмотреть, как кучерявого мужчину, сидящего на коне, не подпускают к автобусу. От нетерпеливого ожидания я подбежала к двери и, обтирая вспотевшие ладони об джинсы, ждала, пока Анастас сможет подобраться до меня. Он же сидит на коне! Он должен доскакать до автобуса! Но у него на пути стоят размахивающие руками мужики. Может, правильнее будет, если я выбегу ему навстречу?

В этот момент наездник развернул коня, и я увидела удаляющуюся вдаль спину

мужчины и развивающий с хвост коня. Я больше от удивления и непонимания происходящего не сразу впала в отчаянье. А кругов раздавался хохот и выкрикиваемые победные реплики:

— Сбежал!

— Струсил!

— Все Фасулаки трусы!

— Помахал хвостом!

— Осталась иномирянка на милость Магикир!

Но я сразу обратила внимание, что не все выражали радость от происшедшего. Особенно много было сосредоточенных серьезных людей вблизи автобуса. Мужчины, большинство из которых были совсем юными парнями, стояли плотной стеной как можно ближе к моему убежищу. И вот несколько парней раздвинулись в стороны, пропуская вперед... Анастаса! Только его кучеряшки были прикрыты капюшоном плаща. Оказавшись рядом с входом в автобус, он скинул капюшон и, ободряюще улыбнувшись мне, вытянул правую руку в мою сторону. И только я успела вложить в нее свою ладонь, как он крикнул:

— Перед Богом и людьми: я твой муж, и ты моя жена навеки!

Кругом установилась абсолютная тишина. И, кажется, даже стоявшие в последних рядах люди слышали слова этой ритуальной фразы. И мои ответные слова также разнеслись по толпе:

— Перед Богом и людьми: ты мой муж, и я твоя жена навеки.

Сразу после моих слов, не оставляя даже секунду, чтобы придать весомости своим словам, Анастас второй раз произнес:

— Перед Богом и людьми: я твой муж, и ты моя жена навеки.

Я ощущала, как кожа на руке Анастаса идет пузырями. И, прилагая усилия, чтобы смотреть своему жениху в глаза и не перевести взгляд на его ладонь, я второй раз произнесла:

— Перед Богом и людьми: ты мой муж, и я твоя жена навеки.

Одновременно с концом моей фразы раздался свист выпущенных стрел. Несколько пернатых снарядов влетели в автобус, и одна из стрел воткнулась в развороченную дверь и начала расщепляться на глазах у всех.

Толпа людей начала волноваться, мужчины еще плотнее сомкнули за Анастасом спины. Вдалеке раздавались крики и проклятья. Началась давки и суета.

Только Анастас, упавший на одно колено, все также громко и уверенно произнес:

— Перед Богом и людьми: я твой муж, и ты моя жена навеки!

И я прокричала ему в ответ ритуальные слова, чтобы их слышали все, и никто не посмел отрицать, что я произнесла слова и в третий раз.

— Перед Богом и людьми: ты мой муж, и я твоя жена навеки!

Как только я закончила фразу, Анастас с силой откидываясь на спину, вытянул меня из автобуса, и я, выпав наружу, растянулась поверх своего мужа.

— Кира, вот это настоящие первые объятия. — Лежа подо мной с вымученной улыбкой сказал Анастас.

А кругом раздавались ликующие возгласы:

— Я свидетель!

— Принтезис свидетель!

— Николас свидетель!

— Братья Адамас свидетели!

— Я Кавьяр! И я свидетель!

Кругом продолжали раздаваться попеременно со свистом, крики десятков мужчин, свидетельствующие, что они лично только что слышали что иномирянка и Анастас Фасулаки из рода Кавьяр стали мужем и женой. И наш союз Нерасторжимый!

Только нам двоим радоваться не позволяла сгоревшая рука Анастаса. Кто-то стащил меня с моего мужа, и силой вырвал мою руки из крепкой судорожной хватки Анастаса. Я только увидела, что на его правой ладони белеют оголенные кости. И я крепче обняла своего мужа за шею, пока старый целитель Принтезис пытался оказать ему помощь. Обнимая Анастаса, я неосознанно терла свою ладонь о джинсовые штаны, чтобы избавиться от остатков человеческой кожи и мышц.

— Все я снял боль, — проговорил целитель, продолжая перевязывать ладонь Анастаса.

— Мне уже лучше, — вглядываясь мне в глаза, сказал и сам Анастас. — Не волнуйся.

А я не от обычного волнения, а от дикой нечеловеческой паники не могла даже слова сказать.

— Фасулаки, — произнес целитель, задрав рубаху Анастаса и начиная перевязывать его по линии пояса, — у вас ранение. Чья-то стрела вас все же настигла.

— Ничего, мне не больно. — Храбро сказал Анастас и подмигнул мне. А у него и на лице были следы побоев. Я постаралась улыбнуться ему в ответ, хоть мне хотелось плакать от жестокости местных жителей, основная злоба которых молотом била именно по Анастасу. А он был здесь самым чистым и надежным человеком. Настоящим мужчиной!

— Можно вставать? — Спросил Анастас у лекаря, когда тот закончил с повязкой.

— Не стоит спешить, молодой человек. Ночь еще далеко, успеете вы порадовать юную супругу...

Мы с Анастасом от таких намеков залились краской. А шутка очень понравилась окружающим нас мужчинам и их добродушные советы и смачные предположения не позволяли Анастасу вернуть свой обычный цвет лица. А потом мой муж притянул меня к себе и подарил мне первый поцелуй. Казалось. Что толпа и весь этот мир пропали, оставив нас хоть ненадолго вдвоем. Я крепче обхватила Анастаса за шею и как только смогла, прошептала ему на ухо:

— Спасибо, Анастас! Ты смог. Не предал нас.

— Не благодари. Я только боролся за свою любимую...

Мне столько еще нужно было сказать мужу именно в этот момент, ведь позже события завертят нас и больше этот момент не повторится, когда самые правильные слова рождаются в сердце и их не стыдно и легко озвучить.

Но раздался громкий металлический скрежет, и на нас с новой силой обрушился шум сотни голосов. Все смотрели на мой автобус.

— Колесница!

— Там внутри разверзлась преисподняя! — Раздались кругом возгласы.

И мы с Анастасом поднялись на ноги, чтобы лучше видеть мое убежище. Внутри автобуса стояло яркое сине-желтое свечение, и металлический каркас автобуса вибрировал, как будто живое израненное существо пыталось надыхаться последними глотками воздуха. Потом мой верный, хоть и бездушный, защитник начал сжиматься, и от него стали отлетать и испаряться большие и маленькие куски металла. Видя, как мой родной автобус — верный защитник, почти что друг — покидает чужой ему мир, я не могла сдержать слез и крепче

прижалась к Анастасу. А он, чувствуя, что происходит в моей душе, обнял меня левой рукой, а правой, перевязанной ладонью вытер слезы с моих щек.

— Главное, ты уже в безопасности. А осколку чужого мира здесь было не место, — успокаивая меня, прошептал Анастас. Я была с ним согласна, только отвести взгляда от пропадающего в ярком свете автобуса, все равно, не получалось.

А когда автобус все же пропал, кто-то из парней выбежал на то место, где только что стоял осколок чужого мира и, нагнувшись, что-то поднял с земли.

— Последний дар осколка! — Прокричал он, поднимая что-то вверх на вытянутой руке. Кругом все стали радоваться и окружили парня, чтобы полюбоваться его находкой.

Но он выбежал из толпы и подошел к нам с Анастасом. Потом парень протянул нам на обеих раскрытых ладонях то, что назвал последним даром осколка.

— Забирайте, это ваше! — Благородно проговорил он.

А я смотрела на предмет в его руке и не знала плакать мне или уже можно смеяться. Парень торжественно держал пустую банку из-под энергетического напитка. Я уже не помнила, кто из парней выбросил ее из автобуса в первый день нашего перемещения в этот мир. Но точно знала, что тогда они пытались выяснить, находится ли автобус на краю пропасти, и не упали ли в бездну те, кто уже пропал в тумане.

Я важно сказала парню:

— Спасибо вам за благородство и поддержку. Мы с мужем хотим, чтобы этот последний дар осколка чужого мира остался именно у вас.

Парень, которого можно было считать моим ровесником, просиял счастливой детской улыбкой и, хлопнув Анастаса по плечу, сказал:

— Ты счастливчик! Твоя жена умная и щедрая. Вы обязательно будете счастливы.

Под радостные крики и слова поддержки мы с Анастасом сели на лошадь, которую подвели к нам и в плотном кольце других наездников поскакали к нему домой. В пути мы были не меньше нескольких часов, и все это время поднимались вверх по горе.

Наконец, перед нами распахнули широкие ворота. Если на протяжении всего пути нас с Анастасом просто приветствовали большие и маленькие группы людей, то во дворе его дома нас закидала гостями риса и лепестками цветов огромная толпа. При этом они скандировали:

— Анастас! Анастас! — Как будто он триумфатором вернулся с войны. Хотя, с другой стороны, у автобуса ему пришлось выстоять в настоящем сражении против людской жестокости.

Спрыгнув с лошади, Анастас помог слезть и мне, не позволив никому меня касаться. А двое кучерявых мужчин сразу поспешили ему помочь.

— Я сам! — Остановил их Анастас. А когда я оказалась на земле, добавил. — Кира, с Костасом ты знакома. Надеюсь, вы будете дружить, от много вложил сил, чтобы помочь мне. — А потом, указав на другого кучерявого мужика, продолжил. — Это Фотис, еще один мой брат. Он сегодня отвлекал внимание толпы на себя и изображал меня, когда ускакал на коне. Иначе у меня не получалось пробиться к твоей колеснице.

Дальше мне представляли сестер Анастаса и их мужей, невесток, племянников и племянниц, теток и дядюшек, бабушек и дедушек. Наконец, к нам подошли родители Анастаса, отец просто обнял сына и пожелал нам счастья. А мать, как я и думала, была не рада выбору сына, она зло посмотрела на меня и прошипела:

— Ты принесла беду в мой дом. Сейчас род Кавьяр будет вынужден воевать с Магикир.

Она бы продолжила попрекать меня во всех бедах их семьи. Только Анастас, шагнув вперед, обнял ее нежно и, отстранившись, сказал так, чтобы слышали все:

— Мама, Кира выбрала в мужа меня из всех мужчин Оруэлла, потому что поверила, что я могу ее защитить. Я же не должен спасти жену от родной матери? Ты примешь ее, как дочь?

— Конечно, сынок. — Совсем не искренне ответила моя свекровь. — Твоя жена уже дочь для меня.

Мне оставалось только радоваться, что мы с Анастасом вскоре отправимся в крепость на границе. Наверняка, для меня проще и безопаснее будет воевать с мечом в руке, чем завоевать симпатию матери Анастаса.

Я уже устала от бесконечных разговоров и начала мечтать о тишине и ванной, чтобы ополоснувшись в чистой воде, переодеться в свежую одежду. А в стороне стояли мои школьные друзья, подойти к которым я не могла, но очень хотела это сделать. И как бы испытывая на прочность мою выдержку, у ворот виллы моей новой семьи раздались звуки фанфар. И в мгновение распахнувшиеся ворота въехали несколько колесниц. Из одной из них вышел Отец города Оруэлл, а другие важно покинули очень величественные люди. И также, спешившись с лошадей, к нам подошли еще двое кучерявых мужчин. Я сразу поняла, что это старшие братья Анастаса, которых не было дома из-за торговых дел.

После обменов поклонами, приветствиями и пожеланиями счастья и благополучия, гостей усадили на мягкие диваны. А мне, Роме, Колян, Алексу, Мишке, Людмиле Борисовне и Армену позволили рассказать важным гостям о наших приключениях. Покивав нашим непохожим историям, величественные гости выслушали и Анастаса, и его отца.

Под конец они рассказали, что прибыли от Его Величества для проверки поступившей жалобы.

— Наше Королевство раскинулось на пяти горах и только справедливость Его Величества, права граждан и вера в силу закона поддерживает в таком большом и разнообразном государстве единство и мир. — Красноречием гостей можно было восхищаться, если бы я так не устала. Ещё всем нам приходилось стоять, пока гости продолжали сидя на удобных диванах рассказывать о своей великой миссии.

Но потом их речи стали очень мне интересны. Оказывается жалобу Его Величеству на беззаконие Отца города послал ни кто иной как папа Анастаса. После того, как по Оруэллу распространили приказ, что главная миссия мужчин выманить любыми средствами иномирянку из ее колесницы, он посчитал, что этот приказ несправедливым и пожаловался королю на беззаконие главного политика.

Папа Анастаса был неглупым и при этом очень справедливым человеком. Увидев, с какой охотой все мужчины отправились делать мне предложение, он испугался, что и его сыновья будут причастны к убийству иномирянки. Поэтому старших сыновей он сразу отправил к королю, и они вообще не принимали участие в отборе. Фотиса я вообще не помню, но он приходил к автобусу одним из первых и ушел, не привлекая к себе моего внимания. Может, он был в головном уборе? Костас же мне понравился и, но отвечая на мои вопросы, он говорил только правду, потому что за женихами все время следили слуги Отца города. И он смог своими ответами меня оттолкнуть. Хотя, если бы он только немного приврал, я бы могла согласиться выйти за него замуж.

О Анастасе же его отец, вообще, не переживал. Во-первых, его младшего сына не было дома, а во-вторых, все в семье относились к младшему в семье сыну как к ребенку. Кто же

думал, что он так быстро закончит дела на равнине и по дороге домой встретиться с иномирянкой и сразу в нее влюбится? А влюбившись, Анастас все свои силы направил на то, чтобы меня спасти.

После того, как в Оруэлле узнали, что я согласилась выйти замуж за Анастаса, на него начали давить слуги Отца города. Анастаса несколько раз били, заставляя отказаться от Нерасторжимого союза со мной. Мешали ему приносить мне еду и особо жестоко наказали за подаренный мне дождь. Причем здесь наказание коснулось и его друзей. Из-за чего они, нуждаясь в лечении, долгое время не могли быть ему поддержкой. Потом Отец города придумал хитрость с отправкой Анастаса в приграничную крепость. Но здесь Анастас чудом узнал о своем назначении и, действуя на опережение, отказался жениться. И если раньше его били, заставляя отказаться от меня, то сейчас стали настаивать на этой женитьбе. Анастас же пытался через Костаса предупредить меня о том, что ему нужно время на решение проблемы. Конечно, я намеков не поняла, но и ни за кого другого замуж идти не согласилась. Потом был наш ночной разговор во сне. И утром, уже имея поддержку разочарованных в Магикир и Отце города людей, Анастас смог назвать меня своей женой.

А то, что папа Анастаса послал жалобу Его Величеству уберегло род Кавьяр от дальнейших столкновений с Магикир. Посланцы короля отстранили Отца города от должности и запретили в дальнейшем заниматься политикой. Это было наказание за то, что он интересы своего рода поставил выше обязанностей перед Оруэллом и его жителями. Род Магикир оштрафовали, хотя, по-моему, они заслужили более суровой кары. Так же от имени Его Величества нам выделили ещё семь дополнительных мест в приграничной крепости. Благодаря чему я сразу освободила от рабства своих друзей, они могли сейчас свободными людьми отправиться на службу. И мы все вместе, прихватив и Костаса, через неделю покинули Оруэлл, чтобы охранять границы Королевства Пяти Гор.

А до нашего отъезда были купания в местной бане и застолья, лечение Анастаса и праздничные танцы и, конечно, наша первая брачная ночь.

Эпилог

Десять лет на границе с торокками были не самым худшим временем в моей жизни. И последующее десятилетие можно назвать счастливым. И все время, проведенное вместе с Анастасом было полно радости и счастья.

Хотя вначале нам всем было очень тяжело. Торокки — степной народ, многочисленный и воинственный. Но так как между нашими государствами давно был стабильный мир, они просто по-добрососедски нападали на приграничные крепости. Они не хотели никого обижать и, тем более, убивать, просто молодежь должна была как-то хвастаться друг перед другом своей удалью и ещё, конечно, никому не мешало отточить военное мастерство.

Торокки напали в любой время, крали женщин и угоняли животных. И наши воины в мирное время были озлобленными и изнуренными, тем более, что новобранцев, которые должны были проходить обучение, присылали нечасто. А кровь защитников Королевства Пяти Гор лилась реками.

Получалось, что в мирное время крепость несла почти военные потери. Но так было только до тех пор, пока мы не прибыли в крепость. Анастас и Костас умели воевать, а наши земные парни придерживались земных правил: не хочешь драться — покажи, как ты умеешь это делать, чтобы враги ужаснулись и обходили тебя стороной. В общем, пройдя обучение, наши воины решили немного дисциплинировать торокков и выработать какой-то график для их нападений. На общем совете в крепости решили, что каждые два месяца можно выделить

по три дня на военные забавы. А основное время в крепости нужно строить жилье для будущих молодых семей, растить и воспитывать детей — просто жить, наслаждаясь каждым мирным часом.

Только торокки любили воевать и не любили дисциплину. И уже принятое от нашей крепости предложение нарушили в первую же ночь. Битва была очень кровавой, потому что защитники крепости впервые не относились к налетчикам, как играющим детям. Сейчас они были враги, нарушившие договор. Тогда всех захваченных в плен удальцов пришлось обезглавить. В наказание. И назидание. Тела и головы скинули с крепостной стены. Торокки, пораженные такой неоправданной жестокостью по отношению к своим удалым, но совсем юным воинам, неожиданно поняли, что график нападений очень удобен и им. Ведь остальное время они могут активнее заниматься кочевым скотоводством и также посвятить себя и другим полезным делам.

Так беспокойные времена в приграничной крепости подошли к концу. Конечно, моих бывших одноклассников, а также Анастаса, Костаса и Армена награждали не очень приятными словами, но мирное время стоило небольших жертв. А какая разница считают ли тебя противники извергами?

Со временем жизнь наша стала вполне счастливой. Анастас был лучшим из возможных мужей, заботливым, понимающим и нежным. Его несложно было любить и, угождая ему, я сама становилась счастливее. Он максимально огородил меня от военных дел, при этом заставляя меня тренироваться и обучать владению оружием. А после того, как у нас появились дети, все мое время было занято воспитанием детей. Я и школу в крепости создала, не пропадать же моим знаниям арифметики?

Армен и Людмила Борисовна поженились ещё по дороге в приграничную крепость, жили душа в душу и растили четверых детей. Рома и Алекс женились на достойных девушках через год жизни в крепости. А уже на следующий год все гуляли на свадьбе Мишки. И Колян, о котором я уже начала беспокоиться, тоже нашел свою судьбу. Все отмечали сходство его супруги со мной, но, по-моему, мы были абсолютно не похожи друг на друга.

С годами мы все как-то привыкли друг к другу, тем более между мной и моими одноклассниками не осталось недомолвок и долгов. Я вернула им все их личные вещи, что сильно облегчило им жизнь. Тем моим одноклассникам и одноклассницам, что остались в Оруэлле, я также передала их сумки и куртки. Неприятный осадок остался только после разговора с Жанной. Она уже жила со своим хозяином, который обещал ей свободу после того, как у них родится первый ребенок. И забрать ее с собой в крепость мы не могли. Но она обвинила меня в эгоизме, а наших одноклассников в трусости. Я не считала, что обязана ей хоть чем-то, кроме ее сумочки и куртки, а эти вещи я ей отдала. Ведь она пыталась выманить меня из автобуса. И пока я боролась за свою свободу, она уже отказалась от тяжелой работы в рабстве и согласилась жить со своим хозяином. Жанна выбрала легкий путь. Она и получила то, что заслужила.

Анастас и его отец не запретили мне распоряжаться вещами из автобуса так, как я считаю это правильным. Они также помогли мне правильно отблагодарить родственников и всех людей, оказавшим нам поддержку. Как однажды с хитрым прищуром заметил мой свёкр — нам с Анастасом нужно сохранить о себе добрую память в Оруэлле, чтобы в любой момент мы могли вернуться к дружественной родне, друзьям и соседям.

Еще он поделился со мной важной информацией о своей семье:

— Все говорят, что Фасулаки трусы. Не верь. Просто храбрость не затмевает нам разум.

Мы умеем думать и выжидать. Никто другой, кроме Фасулаки не выиграл бы эту битву против Магикир. Мы слабее их в магии, и наш род не такой многочисленный, но мы умеем терпеть. И отстаиваем свои идеалы. — Он постучал себя указательным пальцем по виску и закончил. — Кира, больше слушай и мало говори. И береги моего сына, поверь, я вырастил для тебя достойного мужчину.

Надеюсь, я правильно поняла его совет и берегла сердце Анастаса, чтобы он ни разу даже не подумал, что без меня его жизнь была бы проще и лучше.

А со свекровью я даже с годами так и не нашла общий язык, хотя очень стала ей угодить. Наверно, мне просто везло с отцами. И в прошлом мире, и в этом папы у меня были самыми лучшими. А мамы были скорее требовательными, чем нежными.

Костас через десять лет закончил свою службу в крепости и вернулся с женой и детьми в Оруэлл. А Анастас со временем дослужился до коменданта крепости. Но долг воина не мешал ему совершенствоваться в магии сноходцев. И однажды, когда я заснула, прижавшись к его боку, он пригласил меня в гости к моей семье. В эту встречу мама, не сдерживаясь, обнимала меня и целовала. Повзрослевший брат обещал лично придушить Агелай Пирра и очень расстроился, узнав, что маг давно умер. А папа, который после того, как я пропала, перенес инсульт, а сейчас был прикован к инвалидному креслу. Но он обещал, что сейчас, уже зная, что у меня все хорошо, обязательно встанет на ноги.

Агелай Пирр из рода Магикир вскоре после моего спасения из автобуса отправился вслед за своим дедом, Ксенией Олеговной и отцом. Никого из них мне и моим друзьям не было жаль. Тем более нам стало известно, что это Агелай Пирр через свои сны дотянулся до Ксении Олеговны в другом мире. Он договорился с ней о ее перемещении в свой мир. Они вместе решили набрать как можно больше людей, которых потом можно будет продать в рабство. А Ксения Олеговна даже кредитов и микрозаймов набрала, чтобы собрать себе приданое. Но, ничего, ее вещи оченьгодились мне. Кстати, все лекарства я отдала старику целителю Принтезис, ведь его мастерство помогло Анастасу сохранить руку. А набор пластмассовых детских овощей я отправила королю в благодарность за своевременное вмешательство.

* * *

По пыльной дороге медленно шли девять человек и вели под уздцы своих нагруженных коней.

Мне и всем моим друзьям пришлось обзавестись местной одеждой. И если парням было достаточно сшить по паре штанов и рубах, а также теплые вещи на зиму, то мне и Людмиле Борисовне пришлось потратиться и на штаны с рубахами для тренировок и на платья, в которых мы должны были ходить всегда. И теплой зимней одеждой нам нужно было запастись больше, чем мужчинам. Очень кстати пришлось здесь мое приданое. Нам всем еще и военную амуницию придется приобретать. И обустроиться на новом месте дело непростое и недешевое.

— Кира, о чем ты думаешь? — Спросил шагавший рядом Анастас.

— О тебе. — Улыбнулась я ему.

Анастас шагнул ближе ко мне, чтобы наш разговор никто не слышал:

— Я тоже о тебе думаю. Каждое мгновение.

— И как ты служить-то будешь, думая только обо мне? — Прижала я руку к своему рту.

Анастас, прикусив губу, оглянулся на шагавших невдалеке парней. А все они нагло смотрели прямо на нас, ни о каком уединении мы не могли даже мечтать. И нам,

влюбленным молодоженам, приходилось ловить каждый момент, чтобы коснуться друг друга или урвать тайком хоть один поцелуй. Но это было даже интересно, как будто у нас все еще длится период ухаживаний, и мы усиленно делаем перед окружающими вид, что еще не решили, нравимся ли мы друг другу.

Пришлось Анастасу со вздохом отступить от меня дальше.

Яркое солнце обжигало кожу, но мы все продолжили смеяться и весело обсуждали брачный ритуал Людмилы Борисовны и Армена. Они поженились в прохладном храме. Никто в них из лука не стрелял, наоборот, им дарили цветы и во славу их молодой семье пели песни.

— А наша Кира даже замуж нормально выйти не смогла. — Сказал Алекс.

— Кира не виновата, это Настенька ее до храма не довез. — Вставил Колян.

Так уж получилось, что парням понравилось дразнить моего мужа эти именами. Стоило поблагодарить за это Рому.

А Анастас в ответ всегда подбирал для них новые местные женские имена. И сейчас он посмотрел на Коляна и спокойно проговорил:

— Калисфения, я и сам мечтал о ритуале в храме.

— Я не Калисфения! — Уже привычно возмутился Колян.

— И я не Настенька. — С невозмутимой улыбкой ответил Анастас.

— Почему у Настеньки самый красивый конь? — После недолгого молчания спросил Мишка.

— Потому что я умею выбирать коней. А ты, Минодора, моих советов не слушал... не слушала.

Мишка, конечно, каждый раз возмущался, как в первый. И при этом сильно злился:

— Я не Минодора! Еще раз меня так назовешь...

— А я не Настенька. Слышал...ла меня, Мнемозина?

Нам в который раз пришлось остановиться, потому что Мишка полез воспитывать Анастаса кулаками. И, конечно, мой муж в очередной раз вывалял его в пыли.

В начале нашего пути эти их споры и драки меня пугали. Но сейчас я, как и Костас, смотрела на драки, который нередко заканчивались разбитыми носами с умилением взрослого, который любит первыми шагами ребенка. Что поделаешь, мальчишки таким образом притирались друг к другу и очерчивали для себя границы дозволенного. В будущем доверие, зародившееся между ними во время этого путешествия, очень нам помогло. Сейчас же я снова помогала вытирать кровь с лица Анастаса, а он, наконец, обняв меня за талию, с улыбкой принимал заботу. А я в уже в который раз с гордостью отметила, что он ни разу не повторился в именах, которыми нарекал моих друзей.

Больше книг на сайте - Knigoed.net